

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2015

№ 3

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

- Функ Дмитрий Анатольевич**, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор
- Соколовский Сергей Валерьевич**, Институт этнологии и антропологии, Россия –
заместитель главного редактора
- Нам Ираида Владимировна**, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора
- Дериглазова Лариса Валериевна**, Томский государственный университет, Россия
- Хазанов Анатолий Михайлович**, университет Висконсин-Мэдисон, США
- Швайцер Петер**, университет г. Вена, Австрия
- Трубина Елена Германовна**, Уральский федеральный университет, Россия

Редактор номера **Л.В. Дериглазова**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

- Бич Хуберт**, университет г. Уппсала, Швеция
- Бирталан Агнеш**, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
- де Граф Тьеерд**, университет г. Гронинген, Нидерланды
- Дятлов Виктор Иннокентьевич**, Иркутский государственный университет, Россия
- Харусь Ольга Анатольевна**, Томский государственный университет, Россия
- Крадин Николай Николаевич**, Дальневосточный федеральный университет, Россия
- Мамонтова Надежда Александровна**, университет Хельсинки, Финляндия
- Мандельштам Балзер Марджори**, Джорджтаунский университет, США
- Миськова Елена Вячеславовна**, Московский государственный университет, Россия
- Зайцева Ольга Владимировна**, Томский государственный университет, Россия
- Зиновьев Василий Павлович**, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larissa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

Guest editor **Larisa Deriglazova**

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Helsinki, Finland*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка (Л.В. Дериглазова)	6
---	---

ЕВРОПА – РОССИЯ – СИБИРЬ: В ТРЕУГОЛЬНИКЕ ОТНОШЕНИЙ

Саква Ричард. Украинский кризис и кризис Европы (перевод Н.К. Рожановской)	8
Нелаева Г.А., Семенов А.В. Балканский треугольник: Сербия между Европейским союзом и Россией в 2000-е гг.	40
Дериглазова Л.В. Приоритеты внешней политики России: оценки и ожидания молодых международных Томска, 2012 г.	63
Интервью с Савелием Вольфсоном. «Сибирь – это возможность начинать новое дело, новый проект...»	87

РЕЦЕНЗИИ

Gherghina, Sergiu. <i>Party Organization and Electoral Volatility in Central and Eastern Europe: Enhancing Voter Loyalty</i> . Routledge, 2014. ISBN 978-0415737166 (А.В. Семенов)	93
Manias, Chris. <i>Race, Science and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany, 1800-1914</i> . London & New York: Taylor and Francis, 2013. 302 p. ISBN 978-0-415-83299-1 (Д.А. Трынкина)	98
Coogan, Tim Pat. <i>The Famine plot: England's role in Ireland's greatest tragedy</i> . New York, Palgrave Macmillan, 2012. 271 p. ISBN 978-0-230-10952-0 (Е.П. Власова)	101
Пасынкова В.В. <i>Спорт и политика в Европе</i> . СПб.: Норма, 2014. 217 с. (Европейские исследования). ISBN 978-5-87857-227-9 (О.В. Баев)	105

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	110
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	112
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Editor's note (L.V. Deriglazova)	6
---	---

EUROPE – RUSSIA – SIBERIA: IN THE TRIAGALE RELATIONSHIP

Sakwa R. Ukraine crisis and crisis of Europe (translated by N.K. Rozhanovskaya)	8
Nelaeva G.A., Semenov A.V. The Balkans Triangle: Serbia between the EU and Russia in 2000s	40
Deriglazova L.V. Priorities of the foreign policy of Russia: assessments and expectations of young specialists in international relations from Tomsk, 2012	63
Interview with Savely Wolfson: «Siberia – this is an opportunity to start up a new deed, a new project...»	87

BOOK REVIEWS

Gherghina, Sergiu. <i>Party Organization and Electoral Volatility in Central and Eastern Europe: Enhancing Voter Loyalty</i> . Routledge, 2014. ISBN 978-0415737166 (A.V. Semenov)	93
Manias, Chris. <i>Race, Science and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany, 1800–1914</i> . London & New York: Taylor and Francis, 2013. 302 p. ISBN 978-0-415-83299-1 (D.A. Trynkina)	98
Coogan, Tim Pat. <i>The Famine plot: England's role in Ireland's greatest tragedy</i> . New York, Palgrave Macmillan, 2012. 271 p. ISBN 978-0-230-10952-0 (E.P. Vlasova)	101
Pasynkova V.V. Sport and politics in Europe. SPb.: Norma, 2014. 217 p. (European studies). ISBN 978-5-87857-227-9 (O.V. Baev)	105

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	110
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	112
--------------------------------------	-----

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

DOI: 10.17223/2312461X/9/1

Уважаемые читатели!

Третий номер журнала «Сибирские исторические исследования» 2015 г. продолжает тему международных и европейских исследований, начатую в 2014 г. (см. № 1). Международная проблематика номера выстроилась в сопряжении трех пространств – Европы, России и Сибири. Материалы номера также задали «треугольную форму» взаимодействия изучаемых субъектов, где Европа и Россия нередко являются полюсами притяжения или противостояния вовлеченных акторов, источником идентичности и самоопределения.

Эта тема ярко звучит в статье профессора Ричарда Саквы – ведущего британского политолога, специалиста в области европейских, российских и постсоветских исследований. Обращаясь к острейшему кризису в международных отношениях последних двух лет – украинскому, Ричард Саква предлагает концептуальное видение «самоубийственного идеализма» европейских политиков. По мнению Саквы, последние не смогли реализовать идею объединенной Европы после окончания холодной войны и, напротив, своими действиями усиливают разделительные линии на континенте. Основные положения статьи были высказаны профессором Саквой в публичной лекции, которая состоялась в октябре 2014 г. в Томском государственном университете.

Статья Галины Александровны Нелаевой (Тюменский государственный университет) и Андрея Владимировича Семенова (Пермский государственный университет) продолжает анализ европейской политики, где в центре влияния Европы и России находится Сербия, страна, которая пережила кровопролитную гражданскую войну в первой половине 1990-х гг. и которая стремится найти свое место в новой Европе. Авторы анализируют рычаги воздействия ЕС и России на Сербию и рассуждают о последствиях этого влияния на траекторию развития страны.

Статья Ларисы Валериевны Дериглазовой (Томский государственный университет) представляет некоторые результаты масштабного исследования «Внешняя политика России: оценки и ожидания молодого поколения», которое проводилось в первой половине 2012 г. в более чем десяти регионах России по заказу Фонда имени А.М. Горчакова. Результаты этого исследования не были опубликованы, но, по мнению автора статьи, по-прежнему сохраняют свою значимость. Л.В. Деригла-

зова представляет спектр мнений по трем основным темам исследования (приоритеты внешней политики России; общественная дипломатия; кадровое и информационное сопровождение внешней политики), которые были высказаны молодыми специалистами из Томска.

Интервью с Савелием Вольфовичем Вольфсоном, руководителем отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета, продолжает серию бесед о сути, методологии и результатах международных исследований в сибирских университетах. Савелий Вольфович всей своей жизнью воплощает тезис об академической и интеллектуальной свободе профессиональных ученых, для которых формальные ограничения не могут препятствовать изучению актуальных проблем современного мира.

Раздел рецензий представлен аналитическими обзорами четырех работ, посвященных европейским исследованиям. А.В. Семенов дает критический разбор монографии Серджиу Гергины «Партийная организация и электоральные колебания в Европе: повышая лояльность избирателей». Дарья Александровна Трынкина (Московский государственный университет) представляет монографию Криса Маниаса о проблемах национализма в Европе «Раса, наука и нация: Реконструкция древнего прошлого в Великобритании, Франции и Германии, 1880–1914 гг.». Елена Петровна Власова (Московский государственный университет) дает обзор работы Тима Пата, посвященной Великому голоду в Ирландии и роли англичан в этих событиях, которые сами ирландцы нередко квалифицируют как геноцид. Олег Валерьевич Баев (Кемеровский государственный университет) взвешивает сильные и слабые стороны работы Вероники Владимировны Пасынковой на актуальную тему спорта и политики в Европе, которая пока не нашла достойного отражения в отечественной науке.

Данный номер в очередной раз демонстрирует разнообразие интересов ученых из различных российских и зарубежных университетов в рамках обширного поля «международных исследований». События в сопряженных политических пространствах Европы и Азии постоянно дают «пищу для размышлений» ученым и требуют серьезной академической рефлексии, что отражено в представленных в номере материалах. Надеемся, что это разнообразие тем при сохранении фокуса исследований отражает верность выбранной позиции журнала, в котором «сибирскость» не является ограничителем, а наоборот, всякий раз позволяет находить новые и новые грани академического интереса к максимально широкому кругу проблем в социальных и гуманитарных науках.

*Лариса Дериглазова
Томск, 10 сентября 2015 г.*

ЕВРОПА – РОССИЯ – СИБИРЬ: В ТРЕУГОЛЬНИКЕ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327/94(4)

DOI: 10.17223/2312461X/9/2

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И КРИЗИС ЕВРОПЫ

Ричард Саква

Аннотация. Начало Первой мировой войны было воспринято многими как «самоубийство Европы», спустя сто лет можно говорить о новом самоубийстве Европы, к которому привел губительный идеализм европейской интеграции. В основе Европейского союза лежала идея о объединении Европы ради мира, и до 1989 г. Европа вполне успешно справлялась с этой задачей. Однако Евросоюз потерпел неудачу, столкнувшись с не менее сложной задачей посткоммунистической эпохи – задачей устранения разногласий холодной войны и построения основ объединенного континента. Он стал лишь гражданским крылом атлантического союза в сфере безопасности, хотя должен был предложить общее мировоззрение для всего континента. Даже его все более ограниченная приверженность социальной и межнациональной солидарности ставится под угрозу идеей Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

Евросоюз оказался вовлеченным в геополитическое соперничество с Россией, подавляя при этом осознание логики своих действий. Украина оказалась внутренне разделена и расположена вдоль традиционного исторического разлома Европы, но искусная дипломатия в духе традиционного реализма могла бы предотвратить кризис. Евросоюз подавил осознание собственных геополитических амбиций, облекая свое наступление в термины регулирования, эффективного управления и нормативных институтов. Новый атлантизм эпохи после окончания холодной войны объединяет русофобские элиты в восточноевропейских странах – кандидатах на вступление в Европейский союз, яростных атлантистов в старой Европе и сторонников американского лидерства (гегемонии) в Вашингтоне, которые сговорились подорвать изначальную мирную цель того, что теперь стало Евросоюзом. Европейский союз оказался втянутым в новый атлантизм, утратив тем самым собственное понимание цели и чувство ответственности за свои геополитические начинания. Вместо того чтобы продвигать мирную интеграцию Европы на ясно сформулированной общеконтинентальной основе, Евросоюз стал инструментом создания новых разделительных линий на континенте.

Ключевые слова: Европейский союз, атлантизм, Россия, Украина, США

Когда разразилась Первая мировая война, Папа Бенедикт XV объявил, что она олицетворяет «самоубийство Европы»¹. Сто лет спустя мы можем говорить о новом самоубийстве, поскольку идеализм, связанный со

всей эпохой европейской интеграции, оказался тщетным и иллюзорным. Конечно, европейская интеграция в своем узком и эксклюзивном варианте продолжается, но усилия по достижению преобразовательной цели, а именно цели объединения континента на основе мира и справедливости, зашли в тупик. В основе Европейского союза (ЕС) лежит мирный проект, и до 1989 г. он блестяще выполнял свою задачу в Западной Европе. Однако ЕС потерпел неудачу, столкнувшись с не менее сложной задачей посткоммунистической эпохи – задачей устранения разногласий холодной войны и построения основ объединенного континента. Он стал лишь гражданским крылом атлантического союза в сфере безопасности, хотя должен был предложить общее мировоззрение для всего континента. Даже его все более ограниченная приверженность социальной и межнациональной солидарности ставится под угрозу идеей Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

В данной статье в словосочетание «смерть Европы» вкладываются три смысла. Во-первых, это исчерпание устремлений, закрепленных в Парижской хартии для новой Европы, принятой на втором совещании глав государств и правительств государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Париже 19–21 ноября 1990 г. Преамбула хартии недвусмысленно провозглашает: «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве». В основу документа легла общая приверженность принципам демократии, прав человека и верховенства закона. Документ настаивает: «Составляющая единое целое и свободная Европа зовет к новому почину» (Парижская хартия, 1990). Во-вторых, это трансформация ЕС из мирного проекта, основанного на ясно различимой гражданской программе, в конкурентоспособного геополитического игрока. В ходе этой трансформации его более ранние нормативные обязательства постепенно замещаются собственными национальными интересами (*raison d'état*). Вызывающее споры поглощение территорий и попытки создать сферу влияния, приходящие на смену предыдущим установкам государств, выглядят как типичное поведение империи, причем империи отчетливо неосредневекового, а не классического вестфальского типа (Zielonka 2007; 2008: 471–484). Экспансионистский импульс задается внешним спросом, а также классическими императивами, а именно необходимостью обеспечить безопасность путем нейтрализации угроз, исходящих из оспариваемых пограничных территорий. В-третьих, хотя Европу, разумеется, не следует отождествлять с Евросоюзом, имеет место более широкий кризис в развитии европейского континентализма, концепции некоего «общеевропейского дома» (по выражению Михаила Горбачёва), который простирается от Лиссабона до Владивостока. Вместо этого в западной части континента мощный

«новый атлантизм» (обсуждаемый далее) обретает форму в противопоставлении России и ее союзникам в Евразии. Эти три аспекта взаимосвязаны и пересекаются между собой.

Россия, как всегда, представляет собой неудобного «другого». Даже будучи слабой и бедной в 1990-е гг., она продолжала претендовать на статус великой державы, что проявлялось в сочетании элементов соперничества и сотрудничества в ее политике на Балканах². Став сильнее и богаче в 2000-е гг., она все более уверенно отстаивала этот статус, бросая тем самым вызов самонадеянности / презумпции атлантической системе в собственной благотворной, прогрессивной и универсальной роли в Европе. Формулу для включения России в расширяющуюся атлантическую систему найти не удалось. С самого начала к ней относились как к «другому» и исключали из коллективной динамики ЕС, что в сочетании со многими другими факторами способствовало ее превращению в неоревизионистскую державу.

Конец иллюзий

Высказывалось множество предупреждений о хрупкости, замкнутости и неустойчивости мирного порядка в Европе после окончания холодной войны. Имели место явные элементы того, что Эдвард Халлетт Карр в межвоенный период назвал «двадцатилетним кризисом». В ходе него отстаивание мирной и нормативной программ сопровождалось новой версией карательной динамики Версальского договора июня 1919 г. (Sakwa 2008: 241–267). Вопреки благородным декларациям конца холодной войны российские комментаторы указывали именно на «версальский» элемент в новой мирной системе. Эту точку зрения изящно сформулировал Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики и почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Объясняя кризис отношений в 2014 г., он утверждает: «Важнейшая причина русского поворота – отказ Запада признать за Россией то место в европейской и мировой политике, которое она считает для себя естественным и законным. Запад пытался проводить, отказываясь признать это, политику победителя, де-факто версальскую политику, хотя и в “бархатных перчатках”, без прямых аннексий и контрибуций. Но, систематически ограничивая свободу, сферы влияния и рынки России и, наоборот, расширяя свою зону политического и военного контроля и влияния – через расширение НАТО, политического и экономического – через расширение ЕС» (Караганов 2014).

Это классическое проявление асимметричного окончания холодной войны. С точки зрения Караганова, к России отнеслись как к побежденной державе, хотя страна не считала себя таковой, и отвели ей

скромную роль в мировых делах. В итоге, как он утверждает, это вызвало своего рода веймарский синдром в стране, достоинство и интересы которой были проигнорированы. Этот довод стал стандартным для всего российского политического спектра, за исключением все более маргинализируемой группы либеральных западников. Этот тезис высказывал в том числе не кто иной, как Михаил Горбачёв, архитектор завершения холодной войны. Уже в 2000 г. он отмечал: «Очевидно, что Запад неспособен разумно реагировать на результаты нового мышления, которое освободило мир от блоковой политики и тотальной конфронтации» (Gorbachev, Ikeda 2000: 147). Это побудило Горбачёва, по сути, поддержать политику Владимира Путина в 2014 г., включая так называемое воссоединение с Крымом, что ознаменовало конец эпохи оптимизма, порожденной перестройкой в конце 1980-х гг. С этой точки зрения в конце холодной войны Запад не имел «большой стратегии», на основе которой он мог бы объединить континент, и вместо этого продолжил по инерции расширять свои институты и структуры. Россия в конечном счете рассматривалась как слишком слабая и слишком маргинальная, чтобы навязать существенные изменения, а к тому времени, когда Россия стала сильнее, было уже поздно³.

На Западе распространен совсем другой нарратив. Его наиболее изящно сформулировали Иван Крестев и Марк Леонард, которые утверждают, что события марта 2014 г. (присоединение Крыма) ознаменовали отступление европейского постмодернистского порядка и конец сложившегося после холодной войны европейского порядка в целом (Krstev, Leonard 2014: 1). По их словам, старым представлениям о балансе сил, имперском возвеличивании и геополитических методах пришел конец, а им на смену пришли взаимное проникновение внутри- и внешнеполитических вопросов, растущая проницаемость границ и универсалистское стремление применить новую нормативность ко всему остальному миру. Европейский проект в такой интерпретации был одновременно «исключительным и универсальным», что сделало «невозможным для европейцев принятие альтернативных проектов интеграции на континенте». «Укрывшись в своей постмодернистской экосистеме, Европа потеряла интерес к тому, как Россия видит мир, и к ее планам» (2). А главное, ослепленный собственным успехом «Евросоюз не отдавал себе отчета в возможности иной интерпретации. То, что он считает благожелательной – практически “травоядной” – силой, иные вполне способны воспринимать в качестве угрозы» (3). Это довольно необычная, благодушная трактовка современной международной политики Европы. Серьезная претензия на нормативное превосходство подорвала способность ЕС взаимодействовать с другими акторами в Европе на основе суверенного равенства. Политическая субъектность других принижается, если не подчиняет себя логике нормативного пре-

восходства ЕС, что в итоге препятствует нормальному дипломатическому взаимодействию между двумя суверенными игроками. Возмущение и сопротивление России были отнесены к категории реакционного и невежественного поведения, что довольно логично с точки зрения ЕС. Так начался так называемый ценностный разрыв, который в конечном итоге подорвал серьезные продуктивные отношения. Именно это фундаментальное противоречие европейского развития и спровоцировало кризис 2014 г.

Отношения ЕС с Россией были сложными с самого начала, а с течением времени стали еще сложнее. Как показал Сергей Прозоров, отношения были выстроены не на основе суверенного равенства, а на основе покровительственного принципа отношений учителя и ученика (Prozovov, 2006). На практике это проявилось в процессе разработки Общей стратегии ЕС в отношении России 1999 г. Несмотря на некоторое взаимодействие с российскими представителями на раннем этапе, разработка документа представляла собой, «тем не менее, весьма одностороннее занятие». В тексте было не так много «общего» как результата взаимных консультаций двух партнеров, вместо этого под «общей» подразумевалась позиция стран – членов ЕС (Maresceau 2004: 183). Это в той же степени касается Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, подписанного в 1994 г., но вступившего в силу только 17 декабря 1997 г., а также Промежуточного соглашения по торговым вопросам, подписанного в 1995 г.: «оба оказались неадекватными двусторонними инструментами для целей регулирования отношений между двумя сторонами» (184). Многие комментаторы в России были готовы принять тезис о том, что расширившийся ЕС является краеугольным камнем стабильности в Европе, но несогласные голоса звучали с самого начала. Например, бывший посол СССР при Европейском сообществе Владимир Шемятенков утверждал, что «несмотря на все сладкие слова о *партнерстве*, оно [расширение ЕС] означает фактическое исключение России (и россиян) из зоны мира, стабильности и благополучия» (184).

И по сей день «правовые рамки отношений [между ЕС и Россией] остаются в некотором роде неурегулированными» (David 2014: 5). Логика исключения достигла апогея в систематических усилиях, предпринятых, чтобы не допустить Россию к переговорам относительно Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, хотя ее участие имело бы большое значение для двусторонних отношений между Россией и Украиной (Dragneva, Wolczuk 2014: 213–244). Были неправильно сформулированы проблема влияния расширения на соседей ЕС и проблема качества политических отношений между ЕС и его партнерами в так называемой новой Восточной Европе (Tholens, Del Sarto 2014). Вместо того чтобы создать Европу «без разделительных линий», расширение закрепило новое разделение Европы, при этом вызвав к жизни класси-

ческие имперские клише об отношениях между центром и периферией. Критика Евросоюза через призму реализма, разумеется, далеко не нова, но с учетом украинского кризиса в настоящее время стоит вопрос о самом выживании ЕС как способного к преобразованию института⁴. Доводы ранних критиков ЕС, которые считали его лишь инструментом холодной войны, теперь получили дополнительную силу.

Как я подробнее проанализирую далее, нормативная риторика, сопровождаемая практическими шагами в парадигме реализма, подкрепляется явлением, на которое слишком часто не обращают внимание, относя ЕС к категории постмодернистских и поствестфальских институтов. Речь идет о фактической конвергенции ЕС и НАТО и формировании того, что я называю «новый атлантизм». У дилемм безопасности, которые создает новый атлантизм, есть множество аспектов. Один из них – неспособность ЕС регулировать размещение внешних сил на своей территории. С либеральной точки зрения Евросоюз в своих устремлениях, несомненно, является благотворным и прогрессивным явлением, но он лишь половина атлантического грецкого ореха. Другая половина – НАТО, а скорлупой, обрамляющей обе части, является американское лидерство вне обеих структур, быстро развивающееся в рамках нового атлантизма. Таким образом, ЕС может и является посттерриториальным образованием, но объявление в апреле 2007 г. о планах НАТО по созданию системы противоракетной обороны в Центральной Европе стало суровым напоминанием о том, что Европа остается неотъемлемой частью разделенного и военизированного мирового порядка. Разработка Евросоюзом Общей политики безопасности и обороны и размещение НАТО систем противоракетной обороны в Европе поднимают основополагающие вопросы, в том числе вопрос о том, как нам следует понимать дилеммы европейской безопасности в контексте, в котором существуют конкурирующие концепции европейской безопасности, а один важный актор находится вне этих процессов.

На глубинном уровне приверженность ЕС комплексу нормативных общественных благ, включая эффективное управление, верховенство закона, защиту прав собственности и по-настоящему конкурентные рынки, рискует быть сведена на нет способом реализации этих обязательств. Источником противоречий стала так называемая новая Восточная Европа, включающая три государства, расположенные непосредственно между Россией и ЕС, а именно Беларусь, Молдову и Украину, а также три республики Южного Кавказа: Армению, Азербайджан и Грузию. Противоречие заключается в том факте, что нормы, по сути своей технократические, оказались политизированы. Им не хватает всеохватной нормативной приверженности идее разнообразной и объединенной Европы, вместо этого растет приверженность новому атлантизму. Отсутствие общего континентального мировоззрения означает, что когда эти нормы

встретили сопротивление «другого», в данном случае России, они приобрели геополитический характер, даже если в их основе лежали благородные намерения и стремление к преобразованию.

ЕС и НАТО утверждают, что безопасность можно укреплять, продвигая либеральную демократию и интеграцию в европейские институты, но в итоге этот «трансдемократический» импульс стал предметом серьезных разногласий, когда начал восприниматься как стремление к смене режима посредством цветных революций. В основе трансдемократической идеи лежит идеология демократизма, которая исходит из того, что если демократия – лучшая из возможных форм правления и должна принести союзникам заинтересованным государствам, то необходимо предпринять все возможные шаги для достижения желанной цели⁵. Основным инструментом достижения цели стала считаться так называемая цветная революция, т.е. массовая народная мобилизация против попыток «украсть» выборы. Классическим образцом такой мобилизации стали украинские события осенью 2004 г. Идеология демократизма опирается на широкую сеть объединений гражданского общества, финансируемых США и европейскими странами. Ощущение, что Запад использует продвижение демократии как прикрытие для достижения своих стратегических целей, включая изменение режима, вызвало широкий спектр защитных реакций в России. Неудивительно, что трансдемократическая трактовка идеологии демократии и военной мощи атлантической системы безопасности воспринимается как угроза для тех, кто выступает в качестве объекта. Это особенно актуально в том случае, когда данная трактовка сопровождается дискурсами исключения, такими как продвигаемый некоторыми элитами в ряде бывших коммунистических стран тезис о якобы исконном стремлении России к империализму⁶. У России и других стран раздражение вызывает не столько демократия как *практика*, сколько ее продвижение как *проект*, который воспринимается как агрессивный, экспансионистский и в конечном итоге подрывающий государственный суверенитет. Разумеется, критика демократизма может использоваться как прикрытие для авторитаризма, но это также и призыв к плюралистическому международному порядку, который признает альтернативные виды развития и разные модели модерна. Сопротивление трансдемократии необязательно имеет антидемократический характер.

Асимметричное окончание холодной войны, при котором трансдемократические державы провозгласили свою победу, в то время как Россия – в отличие от Германии или Японии по окончании Второй мировой войны – отказалась принять поражение, вызвало конфликтный цикл, который далек от завершения (Dower 2000). В отношениях России и Запада установился продолжительный период «холодного мира», перемежающийся попытками обеих сторон уйти от логики новой кон-

фронтации. Именно это я называю имитацией холодной войны, которая воспроизводит практики холодной войны без открытого принятия логики соперничества, лежавшей в ее основе (Sakwa 2013). Это постидеологическая холодная война, поскольку столкновение происходит между разными вариантами капиталистического модерна и нацелено на достижение «концерта капиталистических держав, [который] мог бы регулировать конкуренцию между интегрированными, но различными моделями политической экономии». Это был бы «плюралистический порядок», в котором были бы «уважение или, по крайней мере, терпимость к различиям и готовность адаптироваться к реальным условиям силы» (Buzan, Lawson 2014: 90). Вместо этого возобладало монистическое видение, формирующее конкурентную динамику в европейских международных отношениях, несмотря на благие намерения сторон. Хуже всего, что посткоммунистические страны, поощряемые неоконсерваторами в Вашингтоне и «реваншистами» в Центральной и Восточной Европе, подогревали тревоги по поводу якобы присущей России склонности к деспотизму и империализму. Это стало самоисполняющимся пророчеством: к России отнесли как к врагу, в итоге она им стала. Североатлантический альянс при этом обрел новую роль, которая удивительно похожа на ту задачу, ради которой организация была создана изначально, – задачу сдерживания России.

Следования структурной логике конфликта теоретически можно было избежать, углубив институты и практики либерального интернационализма в рамках Большой Европы (обсуждается далее). Рыночные отношения и плотные сети глобального и регионального управления могли бы сдерживать конфликтный потенциал. Евросоюз основан именно на расширении дуги эффективного управления, но выполнение этой задачи оказалось слишком тесно связано с динамикой соперничества с Россией. Нормативные заботы ЕС в итоге были перекрыты трансдемократическим геополитическим стремлением нового атлантизма расширить свою сферу влияния на восток. Таким образом, ЕС вступил в конфликт с Россией, борясь за территории в новой Восточной Европе, которые раньше воспринимались как общие соседи, а теперь как оспариваемый регион. Я не утверждаю, что Евросоюзу следовало оставить попытки распространить влияние на новую Восточную Европу, но следовало делать это посредством классических дипломатических механизмов согласования и переговоров со всеми заинтересованными сторонами. Различие между европейским и атлантическим проектами следовало выразить более ясно. Вместо этого Европейская комиссия, особенно под резким и нечутким руководством Жозе Мануэла Баррозу, стала воплощением имперского высокомерия. Отношения между Москвой и Комиссией были на пределе задолго до украинского кризиса.

Подход к политике в духе парадигмы реализма, который концентрируется на интересах и вопросах национальной безопасности, предупре-

дил бы политиков об опасности продвижения в регион, насыщенный своими нормами и традициями и занятый собственным интеграционным проектом. Как настойчиво напоминает нам Джон Миршаймер, большинство реалистов были против расширения НАТО. Он также вспоминает критику Джорджа Кеннана в отношении безрассудного расширения (Mearsheimer 2014). Генри Киссинджер тоже подчеркивает, что жизнеспособность международного порядка зависит от достигнутого им равновесия между легитимностью и силой, при котором обе составляющие эволюционируют и изменяются. «Когда это равновесие разрушается, ограничения исчезают, открывается пространство для самых экспансивных притязаний и самых безжалостных акторов; наступает хаос, который существует, пока не будет создана новая система порядка» (Kissinger 2014: 66). По его мнению, версальское урегулирование уделило слишком много внимания легитимности и призывам к общим принципам, игнорируя составляющую силы и тем самым практически спровоцировав немецкий ревизионизм (83). Это довольно точное описание сегодняшнего европейского беспорядка.

Новый атлантизм

На месте, которое раньше занимала идея Европы, появился вакуум. С одной стороны, Россия занята собственными интеграционными проектами, прежде всего формированием Евразийского экономического союза, договор о создании которого вступил в силу 1 января 2015 г., а также начинает выстраивать более тесные связи с азиатскими державами, особенно Китаем. С другой стороны, атлантическое сообщество в сфере безопасности постепенно превращается в более широкий союз, сочетающий безопасность с более интенсивными политическими и экономическими связями. Между тем новый атлантизм постепенно превращается в политическую силу, которая преодолевает утрату цели и направления, произошедшую вскоре после окончания холодной войны. После утраты своей изначальной рациональной основы атлантическое сообщество находилось в поисках новой цели, которую оно в итоге и нашло, вернувшись к сформулированной по-новому версии собственной первоначальной задачи – к сдерживанию России. Два десятилетия развития после окончания холодной войны были переходным периодом, в ходе которого Североатлантический альянс вел войны на юго-востоке Европы и в Афганистане, но главное, стремился достичь невозможного: сохранить изначальный атлантический характер организации, обеспечив преобладание США в расширяющемся альянсе по безопасности, и вовлечь Россию в процесс в качестве партнера по безопасности. Усилия, направленные на достижение второй цели, были искренними и интенсивными, но в итоге были подорваны расширения-

ми, которые привели альянс к границам России, а также введением системы противоракетной обороны на европейскую территорию, уверенностью в идейном превосходстве и продолжающимся преобладанием Вашингтона в альянсе. Новый атлантизм был ослаблен разногласиями между разными флангами, а также сокращением бюджета в условиях продолжающейся рецессии и идеологическим противостоянием новому разделению Европы, однако он выходит на первый план как доминирующая политическая сила в западной части континента.

Новый атлантизм является одновременно герметичным⁷ и всеохватным. Под *герметичным* я подразумеваю, что система безопасности, созданная после Второй мировой войны, существенно расширилась после 1989 г. и охватила широкую полосу бывших стран советского блока и даже часть Советского Союза (прибалтийские государства), но ее внутренняя логика и институты остались удивительно невосприимчивы к изменению, несмотря на падение железного занавеса и неуверенное движение России к капиталистической демократии и международной интеграции. Россия не стала полноправным членом нового сообщества по безопасности, что вызвало потенциальные поводы для споров и разногласия, которые достигли апогея в ситуации вокруг Украины в 2013–2014 гг. А главное, атлантический альянс становится все в большей степени идеологической инициативой, а значит, по определению теряет гибкость и прагматизм. Украинский кризис продемонстрировал новую ригидность в политике и избирательность в понимании сложных информационных потоков.

Простота, с которой Североатлантический альянс соскользнул обратно к установкам холодной войны и конфронтации с Россией, иллюстрирует герметичный и идеологический характер организации. Возвращения к американскому обязательству по защите Европы приобретают свойства мантры, скрывая динамику, посредством которой это обязательство подрывает панъевропейскую безопасность. Любые уступки или даже понимание российской позиции рассматриваются как слабость, если не умиротворение агрессора, что и приводит к эскалации конфронтации⁸. Идея многополярного мирового порядка, громко отстаиваемая Россией и более тихо Китаем, атлантистами воспринимается как проклятие. Окружающие условия значительно изменились, однако идейное и корпоративное мировоззрение холодной войны сохранилось и теперь оживает вновь, чтобы возглавить стратегию нового сдерживания России.

Что касается *всеохватного* характера, он набирал силу в последние годы, по мере того как внешнеполитическое измерение и измерение безопасности ЕС фактически сливались с атлантическим сообществом по безопасности. С Лиссабонского договора ЕС от 13 декабря 2007 г., вступившего в силу в 2009 г., Общая Внешняя Политика и Политика Оборона ЕС (ОВПБ) представляет собой по сути элемент атлантической системы.

От кандидатов на вступление в ЕС теперь требуется привести свою политику обороны и безопасности в соответствие с политикой НАТО, что фактически приводит к милитаризации ЕС. Даже традиционная нейтральность некоторых стран оказывается под вопросом, поскольку атлантисты в Швеции и Финляндии используют украинский кризис, чтобы сблизить свои страны с НАТО. Разработка политики безопасности в ЕС даже после Лиссабона остается межправительственным процессом на основе консенсуса, однако учреждение Европейской службы внешнеполитической деятельности создало ощущение большей согласованности, хотя в ходе украинского кризиса она и не смогла выступить в качестве отдельного игрока и сыграть роль посредника между Вашингтоном и Москвой.

Новый атлантизм формировался долго и представляет собой внутреннее преобразование традиционной системы безопасности в новый тип сообщества. Все это вместе создает впечатляющее сосредоточение силы. В соответствии со своим герметичным и всеохватным характером новый атлантизм фактически сделал безопасность эксклюзивным общественным благом. Если в прошлом безопасность порождалась балансом сил или каким-либо соглашением, при котором разные государства решали разногласия дипломатическими методами, то новая система гарантирует безопасность своих участников и союзников (хотя, конечно же, в разной степени для первых и вторых), но ощущает все большую нехватку механизма для действительно сбалансированных отношений безопасности с другими игроками. Это позиция одностороннего геополитического нигилизма, при котором сама мысль о том, что другие государства имеют геополитические интересы, не совпадающие с интересами атлантического сообщества, рассматривается как отклонение и кощунство. Такое отношение не только подрывает легитимность тех, кто отстаивает эти отличающиеся интересы, но и легко ведет к демонизации лидеров и элит, которые противостоят атлантистской гегемонии. Универсалистская трансдемократическая взаимосвязь безопасности и нормативности отрицает саму идею альтернативных вариантов модерна. Арсенал атлантического реагирования на кризис теперь включает все четыре аспекта: милитаризм, безопасность, экономику и СМИ – для очернения собеседника и подрыва его силы. Санкции, медийные кампании и скрытые операции – все это является частью всеобъемлющей атаки на внешних акторов и антагонистов.

Российский неоревизионизм

В отличие от Германии межвоенного периода (1918–1939 гг. – *ред.*), современная Россия не является ревизионистской державой, хотя она и бросает вызов равновесию между силой и легитимностью, воплощенному в европейском урегулировании после холодной войны. Этот вы-

зов заставил Россию стать тем, что я называю неоревизионистской державой, которая не подвергает сомнению ни базовое территориальное устройство Европы, ни даже базовые нормативные положения, на которые опирается современный мировой порядок. При этом она требует признания своих притязаний на равноправное положение в этой системе и, таким образом, на статус законного партнера в руководстве мировыми делами. Таким образом, под сомнение ставятся американские притязания на место «незаменимой державы» и претензии ЕС на нормативное покровительство.

В 1990-е гг. Россия мало что могла сделать по поводу асимметричного конца холодной войны, поскольку была экономически слаба и завязла в долгом переходном периоде, создавая систему, приближенную к рыночной экономике. Вступление Владимира Путина в должность президента в 2000 г. совпало с началом продолжительного периода высоких цен на сырьевые ресурсы, в первую очередь на нефть и газ. Россия переживала ежегодный рост в 8% вплоть до начала мирового экономического кризиса в 2008 г. Российское государство существенно увеличило свои возможности по извлечению сырьевых ресурсов, а налоговые поступления росли в результате поражения олигархической модели капитализма в начале 2000-х гг. Во многом это было связано с делом «ЮКОСа» в 2003 г., в результате которого данная нефтяная компания фактически была экспроприирована и передана в руки принадлежащей государству «Роснефти», а ее глава Михаил Ходорковский провел в тюрьме больше десяти лет (Sakwa 2014a). В 2008 г. Путин покинул пост после двух сроков, разрешенных ему Конституцией, и четыре года страной управлял относительно либеральный Дмитрий Медведев. Он обещал вдохнуть жизнь в демократические институты страны, которые все больше душила система «управляемой демократии». Медведев достиг лишь скромного успеха, но он обозначил повестку дня по реформированию путинской системы, которая актуальна и по сей день (Sakwa 2014b). По мнению Д. Тренина, во внешней политике Медведев по поручению Путина выполнил «своего рода разведывательную миссию на Запад, чтобы выяснить, чего можно добиться от Соединенных Штатов и Европы». Когда три с половиной года спустя Путин посмотрел на итоги (этой миссии. – *ред.*), результаты не были впечатляющими, и последний сделал вывод о том, что Запада не высказывает достаточно уважения к интересам или мнениям России (Trenin 2014).

В итоге именно реальные внешнеполитические угрозы, например в связи с западным военным вмешательством в Ливию в 2011 г., обеспечили возвращение Путина на пост президента в 2012 г. В ходе голосования в Совете Безопасности ООН 17 марта 2011 г. по вопросу о создании бесполетной зоны Россия воздержалась, что по сути позволило за-

падным державам свергнуть Муаммара Каддафи. Это был еще один пример смены режима, которая так беспокоила Россию и которая уже спровоцировала внутривнутриполитическое «закручивание гаек» в середине 2000-х гг. (Horvath 2013). К тому времени, когда Путин вернулся на пост президента в мае 2012 г., Россия стала значительно сильнее и была готова заявить о себе в мировой политике. После войны России и Грузии в августе 2008 г., которая выявила ряд проблем, российские вооруженные силы стали объектом масштабной программы реформ и перевооружения. При Путине Россия преподносила себя не столько как антизападную державу, сколько как продолжение «подлинного» Запада другими средствами, демонстрируя приверженность консервативным ценностям, традиционным вариантам государственного суверенитета и многополярной международной системе (под этим подразумевался отказ принять гегемонию атлантической системы)⁹. Россия была далека от того, чтобы стать полностью ревизионистской державой, поскольку выступала в защиту системы ООН и международного права, которые, по многочисленным заявлениям ее официальных лиц, Запад подрывает своими действиями. Этот тип неоревизионизма не стремится изменять основополагающие принципы международного порядка, но желает сделать Россию и другие «восходящие» державы равными в данной системе.

Несомненно, сама Россия нарушила важнейший международный принцип суверенитета, присоединив Крым в 2014 г. (Allison 2014). Однако это те правила, которые, по утверждению Москвы, неоднократно нарушал Запад. Как заявил Путин в эмоциональном выступлении в защиту российских действий в отношении Крыма 18 марта 2014 г.: «Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права... Хорошо, что они хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда» (Путин 2014). С его точки зрения, именно Запад стал ревизионистом, попирая международное право для своей выгоды. Примером может быть вторжение в Ирак в 2003 г., которому Путин яростно противостоял. Однако вопреки большинству комментариев это не означало появления полномасштабного ревизионизма, который повлек бы за собой серьезный отказ от оперативной структуры международного права и существующего территориального устройства. Вместо этого Путин провел большую часть своего времени во главе страны, пытаясь укрепить существующие границы и государственную систему. Череда договоров с соседями, для стабилизации существующих границ, отражает глубокий консерватизм этой системы. По мнению Путина, одностороннее провозглашение независимости Косова в феврале 2008 г. и его быстрое признание независимости рядом ведущих атлантических держав являются вызовом международной стабильности. Действительно, российское руководство долго сопротивлялось признанию независимости Южной Осетии и Абхазии,

которые объявили о своем суверенитете 26 августа 2008 г. после короткой войны с Грузией, а попытки Южной Осетии присоединиться к России были отвергнуты. Воссоединение с Крымом было ответом на серьезную угрозу безопасности, и прежде всего, на опасность утраты Севастопольской военно-морской базы. Как отметил бывший посол Великобритании в России Тони Брентон, «захват Крыма и поддержка повстанцев на востоке Украины были незаконны и имели дестабилизирующий эффект, но они были ответом на уникальный комплекс исторических и политических обстоятельств» (Brenton 2015). Все эти действия являются неоревизионистским ответом на то, что воспринималось как угроза для России, и представляют собой отказ от статуса подчиненного, но не отказ от существующей системы международных отношений или начало попыток вернуть себе территории.

Россия больше не является уступчивым партнером, как в ранний период после окончания холодной войны. Болезненный опыт более чем двух десятилетий внутривосточного и международного беспорядка сделал и российскую элиту, и российское общество готовыми к тому, чтобы бросить вызов западной гегемонии. Это более широкое явление, чем предполагаемый эффект от так называемой путинской пропаганды в средствах массовой информации (Mickiewicz 2014). Хотя (западные средства массовой информации и политические лидеры. – *ред.*) часто возлагают личную вину на Путина за ухудшение отношений с Западом, его взгляды на самом деле отражают более глубокие изменения в российском обществе в последние два десятилетия. Бунин и Макаркин описывают четыре долгосрочные тенденции, которые подчеркивают растущее отчуждение между Россией и Западом: сильное чувство самодостаточности страны в сочетании с приверженностью ее статусу великой державы и ведущей роли в мире; устойчивое ощущение исторической преемственности, несмотря на многократные разрывы, основанное на стремлении к державности и сильной социальной политике; глубоко укорененный страх утраты территории и восприятие утраты как духовной катастрофы; наконец, акцент на конспирологической трактовке общественно-политических процессов. Маловероятно, что в ближайшее время в Россию вернется идеализация Запада, которая была характерна для эпохи перестройки и раннего посткоммунистического периода. Попытки Путина установить новые отношения с Западом на основе равенства представляли собой уникальное «окно возможностей», но теперь оно утрачено. Согласно опросам общественного мнения большинство россиян разделяют мнение Путина о том, что Запад больше не является приемлемым партнером России (Бунин, Макаркин, 2014). Это свидетельствует о начале продолжительного периода конфронтации, которого вполне можно было избежать.

Две концепции Европы

Две концепции Европы уже долго борются между собой. Тимоти Гартон Эш указывал на разногласия между евроатлантизмом и евроголлизмом внутри ЕС (Garton 2005), но эти разногласия не ограничиваются Евросоюзом. По сути, это раскол между очень разными представлениями о Европе и соответствующими ей представлениями о качестве политических отношений между ключевыми игроками. Первая концепция *Широкой Европы* представляет собой видение континента, сосредоточенное вокруг ЕС. Европейское пространство видится с центром в Брюсселе и с концентрическими кругами, исходящими от западноевропейских государств – инициаторов европейской интеграции. В 1950-е гг. такое видение было гарантией того, что Франция и Германия больше никогда не будут воевать друг с другом. Эта концепция была тесно связана с концепцией социальной Европы, заданной отцами – основателями европейской интеграции и их католической верой. Создатели того, что стало в итоге Евросоюзом, опирались на две основополагающие задачи: преодолеть логику конфликта, восстановив при этом государственность участников, и обеспечить благополучие граждан на основе справедливости. Со времени подписания Римского договора 25 марта 1957 г. шестью странами – основательницами Европейского экономического сообщества – организация выросла и сейчас включает 28 стран-членов, при этом последними в нее вступили государства из бывшего коммунистического блока. Волна расширения в мае 2004 г. включала не только страны Центральной и Восточной Европы (Польшу, Венгрию, Чешскую Республику, Словакию и Словению), но и прибалтийские республики (Эстонию, Литву и Латвию), а также Республику Кипр и Мальту. В 2007 г. к ним присоединились Болгария и Румыния, а в июле 2013 г. Хорватия. Страны Восточной Европы стремились к либеральной демократии, рыночным реформам и, главное, хотели «вернуться в Европу».

В процессе расширения ЕС были внутривнутриполитические дебаты, заминки и противоречия, но в целом преобладал заметный общественный консенсус. Политические, социальные и геополитические цели совпали, и это позволило упомянутым странам за удивительно короткий период присоединиться к расширившемуся атлантическому сообществу. Это было образцовое проявление модели развития, которую можно назвать *Широкой Европой*, и оно, несомненно, дало существенные (хотя и не всегда бесспорные) выгоды странам-участницам. Именно к таким выгодам сейчас стремятся Грузия, Молдова и Украина, хотя на этих оспариваемых «промежуточных землях» больше нет того же совпадения внутривнутриполитических устремлений и геополитических установок. Так называемый европейский выбор, как это ни парадоксально,

является не европейским, а атлантистским, а это совсем не одно и то же. Если бы он был чисто европейским, он не вызвал бы столько разногласий. Вид грузинской армии, марширующей на войну в 2008 г. под флагом ЕС, вызвал беспокойство наблюдателей в странах – осколках «старой Европы». «Старой Европой» министр обороны США Дональд Рамсфелд назвал Францию и Германию в январе 2003 г. в ответ на их критику в отношении запланированного вторжения в Ирак (Outrage at «Old Europe» remarks 2003). Сконцентрированная вокруг ЕС *Широкая Европа* оказалась поглощена трансдемократической атлантической системой, подрывающей ее нормативные основания.

Широкой Европе бросает вызов вторая концепция – идея *Большой Европы*. Еще до распада Советского Союза в 1991 г. Горбачёв сформулировал манифест *Большой Европы*, говоря об общеевропейском доме. Это был бы континент, единый в своем разнообразии, поскольку когда Горбачёв впервые выдвинул эту концепцию, он был уверен, что Советский Союз будет развиваться на основе «гуманного, демократического социализма». Вместо концентрических кругов, исходящих от Брюсселя и слабееющих по краям, но все же сосредоточенных в едином центре, идея *Большой Европы* утверждает многополярный образ Европы с более чем одним центром и без единой идеологической окраски (Громыко, Фёдоров 2014). Таким образом, Москва, Анкара и, возможно, Киев могли бы быть полноправными центрами, находящимися в союзных отношениях с *Широкой Европой*, но сохраняющими многомерный комплекс собственных взаимодействий. Это более плюралистическое воплощение европейского пространства, и оно опирается на долгую европейскую традицию. Понятие пан-Европы, предложенное Рихардом Куденхове-Калерги еще до войны, голлистские идеи более широкого общеевропейского пространства от Атлантики до Тихого океана, мечта Горбачёва об общеевропейском доме, выходящем за рамки блоковой политики холодной войны, возврат Николя Саркози к идее пан-Европы¹⁰, идея Валдайского клуба о «Союзе Европы» – все эти концепции указывают на устремление к более *Широкой Европе*.

Это заставляет несколько переосмыслить новую трактовку панъевропейства в эпоху после холодной войны. Как сказал бывший президент Борис Ельцин, «Европа без России – это не Европа. Она только с Россией может быть большой Европой. И такой большой Европой, равной которой уже нет и не может быть на земном шаре» (Bershidsky 2014). Другими словами, Россия как огромная и относительно неразвитая, но богатая ресурсами страна и Западная Европа с ее передовыми технологиями и потребностью в энергетических и других ресурсах дополняли бы друг друга. Однако необходимо было найти подходящую политическую форму для взаимодействия. В то время как российское руководство затрачивало значительные усилия на разработку идей для новой архитектуры

единой Европы, другие страны не видели потребности в новых идеях, поскольку для них *Широкая Европа* была вполне жизнеспособной моделью, дополняемой не Россией, а Соединенными Штатами.

Германия долгое время находилась посередине этих разных подходов к Европе, выстраивая Большую Европу снизу вверх путем создания разветвленной сети экономических связей. Около 6 200 немецких компаний сейчас ведут свою деятельность в России, формируя подлинную взаимозависимость. С точки зрения России организованный Соединенными Штатами режим санкций частично был направлен на разделение Германии и России, и вся украинская неразбериха действительно имела такой эффект¹¹. Сейчас Германия столкнулась с основополагающим выбором: лидерские позиции в ЕС в рамках обновленной приверженности атлантизму, что позволяет получить поддержку США в отношении ее жесткой фискальной позиции и в целом в отношении ее главенствующего положения в Евросоюзе, или сохранение традиционной (бисмарковской) роли посредника между Россией и Европой, что означало бы вызов новому атлантизму. Несмотря на раздражающие факторы, такие как слежка Агентства национальной безопасности США за ведомством немецкого канцлера, Ангела Меркель, у которой никогда не было теплых отношений с Путиным, однозначно выбрала первый путь. Это означало конец всей исторической эпохи «восточной политики» (*Ostpolitik*), которая исходила, как сформулировал ее архитектор социал-демократ Эгон Бар, из изменения через сближение («Мы признали статус-кво, чтобы его изменить») ради создания европейского мирного порядка¹². Тот факт, что Германия, как и Европа в целом, столкнулась с выбором между Россией и США, является свидетельством провала попыток построения инклюзивного мирного порядка после окончания холодной войны.

По мере отхода от проекта *Широкой Европы* Россия делала все больший акцент на планы по созданию *Большой Европы*. Идея нового Договора о безопасности в Европе, озвученная Медведевым в Берлине 5 июня 2008 г., подразумевала создание новой, подлинно всеобъемлющей системы безопасности. Утверждалось, что новые идеи нужны для того, чтобы предотвратить появление новых разделительных линий на континенте. Западные державы встретили инициативу с вежливой снисходительностью, хотя для оценки этого предложения и был запущен так называемый процесс Корфу. Владимир Путин в своем выступлении в Берлине 26 ноября 2010 г. призвал к геополитическому объединению всей большой Европы – от Лиссабона до Владивостока – для создания настоящего стратегического партнерства¹³. Учитывая быстрое течение процесса евразийской интеграции, несколько удивляет, что Путин вернулся к идее создания зоны свободной торговли от Атлантики до Тихого океана на саммите Россия – ЕС в Брюсселе 28 января 2014 г., как оказалось, последнем в череде таких саммитов (Путин 2014а). В ходе

встречи с послами 1 июля 2014 г. Путин предположил, что европейские проблемы в области безопасности можно было бы разрешить путем создания «единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока», пространства, которое прикрепило бы Европу к России, отделив ее от США (Путин 2014b). Настойчивое повторения Путина о том, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является не альтернативой, а дополнением европейской интеграции, – это отголосок мечты о едином континенте. Путин заверяет, что участники проекта не планируют «ни от кого отгораживаться», и что ЕАЭС будет строиться на «универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов» (Путин 2011).

Этот подход предлагал не только возможность интеграции России и Турции в Европу, но и способ для Европы переосмыслить себя. Старая европейская интеграционная модель все большего расширения встретила свои естественные границы, в особенности из-за того, что *Широкая Европа* под влиянием сильного атлантизма своих участников из Центральной Восточной Европы утратила значительную часть своего евроголлизма и фактически оказалась поглощенной новым атлантизмом. Этот реформированный «прото-великодержавный» блок неизбежно должен был оказаться в состоянии конфронтации с Россией по самой простой причине структурного характера: не включенная в блок внешняя держава с глобальными устремлениями граничит с динамично изменяющейся системой держав, имеющей универсалистскую идеологию. Так получилось, что различные инициативы России по продвижению программы *Большой Европы* не нашли поддержки на Западе, так как их обычно воспринимали как очередное прикрытие проекта по созданию «большой России». Атлантическое сообщество очень бдительно следит за попытками вбить клин между двумя своими частями – Северной Америкой и Западной Европой. Многочисленные инициативы, предлагавшиеся Советским Союзом после смерти Сталина, постоянно виделись именно в таком свете. Со времени Никиты Хрущева эти идеи отвергались как попытки СССР расколоть евро-атлантическое сообщество безопасности. Эта точка зрения в духе холодной войны преобладает и сегодня из-за постоянного страха, что любая идея, исходящая извне атлантического альянса, может разделить союзников и является потому опасной.

Характерным является двойственное отношение к разработке Евро-союзом независимой Общей Внешней Политики и Политики Безопасности. Идея общего партнерства в области безопасности и экономики от Лиссабона до Владивостока обычно отвергается как пережиток евроголлизма. Как это ни парадоксально, но попытка удержать виртуальную монополию на жесткую безопасность в руках атлантического партнерства способствовала фактической милитаризации Евросоюза. Расширение ЕС

рассматривалось как часть более широкого процесса расширения евроатлантического сообщества, в котором неразрывно связаны безопасность, эффективное управление и экономические реформы (это тот самый упомянутый выше новый атлантизм, в основе которого лежит трансдемократия). Другими словами, расширение ЕС прокладывает путь для вступления в НАТО. Ряд стран – членов ЕС не являются членами НАТО (Австрия, Кипр, Ирландия, Финляндия, Мальта и Швеция), но это обусловлено историческими причинами. С 1989 г. большинство новых членов ЕС также становились членами НАТО. Лиссабонский договор формализовал это, требуя от всех стран-членов соответствия ОВПБ, которая, в свою очередь, встроена в атлантическое сообщество по безопасности или, другими словами, НАТО. Несмотря на стремление объединить континент после падения коммунизма, были созданы новые разделительные линии, и их выявил украинский кризис.

Существуют две мощные противопоставленные друг другу концепции Европы, но асимметричное окончание холодной войны означает, что институты *Широкой Европы* обрели глубину за счет более высокого уровня институционализации и расширились за счет вступления новых членов, а *Большой Европе* не хватает серьезных «организационных мускулов». Панъевропейские институты, такие как Совет Европы и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), с российской точки зрения, слишком часто действовали лишь как вспомогательные органы нового атлантизма вместо того, чтобы предоставлять площадку для развития равноудаленной (от России и США) *Большой Европы*. Более того, ЕС в принципе представляет собой общество равных, хотя этот аспект все больше искажается преобладанием Германии, в то время как *Большая Европа* слишком часто выглядит как средство проецирования российской силы. «Союз союзов», включающий ЕС, Россию, Турцию, Украину и другие страны новой Восточной Европы, смог бы наконец разрешить дилемму безопасности и, соответственно, дилемму развития континента. Америка смогла бы тогда сконцентрироваться на выполнении своей роли лидера в остальном мире.

Россия рассматривает себя как великую державу и центр альтернативного, хотя и необязательно враждебного, цивилизационного и геополитического полюса в мировой политике. Именно поэтому, с одной стороны, Россия не могла просто стать частью *Широкой Европы*, собранной вокруг ЕС, и тем более легко проскользнуть в евроатлантическое сообщество безопасности. С другой стороны, Россию в эти структуры никто не приглашал. По сути *Широкая* и *Большая Европа* – это не эквивалентные и даже не альтернативные варианты, а теоретически совместимые и параллельные стратегии, задача которых – гарантировать, что соперничество и разделение не станут снова частью политики на континенте. Развитие *Большой Европы* могло бы создать

основу для переговоров, и в лучшем случае это были бы сложные и трудные отношения между Россией и *Широкой Европой*, однако сохранило бы пространство для развития территорий, находящихся между ними. Вместо этого, как и в межвоенные годы, политика пошла в наихудшем направлении из всех возможных.

Странная смерть Европы

Украинский кризис обнажил недостатки европейского развития после холодной войны. Разнообразные аспекты внутреннего кризиса ЕС затронуты в других работах¹⁴. Их сопровождал растущий консенсус о том, что хотя ЕС в своей традиционной форме может быть обречен, какая-то форма «глубокой Европы» будет процветать¹⁵. Евросоюз не только оказался некомпетентен в урегулировании конфликтов, но и сам стал их источником. Плохо подготовленное продвижение ЕС в регион, который всегда признавался оспариваемым, спровоцировало тяжелейший международный кризис нашей эпохи, но как только кризис начался, Европу вывели из игры. Дрейф к слиянию с атлантической системой безопасности лишил Европу автономии и политических инструментов тогда, когда это действительно было важно для поддержания мира на европейском континенте. Мало того, что Евросоюз как институт был отодвинут на обочину в ходе развития кризиса, его результативность оказалась еще ниже: ему не удалось сдержать «партию войны» в Вашингтоне или сформулировать более сбалансированную стратегию, которая соответствовала бы провозглашаемому им нормативным ценностям. Министр иностранных дел России Сергей Лавров не раз выражал удивление по поводу того, как мало у Европы автономии, когда дело доходит до больших решений о судьбе континента. Он вспомнил заявление вице-президента США Джо Байдена о том, что американскому руководству пришлось уговорить Европу наложить санкции на Россию, хотя ЕС изначально был против таких мер. Лавров отметил: «Я не думаю, что это [санкции] идет на пользу Европе. Как публично сказал вице-президент США Джо Байден, это США приказали Европе присоединиться к санкциям против России. К сожалению, в течение нескольких лет мы переоценивали независимость Евросоюза и даже отдельных крупных европейских стран. Это геополитика». В то же время он призвал к «интеграции интеграций» между ЕС и ЕАЭС для создания основ *Большой Европы* (Лавров 2014).

Организационно ЕС не оснащен для геополитической борьбы и поэтому в ходе украинского кризиса вскоре оказался на вторых ролях рядом с державой, которая как раз идеально организована для геополитического противостояния мирового масштаба. В этих условиях ЕС не удалось реализовать свои нормы в области мира и развития из-за зави-

симости от геополитического союзника. Геополитическая логика нового атлантизма взяла верх над нормативными постмодернистскими устремлениями ЕС. Это не призыв к разрыву между ЕС и США, а довод в пользу необходимости проанализировать последствия неуважения к фундаментальному различию между двумя проектами. США заинтересованы в поддержании своего глобального лидерства во главе гегемонистского альянса и в устранении вызовов своему лидерству во всем мире. Это классические геополитические цели, хоть и изложенные языком либерального универсализма.

В данной статье не обсуждается, способно ли американское лидерство в конечном итоге обеспечить международные общественные блага, которые бы оправдали претензии США на гегемонию, хотя очевидно, что в мире увеличивается число стран, которые смущают не столько американские притязания, сколько типично неуклюжая и разрушительная манера их утверждения. Схожий аргумент теперь применим и к ЕС. Евросоюз был изначально создан для совершенно других целей, а именно для того, чтобы восстановить национальные государства, опустошенные во Второй мировой войне, и гарантировать, что они никогда снова не начнут войну (Milward 2000). Достаточно долго ЕС успешно решал эту задачу. Однако после падения Берлинской стены в 1989 г. и окончания холодной войны возник еще более серьезный вызов. Необходимо было найти способ добиться политического объединения континента, теперь состоящего из регионов с очень разным уровнем развития и историческим опытом.

Отчасти пересекаясь с Советом Европы и ОБСЕ, ЕС остается при этом организацией, превосходящей другие и представляющей новую Европу. Столкнувшись сейчас с большим, чем когда-либо, количеством проблем, включая экономические последствия валютного союза, утрату доверия со стороны граждан и все более неравномерное преобладание Германии, ЕС остается наиболее успешным региональным интеграционным объединением в истории человечества. Основной парадокс ситуации заключается в том, что организация, являющаяся по определению «европейской», стало все больше теряет европейское мировоззрение. Она стала воспринимать собственное расширение как ответ на проблемы региона вместо того, чтобы разобраться, как внести вклад в решение европейских проблем, будучи лишь одним игроком из многих. Этот солипсистский подход к самоанализу усиливает герметичность нового атлантизма. Расширение неизбежно сталкивалось с двумя основными проблемами: неспособность институтов ЕС к бесконечной адаптации и неспособность ЕС разработать действительно общеевропейскую программу объединения. Последнее потребовало бы творческого переосмысления европейской архитектуры и нормативных практик, чтобы преобразовательную роль Евросоюза можно было адаптиро-

вать к новым обстоятельствам. Вместо этого непреклонный акцент на ЕС как высшее воплощение монистического образа *Широкой Европы* спровоцировал разъединение и войну.

Таким образом, Европа столкнулась с двумя фундаментальными и взаимосвязанными кризисами. Первый из них – кризис во внутреннем развитии ЕС. Ярче всего он проявился в попытке справиться с разногласиями и противоречиями, сопровождавшими создание валютного союза без союза фискального, а также в широком разочаровании народов в идее европейской интеграции, которое привело к росту различных популистских движений (Hall 2014). Обществам европейских стран попросту не дали внятного ответа на вопрос о том, для чего нужен Евросоюз в условиях его фактического поглощения системой атлантического альянса. Это не означает, что нет хороших ответов, но их нужно сформулировать как ответы не на атлантические, а на европейские проблемы. Кроме того, как отмечает Максин Дэвид, «ЕС не может уйти от того факта, что Россия не воспринимает его как нечто благожелательное, и этим он должен руководствоваться при выработке политического ответа. Необходимость сформировать новую концепцию отношений ЕС и России... потребует от ЕС на время забыть о своих главных идеологических склонностях». Она подчеркивает, что это не значит дать России фактическое право вето в делах ЕС или подорвать нормативные основы Евросоюза. Это значит, что «ЕС следует продолжать предлагать пространство для диалога», в том числе проанализировав, соответствует ли цели существующая «европейская архитектура безопасности», частью которой является ЕС, и является она «слишком инклюзивной или эксклюзивной» (David 2014: 7).

Это подводит нас ко второму фундаментальному кризису – геополитическому. Он назревал в течение долгого времени, но в последние годы его затмевал кризис идентичности, цели и внутренней логики самого Евросоюза. У геополитического кризиса есть пять аспектов: географический, нормативный, поведенческий, рациональный и межрегиональный. Во-первых, если рассматривать вопрос в географических терминах, то в некотором смысле Европа в плане расширения достигла долгожданной стадии завершенности (*finalité*). Кризис расширения наиболее ярко проявился в случае Турции, которая вряд ли присоединится к ЕС в этот исторический период. Эта страна просто слишком большая, слишком населенная, слишком отсталая и, главное, слишком мусульманская, чтобы ее членство в ЕС стало приемлемо для некоторых ключевых игроков. Расширение также столкнется с определенными основополагающими трудностями в западной части Балкан. Трудно представить вступление Албании, Боснии, Македонии или Сербии в ЕС в обозримом будущем.

Во-вторых, на нормативном уровне к старым болезненным вопросам присоединился целый ряд новых. Статус этнических русских в Эстонии и Латвии уже давно является проблемой из-за «реститутивной» модели государственности, которую выбрали эти две страны, а дискуссии в рамках ЕС на данную тему слишком легко решили «замять». В той же мере предполагаемое наличие американских центров содержания и пыток на территории Литвы, Польши и Румынии плохо сочетается с провозглашаемым ценностями ЕС. Другими словами, нормы ЕС слишком легко приносились в жертву торгу внутри ЕС или другим соображениям, прежде всего приверженности новому атлантизму.

В-третьих, на поведенческом уровне условия, связанные с расширением ЕС, были мощным инструментом преобразования многих стран из бывшего советского блока. Однако в определенный момент принцип выдвижения условий можно извратить, превратив в простой инструмент ненасильственного принуждения. Например, серьезное давление было оказано на Сербию, чтобы та присоединилась к санкциям против России. Это было представлено как признак готовности Сербии проявить солидарность с ЕС, но замалчивается тот факт, что режим санкций является весьма неоднозначным и многие страны-члены испытывают серьезные сомнения по поводу его необходимости и эффективности, если не выступают открыто против. Готовность Сербии порвать связи со своим историческим союзником выводит условия вступления на принципиально новый уровень, что некоторые могут счесть неправильным. Даже на уязвимых новых членов оказали сильное давление, чтобы они подчинились. В итоге в середине 2014 г. после визитов ряда американских сенаторов Болгария объявила, что приостановит свое участие в проекте газопровода «Южный поток», что привело к закрытию проекта. Болгария при этом потеряла миллиарды евро за счет несозданных рабочих мест в строительстве и неполученных транзитных платежей, а энергетической безопасности Европы был нанесен ущерб.

В-четвертых, на уровне рациональности, как показывает прекращение проекта «Южный поток», не вполне ясно, имеют ли такие инициативы, как Третий энергетический пакет (отделение производства от распределения), смысл в контексте исторической структуры российских поставок газа в Европу. Пакет передает все риски стране-производителю, при этом необязательно укрепив бесперебойность поставок потребителям. Энергетическое разъединение стало частью неолиберальной догмы, но на определенном уровне оно попросту не имеет смысла. В более широком плане представляется, что нерационально со стороны ЕС подчинять свою энергетику и даже физическую безопасность потребностям и тревогам атлантического партнера. Что касается Украины, в центре Европы произошел абсолютно ненужный конфликт. Несколько раз было возможным установление мира, например после

переговоров в Берлине 2 июня 2014 г., но атлантистское давление закрыло это «окно возможностей». США встали на сторону воинственного украинского национализма, хотя в конечном итоге это конфликт по поводу права участвовать в формировании того, что значит быть украинцем. ЕС последовал примеру США, не только демонизируя Путина, что, разумеется, поощряется украинскими националистами с их монистическими взглядами, но даже косвенным образом пытаясь лишить легитимности режим, который он возглавляет. Это иррационально и очень опасно по любым меркам.

В-пятых, не случайно, что украинский кризис был вызван «Соглашением об ассоциации с ЕС». Хотя переговоры начались в 2007 г., т.е. до того, как «Восточное партнерство» обрело форму (его формально запустили в мае 2009 г.), конфронтация по поводу «Соглашения об ассоциации» и связанного с ним «Глубокого и всеобъемлющего соглашения о свободной торговле» в конечном итоге представляла собой весьма неудачную попытку создать структуру для межрегионального сотрудничества и взаимодействия. Соглашения со странами Северной Африки и большей частью Центральной Европы были фактически заключены в условиях регионального вакуума. Никто не подвергал сомнению право Польши и Чешской Республики или даже Словении и Хорватии добиться своего «возвращения в Европу», особенно учитывая, что в большинстве этих стран имел место очевидный общественный консенсус по данному поводу. Такого консенсуса не было в случае Украины, и, несмотря на яростное отстаивание «европейского выбора» украинскими националистами, значительная часть населения стремилась сохранить исторические связи с Россией. Вопрос здесь не в суверенном праве Украины принимать решение, а в признании того, что общество разделено в своем отношении к вступлению в ЕС и еще больше – по вопросу о вступлении в НАТО.

Как отмечает Г. Киссинджер, «Европейский союз должен осознать, что его бюрократическая медлительность и подчинение стратегического элемента внутренней политике в ходе переговоров об отношениях Украины с Европой способствовали превращению переговоров в кризис. Внешняя политика – это искусство расстановки приоритетов» (Kissinger 2014). Этот регион далек от вакуума в том смысле, в каком он упоминается выше, и, несомненно, является регионом с глубоко укоренившимися региональными связями. Хотя Украина формально так и не ратифицировала Устав СНГ, страна извлекла большую пользу из общественных благ организации: безвизового перемещения, трудовой мобильности, трансграничных пенсионных платежей и многого другого, в том числе и интенсификации усилий по созданию зоны свободной торговли СНГ. Даже самый благодушный режим в Москве ожидал бы содержательных переговоров для согласования стратегиче-

ского сдвига в ориентации новой Восточной Европы, когда она стала зоной совместного влияния России и ЕС. Вместо этого российские попытки начать серьезный диалог по данным вопросам неоднократно отклонялись Евросоюзом, часто в довольно грубой форме. Даже в панегирике Эндрю Уилсона, посвященном революционному Майдану, отмечается, что вице-премьер Игорь Шувалов отправился в феврале 2013 г. в Брюссель, чтобы попытаться наконец начать содержательные переговоры, но вернулся с пустыми руками (Wilson 2014: 17).

Как было отмечено, «холодный мир» был своего рода имитацией холодной войны, в которой сохранялись структуры и позиции холодной войны, хотя этот факт был скрыт завесой благонамеренной, но приведшей к расколу риторики. Евросоюз в конечном счете оказался вовлеченным в геополитическое соперничество с Россией, подавляя при этом осознание логики своих действий. Украина оказалась внутренне разделена и расположена вдоль традиционного исторического разлома Европы, но искусная дипломатия в духе традиционного реализма могла бы предотвратить кризис. Крайняя степень ожесточенности, с которой очерняют Путина, представляет собой просто проекцию внутренних противоречий на очевидного козла отпущения. Евросоюз подавил осознание собственных геополитических амбиций, облекая свое наступление в термины регулирования, эффективного управления и нормативных институтов. Это важные и основополагающие принципы, но когда они насаждаются без признания сложных внутренних и внешних характеристик страны-объекта, тогда это представляет собой геополитический нигилизм высшего порядка. Этот нигилизм формулировался языком аморфного атлантизма, который, как имитация холодной войны, перекладывает ответственность на герметичную идеологию трансдемократии, где наступление демократии связано с подчинением структурам безопасности нового атлантизма. Новый атлантизм эпохи после окончания холодной войны объединяет русофобские элиты в восточноевропейских странах – кандидатах на вступление в ЕС, яростных атлантистов в старой Европе и сторонников американского лидерства (гегемонии) в Вашингтоне, которые сговорились подорвать изначально мирную цель того, что теперь стало Евросоюзом. ЕС оказался втянутым в новый атлантизм, утратив тем самым собственное понимание цели и чувство ответственности за свои геополитические начинания. Вместо того, чтобы продвигать мирную интеграцию Европы на ясно сформулированной общеевропейской основе, ЕС стал инструментом создания новых разделительных линий на континенте.

Примечания

¹ Папа Бенедикт XV призвал к окончанию «этой самой губительной войны» в энциклике *Ad Beatissimi Apostolorum* (Призывая к миру) от 1 ноября 1914 г. URL:

http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html

² Исследование российской «великодержавности» см. в: *Smith H.* Russian Greatpower-ness: Foreign Policy, The Two Chechen Wars and International Organisations. Helsinki: University of Helsinki Faculty of Social Sciences, 2014.

³ Отличный обзор см. в: *Walker E.W.* «Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis», in *Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A.* (eds.), *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*, E-International Relations. 2015 (в печати).

⁴ Например, *Hyde-Price A.* «Normative» Power Europe: A Realist Critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13, № 2. P. 217–234; *Pace M.* The Construction of EU Normative Power // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45, № 5. P. 1041–1064.

⁵ В европейском контексте «трансдемократическая» идея представляет собой утверждение о том, что безопасность можно укрепить путем продвижения либеральной демократии и интеграции в европейские институты. Близкая по смыслу концепция интердемократии рассмотрена в: *Diesen G.* *EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union*. Aldershot: Ashgate, 2015.

⁶ Очевидно, что эти страхи подогреваются некоторыми воинственными идеями в российском общественном дискурсе. Например, неоевразиец Александр Дугин подхватывает тезис изначальных евразийцев о том, что Россия не является и не может быть частью Европы и что отношения между Россией и Европой по своей сути конфликтны. Его недавние размышления о том, какой он хотел бы видеть путинскую модель, см. в издании: *Дугин А.* *Новая формула Путина: Основы этической политики*. М.: Алгоритм, 2014. Влияние этого мышления на Путина обычно сильно преувеличивают, оно не отражено в официальных документах по внешней политике и безопасности.

⁷ Ричард Саква использует термин «герметичный», который он далее разъясняет. Мы сохранили этот термин и не стали заменять его при переводе на близкие по смыслу «закрытый» и «непроницаемый» для того, чтобы сохранить авторский стиль, для которого характерны словообразование и использование собственных терминов для более точной передачи идей (*прим. ред.*).

⁸ Вопиющий пример такого эскалационного мышления см. в: *Blank S.* Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe // *Washington Post*. 2014. 28 Dec.

⁹ См. первую по-настоящему идеологическую речь Путина, с которой он выступил на заседании клуба «Валдай», представив Россию хранительницей западной традиции, которую, по его словам, сам Запад утратил. *Путин В.* Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013. 19 сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>

¹⁰ В своем выступлении в городе Ним 5 мая 2009 г. незадолго до выборов в Европарламент Саркози заявил, что Турция «не дано стать членом ЕС». Интересной новацией стало то, что он поместил Россию и Турцию на одну плоскость, заметив, что обеим странам следует создать «общее экономическое пространство и пространство безопасности» с ЕС. Тогда будет сформировано «обширное пространство в 800 миллионов жителей, которые могли бы разделить одинаковую безопасность и процветание». *Выступление Президента Французской Республики* Николя Саркози в Ниме 5.05.2009. URL: <http://www.ambafrance-ru.org> (Архив новостей 2009: Франция и Европа).

¹¹ Анализ политики Германии см.: *Bulmer S.* Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics / In 'Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions' Randall Hansen (ed.). *West European Politics*. 2014. Vol. 37, № 6. P. 1244–1263.

¹² Идеи Бара и их обсуждение можно найти в: «*Statements and Discussion*». GHI Bulletin. 2003. Suppl. № 1. P. 137–167. URL: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf. О европейском мирном порядке см.: *Raus R.* Egon Bahr and the Concept of a «European Peace Order» (1963–1970). Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). 16.05.2013. URL: http://www.cvce.eu/obj/rachele_rous_egon_bahr_and_

the_concept_of_a_european_peace_order_1963_1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html

¹³ Выступление на IV ежегодном экономическом форуме в Берлине, организованном газетой «Зюддойче Цайтунг», которое за день до этого было представлено в виде статьи в данной газете. Текст выступления: URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118>. *Wladimir Putin* «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten» // *Süddeutsche Zeitung*. 2010. 25 Nov. URL: www.sueddeutsche.de

¹⁴ Анализ различных аспектов кризиса см. в Special Issue edited by *Randall Hansen* «Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions» // *West European Politics*. 2014. Vol. 37 (6).

¹⁵ Этот тезис продвигает Ян Зелонка, хотя он не употребляет термин «глубокая Европа». *Zielonka J.* *Is the EU Doomed?* (Global Futures). Cambridge: Polity Press, 2014.

Литература

Бунин И., Макаркин А. Россия vs Запад: Социально-политические основания конфликта. Центр политических технологий. 2014. URL: <http://www.politcom.ru/18362.html> (дата обращения: 16.07.2015).

Выступление Президента Французской Республики Николя Саркози в Ниме 5.05.2009. URL: <http://www.ambafrance-ru.org> (Архив новостей 2009: Франция и Европа).

Громыко А., Фёдоров В.П. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Институт Европы. М., 2014.

Дугин А. Новая формула Путина: Основы этической политики. М.: Алгоритм, 2014.

Караганов С.А. 2014: Предварительные итоги // Российская газета. 2014. 28 нояб. URL: <http://www.rg.ru/2014/11/28/itogi.html> (дата обращения: 15.07.2015).

Лавров С. В отчуждении мы не заинтересованы // Интерфакс. 2014. 29 дек. URL: <http://www.interfax.ru/415975> (дата обращения: 15.07.2015).

Парижская хартия для новой Европы. ОБСЕ. Париж. 1990. 21 нояб. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Выступление на IV ежегодном экономическом форуме в Берлине // Зюддойче Цайтунг. 2010. URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013. 19 Сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>

Путин В.В. Саммит Россия – ЕС. 2014а. 28 янв. URL: <http://kremlin.ru/news/20113> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации. 2014б. 18 марта. URL: <http://kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Совещание послов и постоянных представителей России. 2014в. 1 июля. URL: <http://kremlin.ru/news/46131> (дата обращения: 15.07.2015).

Ad Beatissimi Apostolorum (Призывая к миру). 1914. 1 Nov. URL: http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html (дата обращения: 15.07.2015).

Allison R. Russian «Deniable» Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, № 6. P. 1255–1297.

Bershidsky L. «No Illusions Left, I'm Leaving Russia» // *Moscow Times*. 2014. 19 June.

Brenton T. Is no one in the West trying to do a deal with Putin? // *The Independent*. 2015. 4 Jan.

- Bulmer S.* Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics // West European Politics. 2014. Vol. 37, № 6. 2014. P. 1244–1263.
- Buzan B., Lawson G.* Capitalism and the Emerging World Order // International Affairs. 2014. Vol. 90, № 1. P. 71–91.
- David M.* EU-Russia Relations: Effects of the 2014 Ukraine Crisis // Russian Analytical Digest. 2014. № 158. P. 5–7.
- Diesen G.* EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union. Aldershot: Ashgate, 2015.
- Dower John W.* Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. New York: Norton, 2000.
- Dragneva R., Wolczuk K.* The EU-Ukraine Association Agreement and the Challenges of Inter-Regionalism // Review of Central and East European Law. 2014. Vol. 39, № 3-4. P. 213–244.
- Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions' //* West European Politics. 2014. Vol. 37, № 6. Special Issue (ed. by R. Hansen).
- Garton T.A.* Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of our Time. London: Penguin, 2005.
- Gorbachev M., Ikeda D.* Moral Lessons of the Twentieth Century. London: I.B. Tauris, 2005. 180 p.
- Hall P.A.* Varieties of Capitalism and the Euro Crisis // West European Politics. 2014. Vol. 37, № 6. P. 1223–1243.
- Horvath R.* Putin's «Preventative Counter-Revolution»: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution. London & New York: Routledge, 2013.
- Hyde-Price A.* «Normative» Power Europe: A Realist Critique' // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13, № 2. P. 217–234.
- Kissinger H.* «To settle the Ukraine crisis, start at the end» // Washington Post. 2014. 5 March. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 15.07.2015).
- Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Allen Lane, 2014.
- Krastev I., Leonard M.* The New European Disorder. London: ECFR, 2014.
- Maresceau M.* EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous Yet Unavoidable Connection // EU Enlargement: A Legal Approach / Ed. by Christophe Hillion. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing, 2004.
- Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93, № 5. P. 77–89.
- Mickiewicz E.* No Illusions: The Voices of Russia's Future Leaders. New York: Oxford University Press, 2014.
- Milward A.* The European Rescue of the Nation State. 2nd ed. London & New York: Routledge, 2000.
- Outrage at «old Europe» remarks' //* BBC News. 2003. 23 Jan. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/2687403.stm> (дата обращения: 15.07.2015).
- Pace M.* The Construction of EU Normative Power // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45, № 5. 2007. P. 1041–1064.
- Prozorov S.* Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration. Basingstoke. Palgrave Macmillan, 2006.
- Putin W.* «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten» // Süddeutsche Zeitung. 2010. 25 Nov. URL: <http://www.sueddeutsche.de> (дата обращения: 15.07.2015).
- Raus R.* Egon Bahr and the Concept of a «European Peace Order» (1963–1970). Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). 2013. 16 May. URL:

- http://www.cvce.eu/obj/rachele_raus_egon_bahr_and_the_concept_of_a_european_peace_order_1963_1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html (дата обращения: 15.07.2015).
- Sakwa R.* The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War // Cambridge Review of International Affairs. 2013. Vol. 26, № 1. P. 203–224.
- Sakwa R.* «New Cold War» or Twenty Years' Crisis? // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 2. P. 241–267.
- Sakwa R.* Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky – Yukos Affair. London: I.B. Tauris, 2014a.
- Sakwa R.* Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia. London & New York: Routledge, 2014b.
- Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A.* (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations. 2015 (в печати).
- Smith H.* Russian Greatpowerness: Foreign Policy The Two Chechen Wars and International Organisations. University of Helsinki. Faculty of Social Sciences, 2014.
- Statements and Discussion* // GHI Bulletin. Supplement № 1. 2003. P. 137–167. URL: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
- Stephen Blank.* Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe // Washington Post. 2014. 28 Dec.
- Tholens S., Del Sarto R.A.* Partnership or Power Projection?: The EU and its «Neighbourhood» // Open Democracy. 2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/simone-tholens-raffaella-adel-sarto/partnership-or-power-projection-eu-and-its-n> (дата обращения: 15.07.2015).
- Trenin D.* Russia's Breakout from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course. Carnegie Moscow Centre, 2014. URL: <http://carnegie.ru/2014/12/22/russia-s-breakout-from-post-cold-war-system-drivers-of-putin-s-course/hxsm> (дата обращения: 15.07.2015).
- Walker E.W.* Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis / R. Sakwa, A. Pikulicka-Wilczewska (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations, 2015.
- Wilson A.* Ukraine Crisis: What it Means for the West. London & New Haven: Yale University Press, 2014.
- Zielonka J.* Europe as a Global Actor // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 3. P. 471–484.
- Zielonka J.* Europe as Empire: The Nature of the Enlarged. Oxford University Press, 2007.
- Zielonka J.* Is the EU Doomed? (Global Futures). Cambridge: Polity Press, 2014.

Перевод с английского Н.К. Рожановской

Статья поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

Richard Sakwa

THE UKRAINE CRISIS AND THE CRISIS OF EUROPE

Abstract. On the outbreak of the First World War was declared as «the suicide of Europe», a hundred years later we can talk of a new suicide of Europe, as the idealism associated with a whole era of European integration is revealed as nugatory and an illusion. At the heart of the European Union (EU) is a peace project, and it spectacularly delivered on this promise in Western Europe before 1989. However, when faced with a no less demanding challenge in the post-communist era – to heal the Cold War divisions and to build the foundations for a united continent – the EU failed. Instead of a vision embracing the whole continent, the EU became little more than the civilian wing of the Atlantic security alliance. Even its increasingly

limited commitment to social and cross-national solidarity is jeopardised by the putative Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP).

The EU ultimately stumbled into geopolitical competition with Russia while suppressing recognition of the logic of its actions. Ukraine was divided internally and located along Europe's traditional historical fault lines, but adroit diplomacy of the traditional «realist» kind could have averted the crisis. The EU has suppressed recognition of its own geopolitical ambitions, couching its advance in the language of regulation, good governance and normative institutions. The new Atlanticism of the post-Cold War era brings together Russophobic elites in the East European accession countries, virulent Atlanticists in «old Europe» and exponents of American «leadership» (hegemony) in Washington, who together have conspired radically to subvert the original peace purpose of what has now become the EU. The EU has become subsumed into the new Atlanticism, thereby losing its own sense of purpose and responsibility for its geopolitical ventures. Instead of advancing the peaceful integration of Europe on a clearly articulated pan-continental basis, the EU became the instrument for new dividing lines across the continent.

Key words: European union, Atlantism, Russia, Ukraine, United States of America

DOI: 10.17223/2312461X/9/2

References

- Bunin I., Makarkin A. *Rossii vs. Zapad: Sotsial'no-politicheskie osnovaniia konflikta* [Russia vs the West: Socio-political Grounds of the Conflict]. Tsentr politicheskikh tekhnologii, 2014. Available at: <http://www.politcom.ru/18362.html> (Accessed 15 July 2015).
- Gromyko A., Fedorov V.P. *Bol'shaia Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [The Great Europe. Ideas, Reality, Prospects]. Institut Evropy. Moscow, 2014.
- Dugin A. *Novaya formula Putina: Osnovy eticheskoi politiki*. Moscow: Algoritm, 2014.
- Karaganov C.A. 2014: Predvaritel'nye itogi [Year 2014: Preliminary Results], *Rossiiskaia gazeta*, 2014, 28 Nov. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/28/itogi.html> (Accessed 15 July 2015).
- Lavrov S. «V otchuzhdenii my ne zainteresovany» [We Are Not Interested in the Estrangement], *Interfax*, 2014, 29 Dec. Available at: <http://www.interfax.ru/415975> (Accessed 15 July 2015).
- Parizhskaia khartiia dlia novoi Evropy* [Charter of Paris for a New Europe]. OCSE. Paris, 1990, 21 Nov. Available at: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. Vystuplenie na IV ezhegodnom ekonomicheskom forumе v Berline [Speech at the 4th Annual Economic Forum in Berlin], *Süddeutsche Zeitung*, 2010. Available at: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. Novyi integratsionnyi proekt dlia Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsia segodnia [A New Integration Project for Eurasia – the Future that is born Today], *Izvestiia*, 2011, 3 Oct. Available at: <http://izvestia.ru/news/502761> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V. «Meeting of the Valdai International Discussion Club», 19 September 2013. URL: <http://eng.news.kremlin.ru/news/6007>
- Putin V.V. *Sammit Rossiia-ES* [Russia – EU Summit], 2014a, 28 Jan. Available at: <http://kremlin.ru/news/20113> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. *Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [The Appeal of the President of the Russian Federation], 2014b, 18 March. Available at: <http://kremlin.ru/news/20603> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. *Soveshchanie poslov i postoiannykh predstavitelei Rossii* [A Conference of Russia's Ambassadors and Permanent Representatives], 2014c, 1 July. Available at: <http://kremlin.ru/news/46131> (Accessed 15 July 2015).

- Ad Beatissimi Apostolorum*, 1914, 1 Nov. Available at: http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html (Accessed 15 July 2015).
- Allison R. Russian «Deniable» Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules, *International Affairs*, 2014, Vol. 90, no. 6, pp. 1255–1297.
- Bershidsky L. “No Illusions Left, I’m Leaving Russia”, *Moscow Times*, 2014, 19 June.
- Brenton T. Is no one in the West trying to do a deal with Putin?, *The Independent*, 2015, 4 Jan.
- Bulmer S. Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics, *West European Politics*, 2014, Vol. 37, no. 6, pp. 1244–1263.
- Buzan B., Lawson G. Capitalism and the Emerging World Order, *International Affairs*, 2014, Vol. 90, no. 1, pp. 71–91.
- David M. EU-Russia Relations: Effects of the 2014 Ukraine Crisis, *Russian Analytical Digest*, 2014, no. 158, pp. 5–7.
- Diesen G. *EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union*. Aldershot: Ashgate, 2015
- Dower John W. *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*. New York: Norton, 2000.
- Dragneva R., Wolczuk K. The EU-Ukraine Association Agreement and the Challenges of Inter-Regionalism, *Review of Central and East European Law*, 2014, Vol. 39, no. 3-4, pp. 213–244.
- Europe’s Crisis: Background, Dimensions, Solutions’, *West European Politics*, 2014, Vol. 37, no. 6. Special Issue. Edited by R. Hansen.
- Garton T.A. *Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of our Time*. London: Penguin, 2005.
- Gorbachev M., Ikeda D. *Moral Lessons of the Twentieth Century*. London: I.B. Tauris, 2005. 180 p.
- Hall P.A. Varieties of Capitalism and the Euro Crisis, *West European Politics*, Vol. 37, no. 6, pp. 1223–1243.
- Horvath R. *Putin’s “Preventative Counter-Revolution”: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*. London & New York: Routledge, 2013.
- Hyde-Price A. «Normative» Power Europe: A Realist Critique”, *Journal of European Public Policy*, 2006, Vol. 13, no. 2, pp. 217–234.
- Kissinger H. «To settle the Ukraine crisis, start at the end», *Washington Post*, 2014, 5 March. Available at: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (Accessed 15 July 2015).
- Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 2014.
- Krastev I., Leonard M. *The New European Disorder*. London: ECFR, 2014.
- Maresceau M. EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous Yet Unavoidable Connection, *EU Enlargement: A Legal Approach*. Ed. by Christophe Hillion. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing, 2004.
- Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin, *Foreign Affairs*, 2014. Vol. 93, no. 5, pp. 77-89.
- Mickiewicz E. *No Illusions: The Voices of Russia’s Future Leaders*. New York: Oxford University Press, 2014.
- Milward A. *The European Rescue of the Nation State*. 2nd ed. London & New York: Routledge, 2000.
- Outrage at «old Europe» remarks’, *BBC News*, 23.01.2003. Available at: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/2687403.stm> (Accessed 15 July 2015).
- Pace M. The Construction of EU Normative Power, *Journal of Common Market Studies*, 2007, Vol. 45, no. 5, 2007, pp. 1041–1064.

- Prozorov S. *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. Basingstoke. Palgrave Macmillan, 2006.
- Putin W. «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten», *Süddeutsche Zeitung*, 25.11.2010. Available at: <http://www.sueddeutsche.de> (Accessed 15 July 2015).
- Raus R. *Egon Bahr and the Concept of a "European Peace Order" (1963-1970)*. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE), 2013, 16 May. Available at: http://www.cvce.eu/obj/rachele_raus_egon_bahr_and_the_concept_of_a_european_peace_order_1963_1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html (Accessed 15 July 2015).
- Sakwa R. *The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War*, *Cambridge Review of International Affairs*, 2013, Vol. 26, no. 1, pp. 203–224.
- Sakwa R. «New Cold War» or Twenty Years' Crisis? *International Affairs*, 2008, Vol. 84, no. 2, pp. 241–267.
- Sakwa R. *Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky - Yukos Affair*. London: I.B. Tauris, 2014a.
- Sakwa R. *Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia*. London & New York: Routledge, 2014b.
- Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A. (eds.). *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations*. 2015 (in press).
- Sarkozy Nicholas. «Discours de M. le Président de la République». Nîmes, 5 May 2009. URL: [Elysée.fr](http://www.elysee.fr)
- Smith H. *Russian Greatpowerness: Foreign Policy The Two Chechen Wars and International Organisations*. University of Helsinki. Faculty of Social Sciences, 2014.
- Statements and Discussion, *GHI Bulletin*. Supplement no. 1, 2003, pp. 137–167. Available at: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf (Accessed 15 July 2015).
- Stephen Blank. Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe. *Washington Post*. 2014. 28 Dec.
- Tholens S., Del Sarto R.A. Partnership or Power Projection?: The EU and its «Neighbourhood», *Open Democracy*, 2014. Available at: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/simone-tholens-raffaella-adel-sarto/partnership-or-power-projection-eu-and-its-n> (Accessed 15 July 2015).
- Trenin D. *Russia's Breakout from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course*. Carnegie Moscow Centre, 2014. Available at: <http://carnegie.ru/2014/12/22/russia-s-breakout-from-post-cold-war-system-drivers-of-putin-s-course/hxsm> (Accessed 15 July 2015).
- Walker E.W. Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis, *Richard Sakwa and Agnieszka Pikulicka-Wilczewska (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. E-International Relations, 2015.
- Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. London & New Haven: Yale University Press, 2014.
- Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged*. Oxford University Press, 2007.
- Zielonka J. Europe as a Global Actor, *International Affairs*, 2008, Vol. 84, no. 3, pp. 471–484.
- Zielonka J. *Is the EU Doomed? (Global Futures)*. Cambridge: Polity Press, 2014.

УДК 339.9; 327

DOI: 10.17223/2312461X/9/3

БАЛКАНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: СЕРБИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЕЙ В 2000-е гг.

Галина Александровна Нелаева,
Андрей Владимирович Семенов

Аннотация. Исследователи демократизации неоднократно указывали на значимость международной среды в определении направления транзита. Значительное внимание уделялось стратегии Европейского союза по «европеизации» и демократическому развитию соседних стран. Предпринимались попытки понять влияние региональных контргегемонов на транзит. Пример Сербии является особенно интересным, поскольку республика находится на пересечении сфер интересов ЕС и России. Предмет настоящей статьи – сравнение влияния связей и рычагов воздействия на Сербию со стороны ЕС и России в 2000-е гг. и анализ последствий такого влияния на траекторию политического развития республики Сербия.

Ключевые слова: Россия, Сербия, ЕС, Балканы, кризис, внешняя политика

Введение

В январе 2015 г. Сербия стала председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – одной из немногих международных организаций, непосредственно включенных в мониторинг и медиацию конфликта на Украине. По этому случаю премьер-министр Ивица Дачич заявил: «Мы разделяем убеждение, что кризис в Украине является большим вызовом европейской безопасности. Он ставит под вопрос ключевые принципы, закрепленные в таких документах, как Хельсинский Заключительный Акт, Парижская Хартия для новой Европы и стамбульская Хартия европейской безопасности» (Statement by H.E. Mr. Iviča Dačić... 2015). Однако наблюдатели отмечают, что, несмотря на поддержку Сербией территориальной целостности Украины, сербское руководство пытается сохранить хорошие отношения со всеми странами, имеющими отношение к конфликту. Так, сербская делегация не участвовала в голосовании 27 марта 2014 г. в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции 68/262 о суверенитете Украины над всей ее территорией (Резолюция A/RES/68/262), а в июле Вучич поправил американского посла в Сербии, подчеркнув, что принципиальная позиция Белграда по территориальной целостности Украины «включает Крым» (Mitrović 2014). Сразу после визита президента

России в Белград в октябре 2014 г. прошла конференция по Западным Балканам с участием министров иностранных дел и финансов ЕС, на которой Вучич в очередной раз заявил о приоритете европейского вектора (PM: Serbia belongs in EU). Официальные лица ЕС (в основном офис еврокомиссара по расширению), в свою очередь, не раз в течение года подчеркивали приверженность идее вступления Сербии в Союз.

В конфликте между Россией и Украиной (которую поддерживают США и ЕС) наличие страны-медиатора, имеющего хорошие отношения с обеими сторонами, может увеличить шансы на успех в разрешении кризиса (Rujevic 2015). В то же время именно тесные отношения Сербии и России могут превратить Западные Балканы в следующую арену борьбы (Szpala 2014; Крастев 2015). С одной стороны, европейская интеграция остается приоритетом политики Сербии, с другой – уязвимость сербской экономики, нерешенные проблемы с Косово и нациестроительством в целом усиливают возможности влияния Москвы на Белград по ряду вопросов. Наблюдатели и журналисты отмечают интенсификацию европейских и российских контактов с сербской стороной: статьи в *Der Spiegel*, *The Economist*, *The New York Times* и других влиятельных изданиях фиксируют эту тенденцию (Bilefsky 2014; Eufore or Russia 2014; Putin's Reach... 2014). Таким образом, украинский кризис может стать поворотным моментом для Сербии: будучи долгое время проблемным государством в самом сердце Европы, в последнее десятилетие страна добилась более или менее ясных перспектив вступления в ЕС, выйдя из состояния, которое Карозерс обозначил как «серая зона» (Carothers 2002).

Сербия представляет собой интересный случай с точки зрения политических трансформаций после эпохи биполярной конфронтации: она одновременно имеет тесные связи с Западом и Россией, у обеих сторон есть свои «рычаги» воздействия, кроме того, обе стороны заинтересованы в Сербии как внешнеполитическом союзнике. В данной статье на основе модели Левитского и Уэя мы попытаемся объяснить траекторию политической трансформации Сербии, принимая во внимание фактор взаимодействия двух внешних игроков (Levitsky, Way, 2010). Мы демонстрируем, что, несмотря на широкие и интенсивные связи Сербии как с «нормативным» актором (ЕС), так и с контргегемоном (Россией), приоритет остается за Европейским союзом, а «черный рыцарь» (термин, обычно обозначающий контргегемона на международной арене) не обладает большими возможностями воспрепятствовать проевропейскому курсу. Логика статьи разворачивается следующим образом: в начале мы рассмотрим теоретические модели транзита стран «серой зоны», затем проанализируем связи и рычаги воздействия ЕС и России, и, наконец, проведем сравнительный анализ влияния этих акторов на траекторию политического развития Республики Сербия.

Третья волна демократизации и страны «серой зоны»

Исследователи демократизации давно выделяют трудности и неопределенность, связанную с переходом к демократии в странах «третьей волны». Томас Карозерс в статье «Конец парадигмы транзита» (2002) идентифицирует пять заблуждений относительно переходов: об однонаправленности, последовательности и неизбежности транзита, а также о переоценке роли выборов и недооценке проблем государственного строительства. Он подчеркивает, что переходные государства могут оставаться в «серой зоне» между авторитаризмом и демократией достаточно долго, либо в форме «слабого плюрализма», либо в форме «политики с доминирующей властью». Идеи Карозерса во многом нашли подтверждения в исследованиях, посвященных «гибридным режимам», которые сочетают характеристики демократий с авторитарными элементами. Исследования гибридных режимов указывают на их приспособляемость и умение выживать за фасадом демократических институтов (Diamond 2002; Magaloni 2006; Brownlee 2009; Levitsky, Way 2010; Schedler 2013).

Для третьей волны демократизации, однако, имеет значение не только внутривнутриполитическая динамика, но и международная среда. Сэмюэл Хантингтон указывал на продвижение принципов демократического управления и прав человека усилиями США, Западной Европы и неправительственными организациями после Второй мировой войны как на один из определяющих факторов успешности перехода к демократии (Huntington 2012). Стивен Левитский и Лукан Уэй (2010) эмпирически доказали влияние связей с Западом и рычагов воздействия последнего на траектории политического развития стран «третьей волны» после распада биполярной системы. В то же время модель Хантингтона подразумевает приход волны «демократизации» – тенденции, которую отмечают как исследователи (Diamond 2008, 2015), так и эксперты (Freedom in the World 2014). С 2006 г. фиксируются ускорение темпов отката от демократии, ухудшающееся качество и стабильность демократического управления, углубление авторитарных тенденций и проблемы в развитых демократиях (Diamond 2015: 144). Как показывают в своих исследованиях Моллер и Сканнинг, это, возможно, не «демократическая рецессия», но, скорее, «плато» (Møller, Skaaning 2013). Ларри Даймонд признает, что авторитарные режимы вряд ли смогут продвигаться вперед (2015: 153), однако изменения в международной среде, а именно появление все большего количества «черных рыцарей» (стран, оспаривающих западные представления и принципы международного порядка, в том числе за счет продвижения контрпроектов) не может не сказываться на перспективах консолидации демократии в странах демократического транзита. Китай и Россия, пожалуй, наиболее явные

претенденты на роль альтернативных центров. Обладая необходимыми ресурсами, китайская и российская элиты продвигают собственные модели экономического, а то и цивилизационного развития. Обеими странами применяется достаточно широкий набор инструментов (от инвестиций и торговых связей до «мягкой силы») для воздействия на другие государства.

Таким образом, в случае со странами, находящимися между могущественными демократическими и авторитарными государствами, важно рассмотреть, насколько взаимодействие последних между собой и сравнительная сила их связей и рычагов обуславливают политическое развитие. В посткоммунистической Европе таких примеров несколько, Украина – наиболее яркий случай, но в эту же категорию можно отнести Армению, Грузию, Молдову и страны Западных Балкан. Всем этим государствам приходится балансировать между Россией и ЕС (в некоторых случаях США и КНР). Влияние России и ЕС постоянно находится в фокусе внимания исследователей (Hufbauer et al. 1990; Way 2011; Obydenkova, Libman 2014; Tolstrup 2014), однако существует потребность в эмпирических исследованиях соревнований международных акторов за влияние на определенное государство.

Сербия является отличным предметом для такого рода исследования: в январе 2014 г. сербское правительство начало переговоры о вступлении в ЕС, подтвердив тем самым свою приверженность курсу на европейскую интеграцию. С одной стороны, экономические и политические связи Сербии с ЕС значительно улучшились за 15 лет с момента ухода Милошевича. С другой стороны, экономика и финансовая сфера Сербии чрезвычайно зависимы от внешних, в том числе российских, инвестиций. Кроме того, Россия является практически монопольным поставщиком газа, а Москва усилила свои усилия по привлечению сербской публики (Szpala 2014).

Модель Левитского–Уэя (2010) предоставляет достаточно адекватный инструментарий для оценки влияния ЕС и России на процесс демократизации в Сербии, более того, она уже применялась для анализа траектории политического развития бывших республик Югославии в 1990-е гг. Однако эта модель нуждается в дополнениях. Гвендолин Сассе на примере Молдовы и Украины доказывает, что связи с Западом имеют положительный эффект на демократизацию только в случае наличия некоторого уровня политической конкуренции, например, если эти связи позволяют проявиться в полной мере социальным размежеваниям. То есть необходимо проанализировать, каким образом связи и рычаги «резонируют» с политическими раскладами внутри страны. Слабая государственность и наличие территориальных конфликтов также могут подорвать перспективы консолидации демократии (Sasse 2013: 580). Толstrup, в свою очередь, добавляет в эту модель «приврат-

ников» – элиты, которые могут повернуть в ту или иную сторону связи с Западом или «черными рыцарями». Он утверждает, что «внешние акторы имеют значение для демократизации в большей степени тогда, когда они сравнительно сильнее государства-цели, когда существуют плотные связи... и когда элиты-привратники пытаются усилить эти связи, таким образом облегчая “передачу” внешнего давления» (2013: 735). Этот вывод подтверждает Бидзина Лебанидзе на примере стран Кавказа: внешнее влияние для небольших стран оказывается более значимым, нежели внутренние факторы модели Левитского–Уэя, например организационная сила (Lebanidze 2014). Лебанидзе считает, что неудача демократических трансформаций в Армении и Азербайджане, в первую очередь, вызвана действиями России как контргегемона в регионе, а также слабым присутствием ЕС, что перекликается с другими работами по данной теме (Попеску, Уилсон 2012).

Таким образом, нас интересует, каким образом положение Сербии между ЕС и Россией сказывается на траектории политического развития республики. Сербия хорошо вписывается в предпосылки модели Левитского–Уэя: обе внешние стороны гораздо сильнее Сербии, имеют многочисленные связи и прибегают к тем или иным рычагам воздействия в случае необходимости. Кроме того, Сербия имеет нерешенную проблему Косово, подходы к которой у России и ЕС различаются, а сербская политическая элита старается поддерживать связи с обеими сторонами. Таким образом, при анализе политического развития Сербии и перспектив демократической консолидации необходимо сопоставление воздействия России и ЕС, равно как и анализ динамики отношений последних между собой. Наш анализ начинается с 2000 г. в связи с соображениями методологического и практического характера. Во-первых, 1990-е гг. уже стали предметом обширных исследований данного вопроса, во-вторых, 2000-й г. является водоразделом между режимом Милошевича и современным сербским режимом. Наконец, именно в 2000-е гг. Россия сформировалась как контргегемон на европейском пространстве, что и является предметом нашего интереса.

Связи и рычаги воздействия Европейского союза

Будучи преемницей Югославии Сербия унаследовала тесные и разнообразные связи с Западной Европой. Распад федерации и последовавшие этнические конфликты втянули западноевропейские страны в балканский кризис, однако в силу внутренней слабости ЕС первую роль в разрешении конфликта взяли на себя США и НАТО. Тем не менее Европейскому союзу удалось включиться в процесс урегулирования, и для региональной стабилизации был запущен ряд инициатив: Процесс по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе (South-East European Co-

operation Process, 1996), политика Регионального подхода (Regional Approach, 1996), Пакт стабильности для стран Юго-Восточной Европы (Stability Pact for South-Eastern Europe, 1999–2008), наконец, процесс Стабилизации и Ассоциации (Stabilization and Association Process, SAP). Кроме того, ЕС активно поддерживал оппозиционные С. Милошевичу силы и сыграл важную роль в их консолидации и победе осенью 2000 г. В 1996 г. Европейский совет разработал рамочные условия для бывших республик Югославии для усиления сотрудничества, к концу 1990-х гг. успехи Сербии оценивались крайне низко. Однако даже в период серьезных политических разногласий Евросоюз не прекращал финансовую помощь, и только после эскалации кризиса в Косово в 1998 г. ЕС ввел санкции против Союзной Республики Югославии (СРЮ), хотя этого оказалось недостаточно для прекращения конфликта (Лаврентьева и др. 2014).

Между кампанией НАТО весной 1999 г. и победой оппозиции осенью 2000 г., в июне 1999 г. был инициирован Процесс стабилизации и ассоциации (ПСА), который стал основным рычагом воздействия на Сербию. В рамках ПСА подчеркивалась необходимость сотрудничества между странами региона по обеспечению безопасности и разрешению конфликтов, кроме того, перед Сербией и Хорватией были поставлены условия о взаимодействии с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ). В июне 2000 г. Европейский совет объявил ПСА главным инструментом процесса присоединения, а в октябре была создана консультативная рабочая группа с участием официальных лиц Европейского союза и Федеративной Республики Югославии. ПСА официально начался в ноябре 2000 г., тогда же были отменены санкции и Европейское экономическое сообщество открыло свои рынки для экспорта из стран Западных Балкан. Таким образом, ЕС сыграл важную роль в трансформации режима Милошевича, последовательно наращивая связи и потенциал воздействия в 1990-е гг.

Эта тенденция с несколько переменным успехом продолжилась и в 2000-е гг. На октябрьском саммите в Скопье СРЮ официально присоединилась к Пакту стабильности для стран Юго-Восточной Европы, к июню 2001 г. были установлены прямые контакты между рабочими органами Европейского союза и СРЮ. С 2002 г. была запущена Программа помощи в реконструкции, развитии и стабилизации (Community Assistance for Reconstruction, Development and Stabilisation, CARDS) с бюджетом 4,65 млрд евро до 2006 г., средства которой пошли на реконструкцию и развитие инфраструктуры Западных Балкан. В первом годовом отчете Европейской комиссии по реализации ПСА было отмечено, что «Белград продемонстрировал ясную политическую решимость проводить необходимые реформы». Однако в том же отчете указывалось, что международные обязательства СРЮ перед МТБЮ «требуют незамедлительных улучшений, в противном случае они могут стать

препятствиями на пути интеграции в европейские структуры» (Stabilisation and Association Process 2002). Именно проблема сотрудничества с МТБЮ стала одной из причин разногласий в первом демократическом правительстве СРЮ между президентом Коштуницей и премьер-министром Джинджичем. Вопрос об экстрадиции обвиняемых МТБЮ лиц (Stojanovic 2009) особенно обострился после неожиданной для президента выдачи Милошевича в 2001 г. Гаагскому трибуналу.

Несмотря на это главы государств ЕС на саммите в Салониках в июле 2003 г. подтвердили намерение интегрировать Западные Балканы. Это намерение не претерпело больших изменений, даже несмотря на рост евроскептицизма после расширения в 2004 и 2007 гг., провал референдумов по Конституции ЕС во Франции и Нидерландах в 2004 г., а также затяжной кризис еврозоны после 2008 г. ЕС «разморозил» Временное торговое соглашение с Сербией, а также отменил визовый режим для сербских граждан в качестве дальнейших шагов по интеграции Сербии (Maug 2009). Усиление торгово-экономических связей позволило ЕС значительно усилить воздействие на Сербию. Согласно данным Европейской комиссии в 2011 г. торговый оборот между Сербией и ЕС превысил 14 млрд евро (9 млрд приходилось на экспорт продуктов из стран ЕС, 5,1 млрд – на импорт в ЕС из Сербии), а в 2013 – 16,3 млрд (9,7 и 6,6 млрд соответственно).

К середине 2000-х исследователи отмечают значительный прирост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Западные Балканы и Сербию (рис. 1), большая часть которых приходится на страны ЕС. Если в 1999 г. СРЮ получила 112 млн долл. ПИИ, а в 2000 всего 25, то 2003 г. уже 1 542 млн (Kekic 2005), в 2008 – 2 955 млн, а в 2013 – 1 034 млн долл. (World Investment Report 2014). Приток ПИИ остается достаточно волатильным в силу внутренних и внешних факторов: отставание в темпах реформ, характер бизнес-среды и глобальный кризис 2008–2011 гг. Среди других стран Юго-Восточной Европы и Балкан Сербия занимает второе место после Румынии по объему привлеченных ПИИ (Estrin, Uvalich 2013: 17). Главными странами-инвесторами в 2011 г. были Австрия (17,1% всех ПИИ), Нидерланды (10,1), Греция (9,6), Германия (9,1) и Норвегия (8,4).

Помимо торговых связей и инвестиций большое значение для отношений между Сербией и ЕС имеет финансовая помощь. Евросоюз – самый крупный финансовый донор для Сербии с объемом выделенной помощи в размере более 2,6 млрд евро за 2001–2014 гг. Германия предоставила 1,2 млрд, 620 млн – Американское агентство по международному развитию, 276 млн – Италия, 254 млн – Греция, 214 млн – Нидерланды. В 2014 г. ЕС предоставил управление над более чем 600 спонсируемыми проектами сербскому правительству – знак «особого доверия» между двумя сторонами. Для гармонизации законодательства

и политических курсов в 2007–2013 гг. ЕС использовал Инструмент для помощи в присоединении, в рамках которого Сербии было выделено 1,1 млрд евро. Еще 2 млрд планируется предоставить в 2014–2020 гг. для стран Западных Балкан и Турции (IPA2), из них в 2014 г. 110 млн было предоставлено Сербии: 44% – на поддержку развития демократии и государственного управления, 24% – на развитие верховенства права и прав человека, 11% – на поддержку энергетического сектора, 16,5% – на развитие образование, занятости и социальных услуг, 4,5% – на развитие конкурентоспособности (IPA 2014).

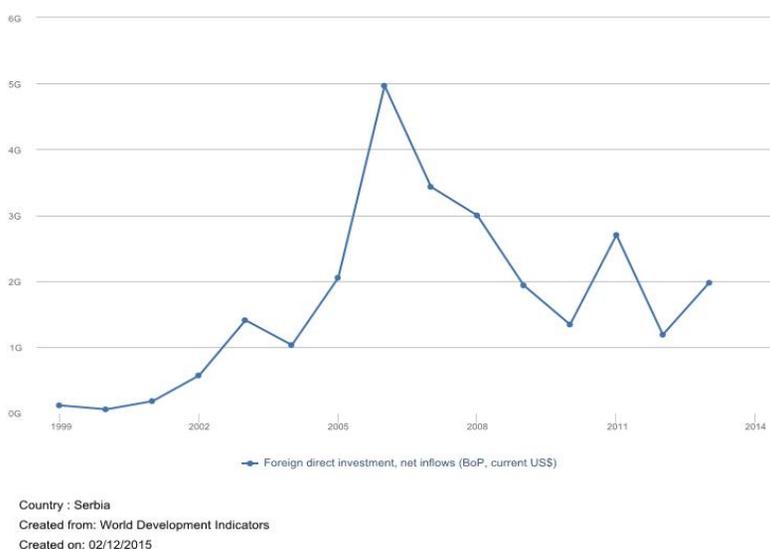

Рис. 1. Приток прямых иностранных инвестиций в Сербию (1999–2013 гг.).
Источник: Всемирный банк. URL: <http://www.data.worldbank.org/country/serbia>
(дата обращения: 18.09.2015)

Серьезным препятствием для использования рычагов влияния со стороны ЕС стал вопрос о статусе автономного края Косово и Метохии – болезненный внутривнутриполитический вопрос. После проведения в Черногории в 2006 г. референдума о выходе из Союзной Республики Югославия де-факто перестал существовать субъект международного права (Союзная Республика Югославия / Сербия и Черногория), который согласно резолюции Совета Безопасности ООН 1244 определял статус края в составе СРЮ. В феврале 2008 г. Косово провозгласило независимость, которую признали 108 государств – членов ООН, в том числе 22 государства– члена ЕС. Большую роль в достижении незави-

симости Косово сыграла Германия (Germany's Foreign Policy... 2014), в дальнейшем продолжившая играть роль ключевого медиатора между Белградом и Приштиной. В силу разногласий внутри ЕС необходимость признания независимости Косова не вошла в число условий вступления Сербии в ЕС, однако исследователи отмечают, что «без некоторого рода “молчаливого признания”, являющегося основой развития двухсторонних отношений между Сербией и Косово до минимально приемлемого уровня, Сербия не сможет вступить (в ЕС. – *ред.*)» (Huszka 2010: 11). Как указывает Хуска, «требование от государства молчаливо признать потерю части своей территории является гораздо более жестким, нежели призыв соблюдать демократические нормы (11). Несмотря на то что ЕС в значительной степени способствовал нормализации отношений между Белградом и Приштиной и заключению соглашения между ними весной 2013 г., косовская проблема сохраняет свою остроту и активно используется контрgegемомом (Россией).

Наконец, немаловажными являются культурные связи между ЕС и Сербией. Как показывают опросы общественного мнения, вступление в ЕС остается популярной долгосрочной целью развития, а сам Союз – достаточно привлекательной моделью. Согласно данным группы «Балканский монитор» 72,4% сербов поддерживают идею вступления страны в ЕС; 59,7% считают, что вступление в Евросоюз принесет выгоду для страны и для респондента лично (69,4%), однако эти показатели ниже, чем в остальных западнобалканских странах (Insights and Perceptions 2011). Около трети респондентов (28,8%) считают, что членство в ЕС угрожает национальной идентичности, а 45,8% имеют негативное или очень негативное отношение к Евросоюзу, которое особенно отчетливо проявляется у старшего поколения, людей без высшего образования и у мужчин (Survey Data 2011).

Связи и рычаги воздействия Российской Федерации

Как и ЕС, Россия имеет широкие и разнообразные связи с Республикой Сербией, но рычагов воздействия у нее меньше. В 1990-е гг. российское правительство поддерживало режим Милошевича, одновременно выступая за большинство западных инициатив по урегулированию балканского кризиса, включая санкции против Югославии. Поддержка федерального правительства СРЮ была символической: несмотря на протесты против военной кампании НАТО весной 1999 г. против Белграда, российская реакция (разворот премьер-министра Примакова над Атлантикой накануне кампании и марш-бросок российских десантников на аэропорт Приштины в июне) имела, скорее, символическое значение.

Начавшийся в 2000-х гг. бурный экономический рост привел к усилению России на международной арене. В первую очередь это отразилось на постсоветском пространстве и ближнем зарубежье, где Москва стала проявлять больше амбиций и настойчивости в продвижении собственных интересов. Сербия и Западные Балканы стали частью этого процесса вплоть до стратегического решения о строительстве газопровода «Южный поток», который должен был решить проблему транзита газа в Европу в обход традиционных маршрутов. В феврале 2013 г. Парламент Сербии принял закон о присвоении проекту «Южный поток» статуса национального значения. Сумма инвестиций для реализации данного проекта на территории Республики Сербии должна была составить 1,7 млрд долл., а решение о прекращении реализации проекта вызвало замешательство у сербских официальных лиц (Poznatov 2014).

Москва также направляла значительные инвестиции в сербскую экономику: в 2008 г. «Газпром» приобрел контрольный пакет акций «Сербской нефтяной компании» (NIS), что стало частью общей стратегии российского правительства. Присутствие «Газпрома» на энергетическом рынке стран Западных Балкан должно было гарантировать реализацию проекта «Южный поток», решение о прекращении строительства которого в декабре 2014 г. оказалось неожиданным для сербской стороны. В 2013 г. в Сербию поступило российских инвестиций на сумму 723,5 млн долл., к концу 2013 г. – 1 328,8 млн долл. Суммарные российские инвестиции в экономику Сербии в 2003–2012 гг. составили около 2,85 млрд долл. Согласно отчетам статистического комитета Сербии сохраняется дефицит торгового баланса, особенно в сфере энергетики: в 2012 г. Сербия импортировала продуктов топливно-энергетического комплекса на 3 337,3 млн долл. – вторая товарная позиция после «машиностроения, оборудования и транспортных средств», которых было ввезено на 4 371,2 млн долл. (Объем и структура торговли Республики Сербии с зарубежными странами за период 2008–2012 гг.; Foreign Trade Data 2013; Trade in Goods with Serbia 2014). Доля России в импорте энергоносителей колеблется, но в целом составляет около половины от импорта (табл. 1), при этом по отдельным позициям (например, по газу) Российская Федерация является монополистом.

Таблица 1

Импорт продуктов топливно-энергетического комплекса в Сербию.

Источник: Республиканская статистическая служба Сербии
(http://srb.ved.gov.ru/dvustoronnij_otnoshenija/obzor_torg)

Импорт продуктов	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Всего, млн долл.	4 673,6	2 640,6	2 980,2	3 970,3	3 337,3
Россия, млн долл.	2 775,1	1 559,6	1 691,5	2 065	1 498,3
Россия, %	59,4	59,4	56,8	52	44,9

На политическом уровне в последние пять лет также отмечается интенсификация контактов. Между официальным визитом Д. Медведева в 2009 г. и рабочим визитом В. Путина в 2014 г. состоялись несколько визитов министра иностранных дел С. Лаврова, семь приемов сербской делегации в Москве и многочисленные контакты официальных лиц, представителей бизнеса и духовенства. Только в 2014 г. министр иностранных дел С. Лавров и его заместители четыре раза побывали в Сербии. С 2004 по 2011 г. С. Лавров посещал Сербию четыре раза, глава РЖД В. Якунин – три, а также состоялись визиты спикера Государственной думы С. Нарышкина, министра культуры В. Мединского и патриарха Кирилла. Официальный визит Д. Медведева включал выступление в Народной скупшине Сербии, во время которого он напомнил о российской позиции по ряду вопросов, включая статус Косово, вспомнил резолюцию 1244, операцию НАТО 1999 г. и «общее прошлое» двух народов. Москва также с 2008 по 2013 г. четыре раза принимала сербскую делегацию во главе с президентом, два раза – премьер-министра. Вершиной такого интенсивного взаимодействия стало подписание в мае 2013 г. в Сочи Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией (Декларация 2013).

На уровне негосударственной дипломатии Россия поддерживает целый ряд организаций, представляющих ее интересы: Русские центры в Белградском университете и гимназии города Новий Сад (подразделение фонда «Русский мир», возглавляемого депутатом от фракции «Единая Россия» Вячеславом Никоновым), Русский дом (подразделение Россотрудничества – агентства при МИД по поддержке связей с соотечественниками), а также многочисленные сербско-российские некоммерческие организации, продвигающие идеи панславизма. Также Россия активно присутствует в информационном пространстве: с 2015 г. работает информационный канал «Спутник» (бывший Russia Today) на сербском языке (<http://rs.sputniknews.com>).

Русская православная церковь (РПЦ) – отдельный игрок на поле российско-сербских отношений. Патриарх Кирилл регулярно посещает Белград и встречается с сербскими высокопоставленными лицами и политиками. Позиция РПЦ является практически идентичной позиции правительства РФ (неприемлемость независимости Косово; операция НАТО 1999 г. нанесла непоправимый урон историческому и культурному наследию Сербии; связи между Россией и Сербией имеют глубокие исторические и духовные корни). Во время встречи с сербским патриархом Иерением в июле 2013 г. Кирилл с сожалением констатировал, что политическому руководству Сербии не хватает сегодня принципиальности, и отметил, что оно должно прислушиваться к голосу Сербской православной церкви, а не игнорировать его, тем более

публично. Другой темой транслируемой РПЦ является противостояние Западу, находящемуся в духовном упадке. Эту тему предположительно должна разделять Сербская православная церковь. Кроме того, РПЦ регулярно организует кампании по сбору средств и культурные обмены.

Во многом совпадают позиции России и Сербии по поводу МТБЮ, решения которого воспринимаются как предвзятые и некомпетентные, например случай освобождения хорватских военных преступников Анте Готовины и Младена Маркача (Charbonneau 2012). Обе стороны придерживаются мнения, что МТБЮ должен прекратить свое существование (Gaydazhieva 2012; Ristic 2012). Во взаимодействии с другими международными институтами Сербское правительство пытается маневрировать между двумя силами: сотрудничает с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» и является наблюдателем в Организации Договора о коллективной безопасности. В Нише действует Российско-Сербский гуманитарный центр для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях.

В целом присутствие России в Сербии достаточно заметно. Опросы общественного мнения показывают, что Россия воспринимается в качестве основного донора, опережая ЕС и США. Сербь однозначно хорошо относятся к России, и лишь 3,2% сербов считают, что Россия не является важным партнером Сербии, тогда как скептиков в отношении ЕС в два раза больше (6,1%), а в отношении США – в восемь раз (24,3%). Эта ситуация зеркальна ситуации отношения россиян к Сербии: абсолютное большинство россиян положительно относятся к Сербии, лишь 14% не следили за конфликтом конца 1990-х гг., 59% были возмущены, еще 29% озабочены действиями НАТО (Arlyarova 2014).

Сербия между ЕС и Россией: сравнение силы связей и рычагов воздействия

Сравнивать ЕС и Россию, равно как и их политический курс в отношении Сербии, непросто, поскольку внутри самого Евросоюза существуют разногласия, а Россия предстает более или менее консолидированным актором. Тем не менее проведенный анализ показывает, что Сербия действительно тесно связана с обеими сторонами, и в этом плане вполне понятно высказывание президента Николича о необходимости следования принципам Б. Тито ориентации и на Запад, и на Восток: «Сейчас внешнеполитические идеи Тито являются единственно верным выбором» (Filipovic 2014). Политика нейтралитета предстает естественным выходом, и сербский посол в России Славенко Тержич на вопрос о возможности введения санкций вместе с ЕС отметил, что «наша политика четко определяется как политика военного и полити-

ческого нейтралитета, и мы будем на этом настаивать» (Toskic 2014). Однако насколько такая политика может быть осуществима в меняющихся международных условиях?

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на больший вес ЕС в плане наличия ресурсов, связей и рычагов воздействия на Сербию, Россия является влиятельным контригрокком (табл. 2). И хотя все стороны открыто не признают противоборство (тем более, что по ряду вопросов интересы всех стороны сходились, например, в деле стабилизации региона), интенсификация контактов по линиям ЕС – Сербия и Россия – Сербия указывают на его потенциал.

Сравнивая силу экономических связей, нельзя не отметить гораздо более сильные позиции ЕС как в плане ресурсов, так и в плане их разнообразия. По сравнению с ЕС Россия обладает гораздо меньшим опытом предоставления финансовой помощи, торговля в первую очередь связана с экспортом энергоресурсов, а инвестиции растут, но далеко не такими темпами, как из стран Союза. Преимущества европейской ориентации Сербии налицо, так как ЕС не просто основной, но постоянный донор, заинтересованный к стабилизации региона, который долгое время был головной болью для европейских политиков. В то же время экономика Сербии испытывает негативное воздействие кризиса 2008 г.: растет государственный долг, что ставит под вопрос перспективы интеграции, приток инвестиций крайне волатилен, потому любой их источник крайне важен.

Таблица 2

Потенциал рычагов воздействия ЕС и России на Сербию. Оценка авторов

Рычаги воздействия	ЕС	Россия
Экономика: – финансовая помощь – торговые связи – инвестиции	Очень высокий Очень высокий Очень высокий	Низкий Высокий Высокий
Политика: – поддержка элит – поддержка публики	Очень высокая Высокая	Очень высокая Очень высокая
Культура / мягкая сила: – видимость присутствия – исторические связи – обмены / миграция	Высокая Высокая Очень высокая	Очень высокая Очень высокая Средняя
Международные вопросы: – Статус Косово – Отношение к МТБЮ – Отношение к НАТО	Очень высокая Высокая Средняя	Очень высокая Высокая Высокая

И элита, и широкая публика в Сербии поддерживают многосторонние связи страны. Все основные политические силы Сербии заявляют о необходимости дружбы как с ЕС, так и с Россией, что отражает обще-

ственное мнение. Прошедшие в марте 2014 г. выборы продемонстрировали проевропейскую риторику всех без исключения партий. Однако Россия в силу исторических и культурных связей имеет некоторое преимущество перед Европейским союзом, особенно среди старшего поколения и памятью о конфликтах 1990-х гг., в особенности кампанией НАТО в 1999 г. Кроме того, ни одна политическая партия Сербии не решается заявить о поддержке независимости Косово. Поддержка России в этом вопросе важна прежде всего тем, что она является постоянным членом Совета Безопасности ООН и может блокировать любые нежелательные с точки зрения Белграда решения. Европейский союз имеет меньше возможности использовать политические рычаги, хотя и выступает основным медиатором в переговорах с Приштиной, кроме того, является гарантом стабильности, поддерживая миссию ЕС по верховенству права (EU Rule of Law Mission, EULEX).

Наконец, культурные связи и потенциал мягкой силы также асимметрично распределены. Присутствие России в Сербии более заметно, «осязуемо», исторические и культурные связи, о которых постоянно напоминают политики и другие лица, позволяют поддерживать положительный имидж страны. Журналист «Нью Йорк Таймс» приводит слова жительницы Белграда, наблюдавшей за визитом Путина в октябре 2014 г.: «Это мне напоминает времена, когда мои родители были живы, когда Россия и Югославия любили друг друга. Запад всегда нас шантажирует, но мы всегда можем полагаться на Россию» (Bilefsky 2014). Однако именно в страны ЕС направляется основной поток трудовых мигрантов из Сербии, что может со временем изменить отношение к России. Более того, 70% сербов хотели бы, чтобы их дети жили в ЕС и только 17% предпочли Россию (Poll 2015).

В итоге Сербия испытывает на себе сильное воздействие обеих сторон. Сербские официальные лица должны реагировать на сигналы и требования Европейского союза, России и сербской публики, которая следит за разворачивающейся борьбой (Konitzer 2011). После того, как президент Путин объявил об изменении планов в отношении «Южного потока» (планируется дотянуть газопровод до Турции), премьер-министр Вучич заявил, что «Мы инвестировали в “Южный поток” семь лет и мы не имеем отношения к данному решению (об изменении маршрута. – *ред.*), очевидно, что мы страдаем от столкновения между большими (игроками. – *ред.*)» (PM: Abandoning of South Stream... 2014). Очевидно, что кроме потерь от инвестиций в проект, оцениваемых на уровне 2,1 млрд евро (Loss of investment... 2014), сербские политики опасаются повторения ситуации с российскими вложениями в железные дороги (около 800 млн евро) и нефтяную промышленность (реконструкция нефтеперерабатывающего завода в Нови Сад, более 1,5 млрд евро).

Если подводить «баланс» воздействия ЕС на Сербию, сильными рычагами первого являются политика расширения, финансово-экономические и политические (медиация по косовскому вопросу, налаживание регионального диалога). Россия, в свою очередь, активно использует общественное мнение и ревизионистские политические силы вместе с экономическими (инвестиции и поставки энергоресурсов) и международными (поддержка Сербии в ООН, позиция по МТБЮ и НАТО) рычагами. 2014 г. стал своеобразным тестом статус-кво в треугольнике ЕС – Сербия – Россия, оба внешних актора интенсифицировали свои контакты и рычаги воздействия. Германия стала инициатором Конференции по Западным Балканам (прошла 28 августа 2014 г. в Берлине). Россия, с одной стороны, визитом Путина символически подтвердила значимость Сербии как партнера в регионе, с другой стороны, прекратив осуществление проекта «Южный поток», подала сигнал о готовности использовать жесткие меры.

Заключение

Сравнивая влияние Брюсселя и Москвы на Белград, следует отметить несколько моментов. Во-первых, для ЕС, который инвестировал в Западные Балканы значительные ресурсы, стабильность всего региона и Сербии является несомненным приоритетом. Комиссар ЕС по вопросам внешней политики Ф. Могерини (ранее К. Эштон) принимает непосредственное участие в переговорах между Белградом и Приштиной, Европейский союз является основным торговым партнером и источником инвестиций, а память о провалах политики 1990-х гг. постоянно напоминает политикам и чиновникам об альтернативах мирному урегулированию балканских конфликтов. Для Москвы Сербия близка культурно и исторически, но все-таки находится на периферии интересов, это «спящий ресурс», который необходим для решения внешнеполитических задач, будь то строительство альтернативного газопровода или обоснование определенных действий на международной арене. Российские интересы в Сербии не сводятся к геополитическим расчетам и желанию иметь «троянского коня» внутри ЕС, хотя на определенную помощь Москва явно рассчитывает. Проблема России заключается в том, что она, в отличие от ЕС, не может себе позволить инвестировать значительные политические и экономические ресурсы в балканский регион, хотя довольно успешно использует культурные связи, включая идеи панславизма, антизападные настроения и популярность российских политиков.

Сербия как страна и общество, принимающая множество сигналов и ресурсы от обеих сторон, пока сохраняет возможность нейтралитета. По вопросу о санкциях в отношении России, несмотря на необходи-

мость согласования своего внешнеполитического курса с ЕС, Сербия остается нейтральной, хотя дебаты по этому поводу продолжаются. Сербские элиты-«привратники», как, впрочем, и сербская публика, имеют небольшие поляризованные (прозападные и пророссийские) сегменты, тогда как большинство сербов выступают за сохранение хороших отношений в трехстороннем формате, тем более, что ни Москва, ни Брюссель не выдвигали ультимативных требований о выборе приоритетов. Статус Косова остается важным рычагом для Москвы. Однако Косово, в отличие от других конфликтов на посткоммунистическом пространстве, не является замороженным конфликтом. Кроме того, конфликтующие стороны продолжают политический диалог при посредничестве ЕС. В целом политическая среда в Сербии остается конкурентной, а значит, и восприимчивой к внешнему воздействию.

Способность Сербии оставаться нейтральной зависит от курса ЕС и России, которые пока учитывают сложность ситуации и ведут себя подчеркнуто уважительно, по крайней мере на официальном уровне, и не заставляют руководство страны делать выбор. Однако режим санкций между ЕС и Россией, введенных в 2014 г., является определенно сигналом сербскому правительству и обществу со стороны Евросоюза и России. Сербия явно вышла из «серой зоны», в том числе благодаря усилиям ЕС и России. Готовность России своими действиями нанести ущерб, например экономике Сербии, можно оценивать как низкую, так как это будет противоречить официальной позиции Москвы, однако нельзя исключить давление Кремля на сербскую политическую элиту. Полноценные дебаты о политическом будущем Сербии и четкая позиция ЕС по вопросу о перспективах присоединения Сербии к Евросоюзу могут сделать произошедшие за последние 14 лет политические изменения необратимыми.

Литература

- Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией* // Официальный сайт Президента России. 24.05.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1461> (дата обращения: 09.09.2015).
- Кратев И.* Дестабилизация Балкан // Вестник. 2015. 19 янв. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38363021/destabilizaciya-balkan> (дата обращения: 03.12.2014).
- Лаврентьева Н.С., Нелаева Г.А., Семенов А.В.* Процесс расширения Европейского союза на Балканы: случай Сербии // Восточное направление расширения ЕС: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.Ю. Лицарева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 285–312.
- Объем и структура торговли Республики Сербии с зарубежными странами за период 2008–2012 гг.* // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. 2013. 12 дек. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/rs/rs_ru_relations/rs_ru_trade/ (дата обращения: 05.02.2015).
- Попеску Н., Уилсон Э.* Превратить присутствие во влияние: уроки Восточного партнерства // Международный альманах «Европа». 2012. Т. 11. С. 58–70.

- Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 г. A/RES/68/262* // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&refereg=/english/&Lang=R (дата обращения: 05.02.2015).
- Семенов А.В.* Перспективы расширения ЕС на Западных Балканах: случай Сербии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54), т. 3. С. 131–134.
- Anger and dismay as Russia scraps \$50bn gas plan* // The Financial Times. 2014. 2 Dec. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/1a5954f0-7a41-11e4-a8e1-00144feabdc0.html> (дата обращения: 02.01.2015).
- Arlyarova E.S.* Dynamics of Public Opinion in Russia Concerning Serbia // Центар за Стратешке алтернативе. 2014. URL: http://www.strateskealternative.rs/?p=1943#_edn3 (дата обращения: 15.02.2015).
- Bilefsky D.* Serbia Honors Putin While Keeping Its Eyes on Ties to the West // New York Times. 2014. 16 Oct. URL: http://www.nytimes.com/2014/10/17/world/europe/serbia-honors-putin-while-keeping-its-eyes-on-ties-to-the-west.html?_r=0 (дата обращения: 15.02.2015).
- Brownlee J.* Portents of pluralism: How hybrid regimes affect democratic transitions // American Journal of Political Science. 2009. Vol. 53, № 3. P. 515–532.
- Cameron D.R., Orenstein M.A.* Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its" Near Abroad // Post-Soviet Affairs. 2012. Vol. 28, № 1. P. 1–44.
- Carothers T.* The End of the End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, № 1. P. 5–21.
- Charbonneau L.* Russia slams Hague court for freeing Croatian generals // Reuters. 2012. 5 Dec. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/12/06/us-warcrimes-gotovina-russia-idUSBRE8B500020121206> (дата обращения: 15.02.2015).
- Diamond L.J.* Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy. 2002. Vol. 13, № 2. P. 21–35.
- Diamond L.J.* Facing Up to the Democratic recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, № 1. P. 141–155.
- Diamond L.J.* The democratic rollback: the resurgence of the predatory state // Foreign affairs. 2008. March / April. P. 36–48.
- Estrin S., Uvarolich M.* FDI into transition economies: are the Balkans different? // 12th EACES conference and the International Conference on occasion of the 75th Anniversary of the Faculty of Economics, University of Belgrade (Belgrade, 20–22 September 2012). 2013.
- Europe or Russia?* Vladimir Putin's visit and a football match rekindle rows in Serbia // The Economist. 2014. 18 Oct. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21625793-vladimir-putins-visit-and-football-match-rekindle-rows-serbia-europe-or-russia> (дата обращения: 15.02.2015).
- Kekic L.* Foreign direct investment in the Balkans: recent trends and prospects // Southeast European and Black Sea Studies. Volume 5, Issue 2, 2005. P. 171–190.
- Filipovic G.* Serbia to Avoid Sides in Ukraine Crisis, Nikolic Says // Bloomberg. 2014. 10 July. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-07-09/serbia-to-avoid-sides-in-ukraine-crisis-nikolic-says.html> (дата обращения: 15.02.2015).
- Foreign Trade Data 2013.* Serbia Investment and Export Promotion Agency (SIEPA). URL: <http://siepa.gov.rs/en/index-en/import-from-serbia/foreign-trade-data/2013.html> (дата обращения: 15.02.2015).
- Freedom in the World.* 2014. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2014>
- Gaydazhieva S.* Russia firmly committed to completion of ICTY's activities // New Europe. 2012. 30 Nov. URL: <http://www.neurope.eu/article/russia-firmly-committed-completion-icty-s-activities> (дата обращения: 15.02.2015).

- Germany's Foreign Policy Towards Kosovo. A Policy Perspective.* Group for Legal and Political Studies // Prishtina Council on Foreign Relations. 2014. № 2.
- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A.* Economic sanctions reconsidered: History and current policy. Peterson Institute, 1990. Vol. 1.
- Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th century. 4th ed. University of Oklahoma Press, 2012.
- Huszka B.* The Next Enlargement Round – the Balkan Challenge. EU Frontiers Policy Paper. Center for EU Enlargement Studies. February 2010. № 1.
- IPA 2014 Annual Action Programme for Serbia.* URL: <http://www.europa.rs/sw4i/download/files/cms/attach?id=120> (дата обращения: 03.02.2015).
- Insights and Perceptions: Voices of the Balkans, Summary of Findings* // Monitor, Gallup Balkan. 2011. URL: <http://balkanfund.org> (дата обращения: 18.11.2014).
- IPA2. The Delegation of the European Union to the Republic of Serbia.* URL: http://www.europa.rs/en/eu_assistance_to_serbia/ipa/IPA2.html (дата обращения: 03.02.2015).
- Kekic L.* Foreign direct investment in the Balkans: recent trends and prospects // Southeast European and Black Sea Studies. 2005. Vol. 5, iss. 2. P. 171–190.
- Konitzer A.* Serbia between East and West // Russian History. 2011. Vol. 38, № 1. P. 103–124.
- Lebanidze L.* What makes authoritarian regimes sweat? Linkage, leverage and democratization in post-Soviet South Caucasus // Southeast European and Black Sea Studies. 2014. Vol. 14, № 2. P. 199–218.
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the cold war. Cambridge University Press, 2010.
- Loss of investment great damage to Serbia* // B92. 2014. 3 Dec. URL: http://www.b92.net/eng/news/comments.php?nav_id=92428 (дата обращения: 04.12.2014).
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Mayr W.* Serbians Get Visa-Free Travel: EU Welcomes «Leper of Europe» Back into the Fold // Spiegel International. 2009. 29 Dec. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/serbians-get-visa-free-travel-eu-welcomes-leper-of-europe-back-into-the-fold-a-669233.html> (дата обращения: 18.11.2014).
- Mitrovich M.* Vucic «surprised» with US ambassador's statement // Independent Balkans News Agency. 2014. 23 July. URL: <http://www.balkaneu.com/vucic-surprised-ambassadors-statement> (дата обращения: 18.11.2014).
- Møller J., Skaaning S.-E.* The third wave: Inside the numbers // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24, № 4. P. 97–109.
- Obydenkova A., Libman A.* Understanding the foreign policy of autocratic actors: ideology or pragmatism? Russia and the Tymoshenko trial as a case study // Contemporary Politics ahead-of-print. 2014. P. 1–18.
- Poll: Serbia's complex attitude towards the EU* // EurActive. 2015. 9 Jan. URL: <http://www.euractiv.com/sections/global-europe/poll-serbias-complex-attitude-towards-eu-311141> (дата обращения: 30.01.2015).
- PM: Abandoning of South Stream is bad news* // B92. 2014. 2 Dec. URL: http://www.b92.net/eng/news/comments.php?nav_id=92428 (дата обращения: 03.12.2014).
- PM: Serbia belongs in EU, «wants to be appreciated»* // B92. 2014. 2 Jan. URL: http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2014&mm=10&dd=24&nav_id=92005 (дата обращения: 03.12.2014).
- Poznatov M.* Serbia hasn't given up on South Stream // EurActive. 2014. 4 Dec. URL: <http://www.euractiv.com/sections/global-europe/serbia-hasnt-given-south-stream-310595> (дата обращения: 03.12.2014).

- Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans* // Der Spiegel. 2014. 17 Nov. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (дата обращения: 15.02.2015).
- Ristic M.* Russia, Serbia Criticise the ICTY before the UN // Balkan Insight. 2012. 6 Dec. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/cooperation-with-ex-yugoslav-countries-crucial-icty-says> (дата обращения: 19.01.2015).
- Rujevic N.* Serbia: A new mediator in the Ukraine conflict? // Deutsche Welle. 2015. 1 Jan. URL: <http://www.dw.de/serbia-a-new-mediator-in-the-ukraine-conflict/a-18165680> (дата обращения: 15.02.2015).
- Sasse G.* Linkages and the promotion of democracy: the EU's eastern neighbourhood // Democratization. 2013. Vol. 20, № 4. P. 553–591.
- Schedler A.* The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford University Press, 2013.
- Stabilisation and Association Process for South Eastern Europe.* First Annual Report. COM (2002) 163. 2002. 3 April. URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!CELEXnumdoc&lg=en&numdoc=502DC0163 (дата обращения: 15.02.2015).
- Statement by H.E. Mr. Ivica Dačić,* First Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs of the Republic of Serbia. OSCE Ministerial Event. Addressing the Crisis of European Security: The Way Forward and the Role of the OSCE. New York. 2014. 26 Sept. (дата обращения: 8.10.2014).
- Stojanovic J.* EU Political Conditionality and Domestic Politics: Cooperation with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia in Croatia and Serbia. PhD Thesis, Budapest: Central European University, 2009.
- Survey Data «From Yugoslavia to the European Union: 20 Years after 1991 – The Tale of Two Generations»* // Balkans in Europe. Policy Initiative. 2011. URL: http://balkanfund.org/spd/?page_id=148 (дата обращения: 04.12.2014).
- Szpala M.* Russia in Serbia – soft power and hard interests // OSW Commentary. 2014. 29 Oct. URL: <http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2014-10-29/russia-serbia-soft-power-and-hard-interests> (дата обращения: 04.12.2014).
- Tolstrup J.* Black knights and elections in authoritarian regimes: Why and how Russia supports authoritarian incumbents in post-Soviet states // European Journal of Political Research. 2014. 17 Dec. DOI: 10.1111/1475-6765.12079
- Tolstrup J.* Russia vs the EU: the competition for influence in post-Soviet states. Lynne Rienner Publishers, 2013.
- Toskic O.* Serbia mulls no possible sanctions on Russia – ambassador // TASS. Russian News Agency. 2014. 25 Nov. URL: <http://en.itar-tass.com/russia/763542> (дата обращения: 15.02.2015).
- Trade in Goods with Serbia.* European Union. European Commission. Directorate-General for Trade. 2014. 27 Aug. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2008/august/tradoc_140028.pdf (дата обращения: 15.02.2015).
- Way L.A.* Explaining the Efficacy of Russia as a Black Knight. APSA 2011 Annual Meeting Paper. 2011.
- Way L.A., Levitsky S.* Linkage, leverage, and the post-communist divide // East European Politics & Societies. 2007. Vol. 21, № 1. P. 48–66.
- World Investment Report. UNCTAD, 2014.* URL: http://unctad.org/en/publicationslibrary/wir2014_en.pdf (дата обращения: 15.02.2015).

Поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

Nelaeva Galina, Semenov Andrey

THE BALKANS TRIANGLE: SERBIA BETWEEN THE EU AND RUSSIA IN 2000S

Abstract. Looking at the experience of Serbia this article seeks to understand and evaluate Serbia's politics in the context of the EU enlargement in the light of the recent crisis in Ukraine that led to a dramatic split in Russia-EU relations. Serbia's path to the EU has been long and problematic, with Serbia recovering from economic turmoil, difficulties of post-conflict reconstruction, destructive floods of 2014, and tense relations with its Balkan neighbors. By applying Levitsky and Way's theoretical framework that stresses the importance of an external actor in the democratization process (the importance of leverage and linkage vis-à-vis the democratizing state) and the analysis of linkages / leverage with counter-hegemonic state, we argue that in examining competing linkages / leverages, we must acknowledge the importance of the interplay between the powerful actors as well. The article concludes that the Ukrainian crisis offers Serbia an opportunity to exit the «gray zone» as defined by Thomas Carothers, as well as it gives the EU the chance to deepen its influence in Western Balkans.

Key words: Russia, Serbia, the Balkans, crisis, foreign policy

DOI: 10.17223/2312461X/9/3

References

- Deklaracija o strategicheskom partnjorstve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Serbij // *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1461> (Accessed 09.09.2015).
- Krastev I. Destabilizatsiia Balkan [The Destabilization of the Balkans], *Vedomosti*. 2015. 19 Jan. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38363021/destabilizaciya-balkan> (Accessed 3 December 2014).
- Lavrent'eva N.S., Nelaeva G.A., Semenov A.V. Protsess rasshireniia Evropeiskogo Soiuzna na Balkany: sluchai Serbii, *Vostochnoe napravlenie rasshireniia ES: problemy i perspektivy* [Eastern Direction of the EU's Enlargement: Problems and Prospects], Ed. by E.Iu. Litsareva. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2014, pp. 285–312.
- Ob'em i struktura torgovli Respubliki Serbii s zarubezhnyimi stranami za period 2008–2012 gg. // *Portal vneskhnejekonomicheskoy inofrmacii Ministerstva jekonomicheskogo razvitiia RF*. 2013. 12 Dec. URL: http://www.ved.gov.ru/ex-portcountries/rs/rs_ru_relations/rs_ru_trade/ (Accessed: 05.02.2015).
- Popesku N., Uilson E. Prevratit' prisutstvie vo vliianie: uroki Vostochnogo partnerstva [Turning Presence into Influence: the Lessons of the Eastern Partnership], *Mezhdunarodnyi al'manakh "Evropa"*, Vol. 11, 2012, pp. 58–70.
- Resolution of the UN General Assembly *A/RES/68/262*, March 27, 2014. UNO Official Website. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=english/&Lang=R (Accessed 5 February 2015).
- Semenov A.V. Perspektivy rasshireniia ES na Zapadnykh Balkanakh: sluchai Serbii [Prospects of the EU's Enlargement in the Western Balkans: The Case of Serbia], *Vestnik Kemerovo State University Journal*, 2013, no. 2 (54), Vol. 3, pp. 131–134.
- Anger and dismay as Russia scraps \$50bn gas plan, *The Financial Times*, 2014. 2 Dec. Available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/1a5954f0-7a41-11e4-a8e1-00144feabdc0.html> (Accessed 2 January 2015).
- Arlyarova E.S. Dynamics of Public Opinion in Russia Concerning Serbia, *Центар за Стратешке алтернативе*. 2014. Available at: http://www.strateskealternative.rs/?p=1943#_edn3 (Accessed 15 February 2015).
- Bilefsky D. Serbia Honors Putin While Keeping Its Eyes on Ties to the West, *The New York Times*, 2014. 16 Oct. Available at: <http://www.nytimes.com/2014/10/17/world/europe/>

- serbia-honors-putin-while-keeping-its-eyes-on-ties-to-the-west.html?_r=0 (Accessed 15 February 2015).
- Brownlee J. Portents of pluralism: How hybrid regimes affect democratic transitions, *American Journal of Political Science*, 2009, Vol. 53, no. 3, pp. 515–532.
- Cameron D.R., Orenstein M.A. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its' Near Abroad, *Post-Soviet Affairs*, 2012, Vol. 28, no. 1, pp. 1–44.
- Carothers T. The End of the End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, no. 1, pp. 5–21.
- Charbonneau L. Russia slams Hague court for freeing Croatian generals, *Reuters*, 2012. 5 Dec. Available at: <http://www.reuters.com/article/2012/12/06/us-warcrimes-gotovina-russia-idUSBRE8B500020121206> (Accessed 15 February 2015).
- Diamond L.J. Thinking about hybrid regimes, *Journal of democracy*, 2002, Vol. 13, no. 2, pp. 21–35.
- Diamond L.J. Facing Up to the Democratic recession, *Journal of Democracy*, 2015, Vol. 26, no. 1, pp. 141–155.
- Diamond L.J. The democratic rollback: the resurgence of the predatory state, *Foreign affairs*, 2008, March/April, pp. 36–48.
- Estrin S., Millica U. FDI into transition economies: are the Balkans different?, *12th EACES conference and the International Conference on occasion of the 75th Anniversary of the Faculty of Economics, University of Belgrade (Belgrade, 20-22 September 2012)*. 2013.
- Europe or Russia? Vladimir Putin's visit and a football match rekindle rows in Serbia, *The Economist*, 2014. 18 Oct. Available at: <http://www.economist.com/news/europe/21625793-vladimir-putins-visit-and-football-match-rekindle-rows-serbia-europe-or-russia> (Accessed 15 February 2015).
- European Union. *Trade in Goods with Serbia*. European Commission. Directorate-General for Trade, 2014. 27 Aug. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2008/august/tradoc_140028.pdf (Accessed 15 February 2015).
- Filipovic G. Serbia to Avoid Sides in Ukraine Crisis, Nikolic Says, *Bloomberg*, 2014. 10 July. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/2014-07-09/serbia-to-avoid-sides-in-ukraine-crisis-nikolic-says.html> (Accessed 15 February 2015).
- Foreign Trade Data 2013. *Serbia Investment and Export Promotion Agency (SIEPA)*. Available at: <http://www.siepa.gov.rs/en/index-en/import-from-serbia/foreign-trade-data/2013.html> (Accessed 15 February 2015).
- Freedom in the World. 2014. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2014>
- Gaydazhieva S. Russia firmly committed to completion of ICTY's activities, *New Europe*, 2012. 30 Nov. Available at: <http://www.neweurope.eu/article/russia-firmly-committed-completion-icty-s-activities> (Accessed 15 February 2015).
- Germany's Foreign Policy Towards Kosovo. A Policy Perspective. Group for Legal and Political Studies. Prishtina Council on Foreign Relations, no. 2, 2014.
- Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans, *Der Spiegel*, 2014. 17 Nov. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (Accessed 15 February 2015).
- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A. *Economic sanctions reconsidered: History and current policy*. Vol. 1. Peterson Institute, 1990.
- Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late 20th century*. 4th ed. University of Oklahoma Press, 2012.
- Huszka B. *The Next Enlargement Round - the Balkan Challenge*. EU Frontiers Policy Paper. Center for EU Enlargement Studies, no. 1, February 2010.
- IPA 2014 Annual Action Programme for Serbia. Available at: <http://www.europa.rs/sw4i/download/files/cms/attach?id=120> (Accessed 15 February 2015).
- IPA2. *The Delegation of the European Union to the Republic of Serbia*. Available at: http://www.europa.rs/en/eu_assistance_to_serbia/ipa/IPA2.html (Accessed 15 February 2015).

- Konitzer A. Serbia between East and West, *Russian History*, 2011, Vol. 38, no. 1, pp. 103–124.
- Lebanidze L. What makes authoritarian regimes sweat? Linkage, leverage and democratization in post-Soviet South Caucasus, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2014, Vol. 14, no. 2, pp. 199–218.
- Levitsky S., Way L.A. *Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold war*. Cambridge University Press, 2010.
- Loss of investment great damage to Serbia, *B92*, 2014. 3 Dec. Available at: http://www.b92.net/eng/news/comments.php?nav_id=92428 (Accessed 4 December 2014).
- Magaloni B. *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Mayr W. Serbians Get Visa-Free Travel: EU Welcomes «Leper of Europe» Back into the Fold, *Spiegel International*, 2009. 29 Dec. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/serbians-get-visa-free-travel-eu-welcomes-leper-of-europe-back-into-the-fold-a-669233.html> (Accessed 18 November 2014).
- Mitrovich M. Vucic «surprised» with US ambassador's statement, *Independent Balkans News Agency*, 2014. 23 July. Available at: <http://www.balkan.eu.com/vucic-surprised-ambassadors-statement> (Accessed 18 November 2014).
- Møller J., Skaaning S.-E. The third wave: Inside the numbers, *Journal of Democracy*, 2013, Vol. 24, no. 4, pp. 97–109.
- Insights and Perceptions: Voices of the Balkans, Summary of Findings, *Monitor, Gallup Balkan*, 2011. Available at: <http://balkanfund.org> (Accessed 18 November 2014).
- Obydenkova A., Libman A. Understanding the foreign policy of autocratic actors: ideology or pragmatism? Russia and the Tymoshenko trial as a case study, *Contemporary Politics ahead-of-print*, 2014, pp. 1–18.
- Poll: Serbia's complex attitude towards the EU, *EurActive*, 2015. 9 Jan. Available at: <http://www.euractiv.com/sections/global-europe/poll-serbias-complex-attitude-towards-eu-311141> (Accessed 30 January 2015).
- PM: Abandoning of South Stream is bad news, *B92*, 2014. 2 Dec. Available at: http://www.b92.net/eng/news/comments.php?nav_id=92428 (Accessed 3 December 2014).
- PM: Serbia belongs in EU, «wants to be appreciated», *B92*, 2014. 2 Dec. Available at: http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2014&mm=10&dd=24&nav_id=92005 (Accessed 3 December 2014).
- Poznatov M. Serbia hasn't given up on South Stream, *EurActive*, 2014. 4 Dec. Available at: <http://www.euractiv.com/sections/global-europe/serbia-hasnt-given-south-stream-310595> (Accessed 3 December 2014).
- Ristic M. Russia, Serbia Criticise the ICTY before the UN, *Balkan Insight*, 2012. 6 Dec. Available at: <http://www.balkaninsight.com/en/article/cooperation-with-ex-yugoslav-countries-crucial-icty-says> (Accessed 19 January 2015).
- Rujevic N. Serbia: A new mediator in the Ukraine conflict?, *Deutsche Welle*, 2015. 1 Jan. Available at: <http://www.dw.de/serbia-a-new-mediator-in-the-ukraine-conflict/a-18165680> (Accessed 15 February 2015).
- Sasse G. Linkages and the promotion of democracy: the EU's eastern neighbourhood, *Democratization*, 2013, Vol. 20, no. 4, pp. 553–591.
- Schedler A. *The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism*. Oxford University Press, 2013.
- Stabilisation and Association Process for South Eastern Europe*. First Annual Report. COM (2002) 163. 2002. 3 April. Available at: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!CELEXnumdoc&lg=en&numdoc=502DC0163 (Accessed 15 February 2015).
- Statement by H.E. Mr. Ivica Dačić, First Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs of the Republic of Serbia*. OSCE Ministerial Event. Addressing the Crisis of European Security: The Way Forward and the Role of the OSCE. New York, 2014. 26 Sept. (Accessed 8 October 2014).

- Stojanovic J. *EU Political Conditionality and Domestic Politics: Cooperation with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia in Croatia and Serbia*. PhD Thesis, Budapest: Central European University, 2009.
- Survey Data «From Yugoslavia to the European Union: 20 Years after 1991 – The Tale of Two Generations», *Balkans in Europe. Policy Initiative*, 2011. Available at: http://balkanfund.org/spd/?page_id=148 (Accessed 4 December 2014).
- Szpala M. Russia in Serbia – soft power and hard interests, *OSW Commentary*, 2014. 29 Oct. Available at: <http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2014-10-29/russia-serbia-soft-power-and-hard-interests> (Accessed 4 December 2014).
- Tolstrup J. Black knights and elections in authoritarian regimes: Why and how Russia supports authoritarian incumbents in post-Soviet states, *European Journal of Political Research*, 2014. 17 Dec. DOI: 10.1111/1475-6765.12079
- Tolstrup J. *Russia vs. the EU: the competition for influence in post-Soviet states*. Lynne Rienner Publishers, 2013.
- Toskic O. Serbia mulls no possible sanctions on Russia – ambassador, *TASS. Russian News Agency*, 2014. 25 Nov. Available at: <http://en.itar-tass.com/russia/763542> (Accessed 15 February 2015).
- Way L.A. *Explaining the Efficacy of Russia as a Black Knight*. APSA 2011 Annual Meeting Paper. 2011.
- Way L.A., Levitsky S. Linkage, leverage, and the post-communist divide, *East European Politics & Societies*, 2007, Vol. 21, no. 1, pp. 48–66.
- World Investment Report. UNCTAD, 2014*. Available at: http://unctad.org/en/publicationslibrary/wir2014_en.pdf (Accessed 15 February 2015).

УДК 327/ 32.019.52
DOI: 10.17223/2312461X/9/4

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОЦЕНКИ И ОЖИДАНИЯ МОЛОДЫХ МЕЖДУНАРОДНИКОВ ТОМСКА, 2012 г.¹

Лариса Валериевна Дериглазова

Аннотация. В первой половине 2012 г. в России было проведено исследование на тему «Внешняя политика России: оценки и ожидания молодого поколения» по заказу Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Исследование проводилось качественными методами (полуструктурированные глубинные интервью и фокус-группы) среди молодых специалистов (не старше 30 лет), работающих в сфере международных отношений в более чем десяти регионах России, включая столицы. В рамках общероссийского исследования были заданы три тематических блока: приоритеты внешней политики России; общественная дипломатия; кадровое и информационное сопровождение внешней политики. В статье представлены мнения, высказанные респондентами из Томска, по тематическим блокам исследования с незначительной корректировкой самих формулировок вопросов без изменения сути.

Главный вывод, который можно сделать из этой серии интервью, состоит в том, что молодое поколение международных специалистов из Томска реалистично оценивает положение России в мире, видит перспективы ее развития и прагматически определяет суть необходимых перемен для более успешной реализации внешней политики страны. Большинство респондентов выражали критические оценки текущей российской внешней политики, подчеркивая, что она должна отражать интересы общества, а не элит. Несмотря на критический настрой, молодые специалисты выражали свое желание активно работать для улучшения имиджа России за рубежом, лучшего целеполагания внешней политики, видели тесную взаимосвязь между состоянием общества и внешнеполитическими приоритетами.

Ключевые слова: внешняя политика России, молодые специалисты-международники, качественные методы исследования

Общая информация и методология исследования

В первой половине 2012 г. в России было проведено исследование на тему «Внешняя политика России: оценки и ожидания молодого поколения» по заказу Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова². Исследование проводилось качественными методами (полуструктурированные глубинные интервью и фокус-группы) среди молодых специалистов (не старше 30 лет), работающих в сфере международных отношений в более чем десяти регионах России, включая

столицы. Результаты этого масштабного исследования опубликованы не были. За прошедшие три года произошли критические изменения в положении России в мире, в ее взаимоотношениях со странами так называемого ближнего зарубежья, западными и восточными партнерами. С января 2015 г. начал действовать Евразийский экономический союз как проект интеграции России с некоторыми странами постсоветского пространства, сохранившими лояльность и экономическую заинтересованность в создании зоны свободной торговли с Россией.

Сейчас во внешней политике России проявляется двойственность. С одной стороны, происходит усиление централизации данного направления государственной политики, что связано с ростом конфронтационности поля мировой политики и желанием правительства контролировать внутренних акторов. Однако настоящая внешняя политика российского правительства получает столь масштабную поддержку со стороны россиян, что трудно ожидать хоть сколько-нибудь реального раскола общества по этому поводу. С другой стороны, можно отметить сохранение противоположного вектора – регионализации внешней политики и активного участия регионов в развитии трансграничной торговли и сотрудничества, которое приносит дополнительные доходы в региональные бюджеты и помогает поддерживать уровень жизни населения. Действительно, в условиях огромной протяженности страны ригидный контроль за внешнеэкономической деятельностью регионов может быть контрпродуктивным.

Цель данной статьи – показать некоторые результаты названного выше исследования в Томске, которые сохраняют свою ценность и помогают увидеть «изнутри» ориентиры и оценки поколения молодых международных студентов, подготовленных в региональных центрах и имеющих собственное мнение о том, какой должна быть внешняя политика России. Все молодые международники, которые отвечали на вопросы в рамках исследования, работают в сфере международных отношений регионального уровня, и их оценки основаны на их собственном опыте работы, пусть и непродолжительной. В статье будут представлены мнения и оценки молодых международных студентов из Томска по состоянию на время опроса – весна 2012 г.

В опросе приняли участие 28 человек, из них 20 имели образование по специальности «международные отношения» или «регионоведение», 3 – «история», 2 – «журналистика», 1 – «экономика», 1 – «безопасность и нераспространение ядерных материалов», 1 – «политология». Все участники опроса имели опыт работы, обучения или стажировок за рубежом разной продолжительности. Среди респондентов 13 мужчин и 15 женщин. По сферам занятости: 3 студента, 2 аспиранта, 4 преподавателя, 6 человек, работающих в местных органах власти, 5 – в частном бизнесе, 3 журналиста, 1 респондент, работающий в международной научной ла-

боратории, 3 человека занимали административные или технические позиции в сфере высшего образования. Степень кандидата наук имели 8 человек.

При учете мнений участников опроса из Томска, важно учитывать несколько обстоятельств:

– Томская область является «внутренней» территорией, не граничит с другими государствами и не имеет ни одного представительства иностранных государств;

– в Томске, городе с населением чуть более 500 тыс. человек, действуют 6 государственных университетов, в которых ежегодно обучаются около 100 тыс. студентов, т.е. система высшего образования является важнейшим сектором экономики области, что было признано Администрацией Томской области при определении стратегии развития;

– Томск в силу наличия объектов военно-промышленного комплекса в советское время был закрыт для посещения иностранцами; до сих пор сохраняется достаточно явный контроль над международными контактами университетов. Эта тенденция особенно усилилась с конца 2012 г.

Для Томска характерно «перепроизводство» кадров в различных областях, частое «перетекание» или совмещение работы в управлении, бизнесе и образовании. Стоит также отметить, что не удалось привлечь к опросу представителей государственных структур, связанных с развитием экономического сотрудничества области – Открытой экономической зоны или Торгово-промышленной палаты: несмотря на то, что согласие на участие было получено, в последний момент люди отказывались от интервью, ссылаясь на занятость.

Другая проблема, с которой мы столкнулись при проведении интервью, – это затруднение в привлечении молодых журналистов, которые пишут на международные темы. Таковых практически нет, так как региональные СМИ не освещают международную тематику, а лишь комментируют события регионального значения, которые связаны с международными программами или сотрудничеством. Журналисты часто обращаются за экспертными комментариями по поводу событий, имеющих международный контекст, к преподавателям университетов – специалистам в области мировой политики.

В рамках общероссийского исследования были определены три тематических блока вопросов: приоритеты внешней политики России; общественная дипломатия; кадровое и информационное сопровождение внешней политики. В статье будут последовательно представлены мнения, высказанные респондентами с незначительной корректировкой самих формулировок вопросов без изменения сути³. В заключении будут предложены некоторые выводы из представленного материала.

Приоритеты внешней политики России

Большинство респондентов отмечали, что приоритетом внешней политики России является сохранение и развитие отношений со странами СНГ и со странами постсоветского пространства. Было отмечено, что этому направлению внешней политики не уделяется должного внимания, что в отношении стран бывшего СССР используется термин «ближнее зарубежье», который является «абсолютно неверным и глупым». Респонденты отмечали, что к странам СНГ сохраняется пренебрежительное отношение, как к «не до конца независимым государствам», что создает проблемы. Во время работы фокус-группы один из участников отметил, что этот приоритет сформулирован на официальном уровне как основное направление внешней политики России. Важным приоритетом было названо создание положительного образа России в мире, причем некоторые респонденты отмечали, что улучшение отношений с бывшими странами СССР и создание положительного образа России являются связанными задачами.

Среди других региональных приоритетов внешней политики отмечали европейское направление, Восточную Азию, США, затем – Ближний Восток, Азию, Африку и Южную Америку. В целом большинство респондентов по степени важности ранжировали регионы в следующем порядке: бывшее постсоветское пространство или страны СНГ, потом – Европа и лишь затем в разной последовательности отмечались другие направления.

Среди приоритетных сфер внешнеполитической деятельности многие отмечали необходимость перехода от «энергозависимой экономики в сторону более разностороннего развития с использованием новых технологий» и меньшей «политизированности вопросов энергобезопасности».

Достаточно часто респонденты отмечали необходимость «распространения и расширения сферы использования, поддержку русского языка и культуры». Отмечалось, что это направление внешней политики многих государств в мире не получило необходимой поддержки в России. Респонденты говорили о том, что знание русского языка на территории бывших советских республик постепенно угасает, это препятствует поддержанию добрососедских отношений, развитию экономического сотрудничества, выстраиванию стратегического партнерства. Так, один из респондентов сказал, что «мы сталкиваемся с тем, что бывшие советские республики, выходцы из бывших советских республик, русский язык знают все хуже и хуже. Соответственно, многим из них это закрывает возможность получить образование в РФ, и, соответственно, мы теряем возможность оказывать влияние на этих людей, которые получили образование в России и, возвращаясь в свои страны,

они могли бы сформировать устойчивую, возможно, политически и экономически влиятельную группу, с которой мы могли бы выстраивать... гармоничные отношения. Эти люди знали бы Россию, русский язык, и у них были бы положительные эмоции, связанные с Россией. И это, безусловно, способствовало бы развитию отношений, улучшению, гармонизации».

Отношение к таким традиционным сферам внешней политики, как обеспечение безопасности с военной и военно-политической точки зрения, неоднозначно оценивалось респондентами. Нередко вопросы безопасности назывались во вторую или третью очередь либо не назывались вообще. Так, в одном интервью было отмечено, что в целом «поддержание и сохранение отношений со значимыми субъектами международных отношений» является важным направлением, которое нельзя игнорировать, однако «обеспечение безопасности с военной, военно-политической точки зрения является важной задачей, хотя не имеет такой приоритет». Тем не менее в ряде интервью была отмечена важность обеспечения безопасности в классическом понимании, что объяснялось тем, что «Россия граничит с достаточно нестабильными регионами, в частности с Кавказом, Центральной Азией». Война 2008 г., по мнению некоторых респондентов, показала, что российская армия столкнулась с проблемой быстрой мобилизации боеспособной группировки войск, что отразило неблагоприятное положение в этой сфере.

Среди немногочисленных комментариев по поводу обеспечения безопасности как приоритетного направления внешней политики были такие, в которых отмечалось, что сейчас Россия заняла место, схожее с местом в мире СССР по уровню уважения со стороны других игроков в мире. Поэтому в вопросах безопасности Россия должна бороться с политическим и религиозным терроризмом, хотя эта проблема и была названа «внутренней». Незначительное число респондентов назвали необходимость противостояния НАТО.

Во время проведения фокус-группы тема приоритетов внешней политики была прокомментирована как проблема «однбокости» внешней политики и существования разрыва между «приоритетами, декларируемыми на официальном уровне, и приоритетами де-факто, которые реализуются в конкретных действиях». По мнению участников фокус-группы, «основной приоритет внешней политики России заключается в поиске своего места в системе международных отношений, поиске союзников, исходя из насущных целей, которые стоят перед государством», в то время как такие декларируемые цели, как «модернизация и партнерство ради модернизации», не отражаются в реальных делах. Эта проблема была объяснена в разнице лоббистских способностей и силе групп, которые участвуют в формировании внешней политики России. Было указано, что «лоббистские способности тех групп, которые за-

щищают сырьевой сектор во внешней политике, намного выше, чем лоббистские способности групп, которые пытаются сформировать партнерские отношения в сфере высоких технологий, модернизации и технологическое вообще».

Нередко респонденты говорили о необходимости обеспечения интересов бизнеса, российских компаний, экономических интересов страны, защиты интересов своих граждан за рубежом. При этом отмечалось, что вхождение России во Всемирную торговую организацию может сыграть двойственную роль для российских производителей, как стимулируя отечественных производителей, так и создавая проблемы конкуренции и возможности разорения сельхозпроизводителей.

Другие, редко упоминавшиеся темы, – это «защита своих граждан за рубежом», необходимость сотрудничества в сфере прав человека и экологической защиты.

Стереотипы, касающиеся российской внешней политики

Участники опроса отмечали несколько стереотипов, которые можно определить как «постимперское сознание» или «комплексы великой державы». Раскрывая эту тему, респонденты отмечали такие составляющие этих стереотипов, как вера в «великую, сильную Россию, которую нельзя сломить и у которой есть ядерная дубинка»; «стремление везде вмешиваться»; «мы – огромная страна и от нас много чего зависит в мире»; «неготовность к компромиссам как следствие чувства величия».

Один из респондентов провел параллель с опытом Великобритании после Второй мировой войны, как несоответствие ожиданий от внешней политики, восприятия своей страны как глобальной державы и имеющихся ресурсов. Один респондент отметил, что «мы уже несильная держава, но продолжаем вести себя как сверхдержава, хотя не имеем права себя так вести и поступать». Он привел пример общения с китайцами, которые говорят о том, что «Россия до сих пор ведет себя по отношению к Китаю как старший брат, хотя она давно стала младшим братом».

Также было отмечено, что для россиян характерна «привычка жить как в осажденной крепости, кругом одни враги». Источником этого стереотипа были названы, в том числе, ведущие новостные российские каналы, которые постоянно освещают шпионские скандалы, ранжируют страны на «партнеров и врагов». Было сказано, что россияне очень часто воспринимают внешнюю политику «через призму друзей и врагов»: «Вот эти страны – мы с ними дружим, мы будем их поддерживать, Белоруссия и Венесуэла – наши союзники. Другие страны – наши потенциальные враги, нужно быть осторожными с ними: американцы

нас хотят уничтожить, европейцам нельзя доверять». Было отмечено, что восприятие людей внешнего мира, внешней политики является упрощенным, «черно-белым», тогда как «внешняя политика – это сфера компромиссов».

Один респондент отметил, что такие стереотипы являются поколенческими: «У большинства россиян, представителей старшего поколения, моих родителей, существует недоверие к странам западной демократии, США, Великобритании, потому что эти государства хотят видеть Россию слабой, и они делают все для этого, и путем подкупа, и путем отправки шпионских групп, что все те иностранцы, которые приезжают, журналисты, сотрудники посольств, они работают на разведывательные ведомства».

Антиамериканизм был отмечен в качестве преобладающего стереотипа во внешней политике России. Так, один респондент сказал, что «большинство людей считают, что наш главный враг – это Америка, и нужно с ней бороться. Не дать ни в коем случае попасть американцам в Европу, на Дальний Восток или в Африку, сдержать их как-то, мне кажется, до сих пор самая популярная тема для разговора везде». Среди других «врагов» России называлась НАТО. Как отметил один респондент, «с кем бы ни дружить, лишь бы дружить против Америки».

Было отмечено излишнее доверие россиян к СМИ, вера в то, «что нам говорят с экранов телевизоров». Вследствие этого многие люди не знают реальных проблем, «многие живут и думают, что все нормально, Россия «поднимается с колен», “встает на ноги”, укрепляется», однако «многие россияне не понимают, насколько Россия отстает в своем развитии от других стран». По мнению одного из респондентов, это «наш основной стереотип, мы думаем, что мы двигаемся вперед, что что-то происходит, на самом деле это не так».

Рассуждая о внешних стереотипах, респонденты отмечали, что главным стереотипом в отношении России является ее восприятие как СССР – государства агрессивного, непредсказуемого и авторитарного. Главная цель России, в соответствии с этим стереотипом, заключается в восстановлении Советского Союза, «великой России». Один респондент выразил этот стереотип одной фразой – «русские идут», и сказал, что Россия воспринимается как «азиатская держава, орды гуннов, которые вот-вот захлестнут Европу». Кроме того, этот подход проявлен в ожидании того, «Кто следующий?» будет завоеван Россией. Этот стереотип особенно ярко проявился во время конфликта 2008 г.⁴

Многие повторяли, что Россию нередко воспринимают как «государство-медведь», нечто, не совсем понятное: «что-то там происходит, но не совсем очевидно, что в нем происходит, и не совсем очевидно, какая реакция будет дальнейшем». Один респондент сформулировал это восприятие России следующим образом: «Россия всегда представ-

лена врагом, каким-то непонятым животным, которое живет в тайге. Причем этот стереотип есть даже среди специалистов, профессиональных международных, и среди молодых специалистов, студентов в области политологии и международных отношений. Стереотип агрессора, большого господина, который обижает маленькие страны». Было отмечено, что эти стереотипы отражаются и в восприятии фигуры Путина, «его очень многие не любят, это понятно почему».

Главной причиной такого восприятия России было названо «элементарное невежество», а в отношении Сибири – полное незнание реальностей. Нередко в ответах респондентов звучала обида: «Россию не воспринимают как часть Европы», «подобного рода вещи шокируют», «многие боятся сюда ехать, хотя когда приезжают, оказывается не так страшно», «очень странно слышать и жутко, когда высокопоставленные члены правительства США говорят о том, что Сибирь – это слишком большая территория и зачем она входит в состав РФ, надо чтобы она отделилась».

Участники опроса говорили о том, что образ России и русских демонизируется западными СМИ. Образ России в европейских СМИ был представлен следующим образом: «Там, где Европа – все подсвечено, а там где Россия, там либо “Газпром”, либо медведи, что-то вот такое мощное, но неуклюжее и своим газом и нефтью всех забивает, ресурсов много». Отмечалась «иррациональная демонизация», связанная с выходцами из Сибири. Один респондент привел пример, когда сибиряков за границей с удивлением спрашивали: «А оттуда уже выпускают?». Другой участник интервью сказал: «У меня в Израиле спросили, Сибирь – это больше, чем Тель-Авив?»

Респонденты отмечали, что эти стереотипы мешают выстраиванию нормальных отношений с другими странами: «Это не вопрос того, что мы хотим быть частью Европы и этим гордиться, это вопрос того, на какой основе ведется дальше диалог с нами. Если это основа такая, то диалог не будет продуктивным».

Кроме западных СМИ источником сохранения стереотипов о жизни в России назывались русские эмигранты, которые уехали в конце 1980 – начале 1990-х гг. Один респондент сказал: «Порой создается впечатление, что люди воспринимают Россию как страну с абсолютно на 100% разрушенной экономикой, отсутствующими технологиями, отсутствующей вообще какой-либо эффективной жизнедеятельностью и т.д. Нас воспринимают с удивлением: “Как вы вообще там живете?”».

Оценка текущей внешней политики России

Давая общую оценку положения России в мире, в основном респонденты говорили, что Россия преодолела кризис 1990-х гг., ее стали

больше уважать другие страны, она активно участвует в международных делах. Отмечали, что Россия стала проводить более независимую внешнюю политику, отошла от однозначного следования западным странам, нередко начинает дружить со странами-изгоями. Среди достижений отмечались вступление во Всемирную торговую организацию, активная внешнеэкономическая деятельность, создание таможенного союза с Казахстаном и Белоруссией, нормализация отношений с Польшей. Говорили о том, что положение России в таких неформальных форумах, как «Большая восьмерка», не дает ощутимых результатов, а в ООН для России характерны идеалистическая позиция, слишком формальное следование принципам международного права. Отмечали, что внешняя политика нередко становится спекулятивным инструментом, происходит поиск внешнего врага перед выборами, а это подвергает опасности предыдущие завоевания.

Переходя к конкретным оценкам, участники больше говорили о проблемах, чем о достижениях. Многие негативно оценивали успех России в экономической сфере, так как это положение связано с продажей нефти и газа. Как отметил один респондент, рассуждая о переговорах России с Китаем и европейскими странами о строительстве газопроводов: «Я не знаю, можно ли назвать это успехом, хотя это так и подается, но мне не очень хочется жить в стране, которая мыслится как ресурсный придаток для всего мира. Поэтому я это успехом не считаю, о других успехах мне трудно говорить». Главной проблемой многие называли сильную экономическую зависимость России от большого числа государств, включая азиатские, что основано на преимущественном экспорте сырья, запасы которого не бесконечны.

Двойственную оценку получили отношения с Грузией и военный конфликт 2008 г. Одни респонденты называли это явным провалом, неспособностью решить проблему мирным путем, доведение кризиса до военной стадии, а также называли провальным информационное сопровождение политики России во время военных действий. Другие считали, что Россия поступила правильно, показала силу и то, что с ней нужно считаться.

Респонденты нередко отмечали, что Россия по-прежнему находится в поиске своего места в мире, своей идентичности. Ответы на этот вопрос во многом пересекались с рассуждениями о стереотипах восприятия России и ее внешней политики. Участники опроса говорили о необходимости более четкого определения национальных интересов, собственных целей и необходимости следования им. Нередко респонденты обращались к проблеме формирования внешнеполитической линии страны, говорили об излишнем влиянии административных, исполнительных органов власти и недостатке реального участия в этом процессе «законодательных органов власти, которые должны представлять

интересы народа», указывали на отсутствие системы лоббирования в том виде, в каком она присуща многим европейским странам и США.

Некоторые отмечали излишнюю амбициозность внешнеполитической деятельности, что отражается в «переоценке своих способностей или, наоборот, в недооценке своей роли в международных отношениях в отдельных регионах, что ведет к тому, что мы теряем союзников либо не можем отстаивать свои интересы в соседних регионах». Такая оценка присутствовала при обсуждении сотрудничества в рамках СНГ. Некоторые отмечали, что Россия продолжает проводить излишне агрессивную внешнюю политику, повсюду ищет врагов, против которых надо объединяться.

Как проблему называли неспособность конкурировать в сфере высшего образования и научного обмена. Нередко отмечалось, что Россия плохо использует имеющийся потенциал в культуре, науке, образовании для достижения высоких позиций в мире. Некоторые участники опроса говорили о неумении использовать потенциал «мягкой силы» для достижения целей во внешней политике, выстроить положительный образ страны, грамотно использовать PR-технологии. Некоторые отмечали, что обращение к теме «мягкой силы» в предвыборных статьях Путина может свидетельствовать о позитивных изменениях, отходу от агрессивной внешней политики.

Основные угрозы для России как члена международного сообщества

Большинство участников интервью отмечали, что главные угрозы для России находятся внутри страны, а не вовне. В качестве таких угроз назывались разобщенность в обществе, большой разрыв в уровне жизни, удаленность власти от людей, неудовлетворительная внутренняя политика государства. Демографическая проблема называлась как одна из угроз. Респонденты говорили о том, что экономическое отставание является главным вызовом для России: «Пока Россия будет продавать углеводороды и минеральные ресурсы, она никогда не сможет догнать в своем развитии европейские страны и просто развитые страны. Главный вызов – это диверсификация экономики и налаживание отношений с другими странами». Один из респондентов отметил, что вызовом является «отсутствие национальной идеи», и привел слова Бисмарка о том, «что русских победить невозможно, но можно внушить им лживые ценности, и они сами себя победят». Отмечалось, что вызовом является налаживание взаимовыгодного сотрудничества – экономического, культурного, политического.

Среди традиционных вызовов и угроз были названы контроль над ядерным оружием, сокращение ядерных вооружений и недопущение приобретения ядерного оружия негосударственными акторами и госу-

дарствами, которые могут представлять опасность. Ядерная программа Ирана была упомянута в этом контексте. Были названы международный терроризм, неоднозначная ситуация с американской противоракетной обороной, НАТО, которая приближается к российским границам. Китай, хотя и редко, но все-таки назывался как вызов.

Были упомянуты территориальные проблемы России на юге, на границе с Китаем и Японией. Среди угроз были названы опасность «размораживания» конфликтов на постсоветском пространстве, рост террористических организаций на Кавказе, опасность активизации террористов исламистского толка в Казахстане и рост политического ислама, исламизма и связанных с этим различных террористических групп. В качестве вызова была обозначена потеря союзников в Средней Азии, регионе, который важен для обеспечения безопасности России. Отмечалось, что вызовом безопасности является неуспешная реформа вооруженных сил, что показали военные операции на Кавказе.

Среди новых угроз национальной безопасности были названы проблема «кибербезопасности» и информационная безопасность в целом. Отмечалось отсутствие опыта по обеспечению безопасности в этой сфере. Причем этот вид безопасности понимался не только как угроза нормальной деятельности государственных структур, но и как способность негосударственных и государственных игроков оказывать влияние на восприятие ситуации, мобилизацию людей. В качестве примера приводилась неудачная информационная политика российского правительства в период войны 2008 г.

В качестве вызова упоминались мировой экономический кризис, сокращение потребления энергоресурсов европейскими государствами, что может негативно отразиться на «экономическом благополучии России».

Как угроза были названы «утечка мозгов», желание многих уехать из России и проблема наркотрафика из стран Центральной Азии.

Перспективы российской внешней политики

В целом отмечалась необходимость развития отношений со странами и регионами, с которыми Россия имеет границы – Европа, Восточная Азия, постсоветское пространство, Дальний Восток, Кавказ и Центральная Азия. Оценивая перспективы отношений на постсоветском пространстве, респонденты отмечали необходимость сохранения старых связей, дальнейшее развитие и углубление экономической интеграции на евразийском пространстве. Отмечалась важность отхода от упрощенного восприятия политики на постсоветском пространстве с точки зрения лояльности политических лидеров этих стран политической элите России. Респонденты говорили о том, что все политики

движимы национальными интересами своих стран и нереалистично ожидать от них пророссийской позиции.

Среди перспективных направлений называлось европейское направление, дальнейшее углубление сотрудничества со странами ЕС, но указывалась необходимость отхода от экспорта энергоресурсов и развития сотрудничества в высокотехнологичных областях, в образовании и науке. Успешность европейского направления оценивалась по-разному, одни говорили, что в целом все развивается динамично, нет проблем в плане научных контактов, академической мобильности, и недоумевали по поводу постоянных разговоров о безвизовом режиме с ЕС. Другие полагали, что европейское направление находится в состоянии стагнации, и здесь необходимо прилагать больше усилий, так как это выгодно России для развития ее потенциала и роста.

Азиатское направление также было названо как перспективное, в первую очередь применительно к Китаю, так как это дает возможность развития и обеспечения Сибири и Дальнего Востока России, которые находятся на значительном удалении от столиц и не получают необходимых ресурсов для развития. Оценивая перспективы сотрудничества с Китаем, многие говорили о проблеме выстраивания эффективных отношений с точки зрения долгосрочных интересов России, а также адекватного понимания мотивов, целей и ценностей Китая. При этом нередко упоминалась необходимость учета разницы потенциалов стран в экономической сфере, промышленном развитии и демографических показателях. Респонденты отмечали, что проекты сырьевой направленности между Россией и Китаем лишь подтверждают опасение, что Россия в конечном итоге может превратиться в сырьевой придаток Китая.

В опросе участвовали большое количество респондентов, владеющих китайским языком и имеющих практический опыт учебы и работы в Китае или с китайцами. Они не выражали опасений или страхов по поводу «желтой угрозы», возможности экспансии Китая на российский Дальний Восток. Однако все отмечали недостаток понимания особенностей Китая и китайцев как нации. Как выразил один из респондентов, «китайцы – они с другой планеты, они не с планеты Земля. Мы все-таки европейцы, может быть “восточные европейцы”, но все равно европейцы, и мы никогда не сможем добраться до глубинных слоев» в понимании Китая. Также было отмечено, что Китай, в отличие от европейских стран, не заинтересован в развитии потенциала России, ничего не вкладывает в развитие общества, инфраструктуры; все разговоры о «партнерстве» с Китаем являются отражением непонимания сути и внешнеполитических целей этой страны. Однако те респонденты, кто не специализируется на Китае, упоминали угрозу массовой китайской миграции на российский Дальний Восток, территориальные вопросы, экономическое давление Китая на Россию.

Среди других перспективных направлений сотрудничества упоминались США, с которыми существуют устойчивые отношения, особенно по вопросам ядерного потенциала.

С точки зрения выстраивания приоритетов респонденты часто упоминали отсутствие внятной долгосрочной и краткосрочной внешней политики России, ее видение приоритетов и своего места в мире. Говорили о необходимости более грамотного увязывания вопросов экономики, политики, культуры и четкой позиции по многим важным мировым проблемам. Как сказал один респондент, «с обывательской точки зрения внешняя политика – это что-то вроде пиара, потому первостепенным делом государства должны быть внутренняя политика и работа внутри страны... От парадигмы внешней угрозы нам надо уходить, чтобы решать свои внутренние проблемы, не прикрываясь этими образами, которые нам достались со времен холодной войны и Советского Союза».

Один из ответов на этот вопрос содержал рекомендацию расширить круг участников внешней политики: «Надо привлекать некоммерческие организации, отдельных ярких людей, которые пользуются авторитетом, научное сообщество, университеты, профессоров, бизнесменов, народную дипломатию. Сейчас это рассматривается как нечто отрицательное, и даже то, что этой методикой пользуются другие государства, такие как США, Великобритания – это рассматривается как шпионская деятельность, хотя этому стоит поучиться и использовать. Это должен быть основополагающий принцип, и он применим в любом направлении, в любой сфере, в экономической, политической, культурной».

Культурно-цивилизационная миссия России

Рассуждения о культурно-цивилизационной миссии России были сосредоточены вокруг ее особого положения между Европой и Азией. При чем эта «особость» по-разному акцентировалась. Одни респонденты говорили о том, что Россия является частью европейской цивилизации в целом и ей есть, что «предложить в плане языка, культуры, истории, музыки, традиций, литературы». Как сказал один респондент, «наш исторический опыт, наша культура – это то, на что есть спрос и предложение. Можно над этим смеяться, но в области балета мы впереди планеты всей. В плане культуры Россия не на задворках». Прозвучало мнение о том, что у России всегда была особая гуманистическая идея, которую она несла во внешний мир, особая духовность, которую важно сохранить.

Другие полагали, что миссия Россия имеет не глобальный, а региональный характер, и наше государство должно быть своеобразным цивилизационным мостиком между странами региона и Европой. Говорили о необходимости сотрудничества в области культуры и

образования. Полагали, что Россия должна инициировать различные совместные проекты, исходящие от ее региональных соседей, например стран Центральной Азии, и должна заполнить вакуум идентичности и культуры, возникший после распада Советского Союза. Это, по мнению респондентов, может способствовать включению стран региона в «европейскую цивилизацию именно вместе с Россией».

Миссию России определяли исходя из того, что она «объединяет множество культур, наций, национальностей, которые тоже генерируют определенную уникальную культуру». Последняя является «более гибкой, чем культура европейцев и азиатских национальностей», и миссия России может быть обозначена как «выстраивание глобальных отношений в евроазиатском регионе».

Несколько респондентов отметили, что миссия России заключается в том, что она является «другой Европой, далеко ушедшей в Азию, но все-таки Европой». Говорили о том, что Россию считают европейской страной, а россиян, независимо от национальности, – европейцами, что даже «самые колоритные азиатские культуры, которые в рамках РФ существуют, очень сильно европеизированы». По мнению некоторых респондентов, миссия России заключается в предоставлении несколько адаптированных европейских культурных образцов тем народам, которые сильно отличаются от европейцев.

Роль гражданского общества России в сфере общественной дипломатии

Данная часть опроса вызвала наибольшие затруднения у большинства респондентов, многие просили пояснить, **что** относится к сфере общественной дипломатии, не могли назвать примеров общественных российских организаций, действующих в этой сфере. В целом ответы показывают, что большинство респондентов увязывают развитость общественной дипломатии с уровнем развития гражданского общества. Многие говорили, что основными акторами внешней политики в России являются исполнительная власть и администрация президента, а парламентские структуры играют незначительную роль, и связывали развитие народной дипломатии напрямую с развитием парламентаризма и гражданского общества в стране. Респонденты полагали, что инициатива должна идти снизу, от отдельных граждан и групп, от организованных сообществ, в том числе организаций, которые артикулируют свои интересы выше. Один респондент сказал, что «у нас нет культуры гражданского общества, именно того костяка, который позволил бы любому человеку стать активным общественным политическим деятелем. Защищать свои интересы, отстаивать».

Однако ответы на вопрос о том, что может дать общественная дипломатия для реализации целей и задач внешней политики нашего государства, были точными и определенными. Один из респондентов ответил на этот вопрос следующим образом: «В первую очередь, это, как бы это парадоксально не звучало, отсутствие государства и забюрократизированности». Он говорил о том, что «многие хорошие идеи гибнут, деформируются», не выдерживают долгий процесс прохождения от инициатора до лица, которое принимает решение и будет его реализовывать. «Преимущество общественной дипломатии в том, что люди не ограничены иерархическими, бюрократическими рамками, они могут полностью свою идею канализировать и направить и реализовать наиболее эффективным образом». Было отмечено, что существует аксиома «эффективности частника в бизнесе», поэтому важно отдать часть полномочий «на аутсорсинг частным и общественным организациям», и это «отсутствие государственной руки» принесет выгоду.

Одним из важных направлений являются улучшение образа России в мире, создание положительного образа страны, способствование ломке стереотипов о нашем государстве. Респонденты отмечали, что развитие общественной дипломатии должно способствовать решению многих практических вопросов международного сотрудничества, которые государство должно «отдать на откуп», делегировать обществу, – это культура, наука, гуманитарное сотрудничество, права человека, молодежные обмены, спорт, распространение русского языка и культуры.

Общественная дипломатия также рассматривалась как предоставление альтернативы общения, размывание государственной монополии на контакты и сотрудничество. В качестве примера были приведены США, где существуют множество общественных организаций, представляющих разные политические направления, устремления. Как сказал один респондент, «разнообразие контрагентов» помогает преодолеть стереотипы, увидеть общество в его многообразии, что важно для официальной дипломатии, а также для отношений между странами и для развития бизнеса.

Было отмечено, что общественная дипломатия может выступать тем ресурсом, который позволит включить всю Россию, а не только центральные регионы в международное сотрудничество.

Экспертно-аналитическое обеспечение внешней политики России

Часть вопросов в тематическом блоке «Информационное и кадровое сопровождение внешней политики» была сфокусирована на выяснении перспективных направлений исследований, «необходимых для формирования и успешной реализации внешней политики России». Отвечая на эти вопросы, большинство респондентов отмечали недостаточную

концептуальную и стратегическую проработку приоритетов внешней политики России. Они подчеркивали, что необходимо выстраивать внешнюю политику, основываясь на тщательном исследовании внутренних потребностей страны, на понимании движущих сил международной политики, мотивов стран – партнеров России в мире. Многие респонденты отмечали фактическое отсутствие концептуального видения места и роли России в мире, а также сути и целеполагания в ее внешней политике. Более частные вопросы региональных исследований не были столь важны для респондентов. Так, в одном интервью прозвучало, что «прежде всего необходимо провести исследование внутренних потребностей страны», «поиск некоей идеологической, идейной основы российской внешней политики».

Была отмечена необходимость комплексного, социологического изучения основных социальных, экономических и политических групп тех стран и регионов, с которыми Россия взаимодействует. Отмечалось, что российские специалисты часто руководствуются устаревшими данными, представлениями, которые были сформированы во времена СССР и которые не соответствуют действительности. Было отмечено, что ориентация на элиты разных стран может приводить к откровенным провалам внешней политики в условиях перемен, которые происходят во многих регионах мира.

Среди конкретных направлений исследований были названы вопросы ядерной безопасности, миграции, защиты окружающей среды, опыт использования «мягкой силы», вопросы безопасности, борьбы с наркотрафиком. Респонденты отмечали необходимость изучения названных вопросов для того, чтобы избежать спекуляций и формулировать политику, которая бы опиралась на объективное знание.

Отмечалось также, что сами по себе исследования не столь важны. Важно, чтобы решения в области внешней политики опирались на экспертное знание. В целом многие отмечали отсутствие связи между исследованиями и практической внешнеполитической деятельностью либо говорили о своем незнании наличия таких связей. При этом приводили примеры некомпетентности и грубых ошибок тех людей, которые воплощают внешнюю политику или представляют нашу страну на мировой арене. Во время работы фокус-группы было отмечено следующее: «Вопрос не в том, кто анализирует и что, а кто в итоге принимает решение». В другом интервью эта проблема была прокомментирована так: «Результаты (исследований) есть, а ими никто не интересуется, эти результаты, как правило, остаются на столе у того, кому они ее отдали первыми... Наша власть на любом уровне не интересуется какими-то предложениями и не воспринимает критику, а это связано с тем, что у власти находятся люди, которые очень хотели попасть на это место, и они сели, и не готовы делиться этим местом... Их устраивает, что они

сидят, у них самих все хорошо. Поэтому никто не слушает людей, своих подчиненных. Занимается тем, что ему нужно».

Проблемы кадровой политики в сфере международных отношений

Оценивая качество подготовки кадров для внешней политики России, большинство респондентов положительно оценивали систему подготовки, однозначно указывая на то, что МГИМО обладает огромными преимуществами по сравнению с региональными университетами, которые готовят международных работников. Но говорили и о том, что МГИМО публикует информационные материалы, где встречаются фактические ошибки, искажаются факты. Говорили о том, что «московские вузы собирают сливки со всей России» и при этом закрывают возможность работы в системе МИД для выпускников региональных вузов по специальности «международные отношения». Респонденты ссылались на опыт США, европейский стран, где во внешнеполитическом ведомстве могут работать выпускники разных университетов, разных специальностей.

В целом, говоря о кадровой политике и системе подготовки кадров, многие отмечали постоянное падение уровня знаний абитуриентов, которые приходят учиться, об отсутствии мотивации в получении знаний, об административном давлении и возрастающей «бюрократизации» процесса высшего образования, которое вынуждено давать показатели, а не реальные знания. Говорили о системных проблемах высшего образования в России как оторванного от практики.

Многие респонденты высоко оценивали уровень министров иностранных дел России – Иванова, Лаврова, Примакова, однако говоря в целом о кадрах МИД и кадровой политике, респонденты чаще всего выражали негативные оценки. Говорили о том, что есть проблема ротации кадров, упоминали сохранение плохих традиций воспроизводства кадров, характерных для советской эпохи: элитарность, закрытость, высокомерие, необходимость связей для получения места работы в МИД. В одном интервью респондента, который работает в местных органах власти, было высказано однозначное мнение о необходимости менять всю систему кадрового обеспечения внешней политики России, систему подготовки: «Главная проблема в головах, людей надо готовить по-другому, возможно, придут те люди, которые будут понимать необходимость таких перемен. Так как я работаю в государственной структуре, я вижу, что структура обладает страшным свойством воспроизводить себя, она из новых людей делает людей, которые ничем не лучше, чем старые, которые только что ушли. Это необъяснимое свойство».

Как сказал один респондент, «внешняя политика остается делом очень элитарным, даже будучи семи пядей во лбу, я не знаю, попадешь

ли туда. Мне доводилось общаться по работе с людьми, которые делали карьеру во внешней политике, и они сейчас в других структурах работают, так вот: они связывали свое попадание в эти структуры со счастливым случаем».

Была отмечена дискриминация при приеме на работу в МИД. Так, один из респондентов прокомментировал кадровую политику МИД следующим образом: «Мало того, что в МГИМО толком не попадешь из провинции, а закончив провинциальный вуз в МИД не попадешь, так они еще не берут девушек. Кто у нас делает политику, мужчины-москвичи?! Со своим узким представлением о том, как все должно быть?! Разнообразия нет, плюрализма какого-то. В той же Америке совершенно нормально уже в [зрелом] возрасте пойти работать в дипломатию из университета и наоборот. У Кондолизы Райс, например, потрясающий академический опыт, есть люди и на более низших позициях, которые в какой-то момент понимают, что они хотят заниматься в большей степени практикой. Они не планируют сделать большую карьеру, они уже не успеют. Но у нас карьера, не карьера, как вообще у нас можно попасть в МИД в 40 лет из университета? Скажут, “ты кто такой?” Нужно, чтобы у нас можно было перетекать из одной сферы в другую, и, как следствие, теория и практика будут сопрягаться более плотно. Нам надо с этим что-то делать».

При обсуждении «внутренних стереотипов» в связи с закрытостью и элитарностью подготовки специалистов-международников был высказан следующий комментарий: «Многие наши маститые специалисты останавливаются на каком-то определенном рубеже и считают, что они все уже выучили и все знают и часто довольно высокомерно относятся к своим европейским коллегам, становятся недоступными. К европейскому специалисту всегда проще обратиться и больше шансов получить от него какой-то отзыв, в российской действительности это практически невозможно. Если лично не знаком и не состоишь в одном университете, нет каких-то посредников, просто написать или подойти и познакомиться на конференции практически невозможно. Это некая косность мышления и нежелание пускаться». Этот комментарий был высказан человеком, который более 6 лет работал в Администрации Томской области и постоянно общался как с российскими кадровыми дипломатами, так и с зарубежными.

Характерно, что еще один комментарий по поводу кадрового обеспечения также был высказан при обсуждении внутренних стереотипов, касающихся внешней политики России: «МИД сделал МГИМО своим подведомственным учреждением, неким монополистом на кадры в российской внешней политике. Эта ситуация не делает нас лучше. Ни в одной стране, с представителями которых я общалась, – США, Германия и другие страны, не существует одного вуза, который был бы мо-

нополистом на кадры в МИД. В других странах любой человек, который проявил себя, неважно в каком вузе учился, если он прошел Дип-академию или какое-нибудь дополнительное образование, он имеет право. У нас, если у тебя нет связей и ты не учился в МГИМО, это практически нереально».

Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности России

Оценка информационного сопровождения внешнеполитической деятельности России была одной из самых неинформативных частей опроса. Отвечающие, как правило, констатировали, что официальные каналы излагают односторонние оценки, говорили о том, что выступления первых лиц, пресс-релизы не создают желания вникнуть в представляемую тему. Очень критично был оценен канал Russia today как не создающий интересных материалов и неясно для кого существующий. В качестве примеров удачного сопровождения приводили британскую компанию «Би-Би-Си» (BBC).

Крайне критично был оценен сайт МИД как плохо организованный, где трудно найти необходимые документы, материалы. Причем это говорили те люди, которые по роду своей деятельности обращаются к этому сайту постоянно – преподаватели курсов по международным отношениям, аспиранты, сотрудники департамента международных и региональных связей Администрации Томской области.

Респонденты отмечали важность развития новых форматов информационного сопровождения, более активного освоения интернет-пространства, блогосферы, привлечения талантливых журналистов, чтобы Россия была способна достойно представлять себя вовне, а также давать содержательную и интересную информацию для своих граждан. Неоднократно звучали мнения о том, что Россия «проигрывает информационную войну, конкуренцию с Западом» в том числе и потому, что у нее нет необходимого «инструмента, чтобы сделать свой голос услышанным».

Были высказаны предложения о том, что информационное сопровождение внешней политики должно быть разнообразным, привлекательным, что нужно менять «ментальность наших президентов, наших чиновников». В качестве примера ссылались на опыт США, где много времени и усилий тратится на продвижение и рекламирование идей. Респонденты отмечали, что в России необходимо, чтобы «чиновники с удовольствием и радостью встречались с учеными, с более широким кругом людей, поясняли свои идеи, объясняли свои ошибки, давали аргументированную точку зрения, не просто заявляли о том, что будет сделано, чтобы они спрашивали общественное мнение, прислушива-

лись и корректировали точку зрения». Была отмечена необходимость использования всего спектра доступных ресурсов для достойного представления позиции России по разным вопросам. Как было отмечено в одном интервью по поводу войны 2008 г.: «Не важно, кто прав и кто виноват. Важно, кто смог донести свою позицию, как люди запомнили ситуацию».

В одном из самых развернутых и содержательных комментариев на эту тему респондент высказал следующие суждения:

«Одного канала англоязычного мало, надо как-то с помощью “мягкой силы” использовать весь спектр, свои каналы, чужие каналы, пресс-конференции, дни России, что угодно. Культурные и информационные мероприятия, которые показывали бы наше виденье. Не обязательно его примут, но оно должно быть доступно наряду с другими мнениями. Все так делают – США, весь мир смотрит ВВС, нам тоже нужно что-то предложить сопоставимое и, если не можем, [если] наш канал не может этого сделать, пытаться через другие каналы доносить более активно.

Нам нужны дипломаты, которые хорошо, на хорошем английском языке могли бы высказывать свое мнение, нам нужны общественные организации, средства массовой информации, которые имеют англоязычную версию. Нам нужно, чтобы на сайте МИД можно было найти информацию, ее невозможно там найти, на сайте президента еще как-то можно отфильтровать выступления по темам, посмотреть английские версии, на сайте МИД я теряюсь, теряются и остальные. Надо работать с иностранными журналистами активно, не подходить к этому формально, а общаться с ними, не затыкать им рот. У наших дипломатов нельзя подойти просто так и спросить. Надо как-то с ними работать. Этот вопрос тоже нужно исследовать, нужны конкретные рекомендации. Когда я говорю про то, что у нас нехватка таких кадров, я не говорю, что совсем эта часть провисает, у нас есть очень хорошие дипломаты. Другое дело, что может быть к их усилиям добавить еще усилия сопровождающего персонала, наших международных журналистов, людей, которые проводят пресс-конференции, которые дают комментарии, надо усилить этот компонент.

Нам необходимы политические маркетологи, люди, которые умеют доносить информацию, продавать информацию в любой сфере. Пока у нас не получается. Это может казаться смешным, у нас смеются над президентами. Говорят, президент “блех в свитере завел”. Эти меры могут быть нелепы, но у министерств иностранных дел, у министерств обороны, у президентов других стран уже есть такие средства донесения информации. Надо использовать весь арсенал, если кто-то читает Твиттер, пусть и в Твиттере, мы тоже будем говорить, что мы думаем, действительно надо. Надо Интернет использовать более активно. По-

тому что люди заходят почитать, люди будут читать на английском, французском, немецком языках, если они не знают русского языка. Надо, чтобы мы не только обосновывали [свою позицию] собственному населению, [а] красиво формулировали и доносили до остальных.

Мой товарищ, политолог, занимается политической визуализацией, визуальной политологией, точнее. Он в своем блоге все время выкладывает сопоставление образов Медведева⁵ и Обамы. Неужели не может Кремль нанять профессиональных фотографов... Надо уметь красиво подавать. Если у Обамы потрясающий сайт и отличное освещение пресс-конференций, красивые постановочные фото, в каждой из которых еще и подтекст, условно – на этом фото видно, что человек думает о судьбе страны. Почему же у нас фотографируют на “мыльницу” из-под стола? Надо над этим работать, это тоже работает на образ страны».

Предложения по корректировке внешнеполитического курса страны

Комментарии по этому поводу были достаточно разнообразными. Один из респондентов сформулировал свое предложение следующим образом: «Хотите что-то поменять в отношениях? Начните с себя. Для того чтобы изменить нашу внешнеполитическую деятельность, нужно измениться изнутри. В первую очередь, нужно изменить экономическую составляющую России, отойти от нефтяной зависимости и модернизировать экономику». Отмечалась необходимость «более адекватного целеполагания», выработки лучшего понимания специфики современного мира, выделения региональных приоритетов, опоры на экономические интересы. Высказывалось мнение о необходимости более жесткого отстаивания своих прав и интересов. Был совет отойти от риторики периода холодной войны.

Предлагалось диверсифицировать участников формирования и реализации внешней политики, преодолеть закрытость данного института, этой сферы деятельности, говорилось о необходимости сделать внешнюю политику обсуждаемым явлением, более близким для людей. Одной из главных задач было названо проведение масштабной рекламной компании по улучшению образа России в мире. Это, по мнению респондента, должно помочь привлечению инвестиций, развитию сферы образования, науки. Как отмечали многие респонденты, Россия остается довольно закрытой и непонятной страной в экономическом плане для иностранцев, поэтому важна корректировка российского экономического законодательства, чтобы процессы в экономике стали для них более открытыми и понятными.

Отмечалась необходимость изменения законодательства, регулирующего международное сотрудничество. Как заметил один респондент,

участвующий в работе международной исследовательской лаборатории в Томске, «мы создаем все мыслимые препоны для наших иностранных коллег. Нужно огромное количество бумаг, чтобы человек мог просто работать здесь, нужно огромное количество бумаг, чтобы купить что-то. Иностранцы не могут быть даже научными руководителями. Я не могу пойти в аспирантуру под руководством иностранного ученого. Все те условия, на которых мы приобретаем оборудование, – это просто что-то немыслимое. Получается так, что наше правительство предъявляет к нам требования о паритетном сотрудничестве, это значит, что мы должны делать все в равных долях с равным финансированием и в равные сроки с зарубежными коллегами по условиям программы. Мы говорим, что да, мы согласны. Но проблема в том, чтобы нам купить какое-то оборудование, согласно нашей антикоррупционной политике, это занимает около полугода. Пока объявляют все тендеры, пока подают заявку, и важно так ее написать, чтобы купить то оборудование, которое вы хотели изначально, чтобы не сорвали у вас этот тендер. А наши зарубежные коллеги идут и покупают. Это огромная проблема. Пока наша внутренняя политика не изменится, мы не будем иметь успех во внешней политике. Мы создаем препоны внутри страны для интеграции с наружным миром. У нас может быть только односторонняя интеграция. Люди пытаются уехать отсюда. Чтобы к нам приехал кто-то, нужно, чтобы у нас законы были хотя бы логичными». Отмечали необходимость развивать различные форматы взаимодействия, помимо официальных, гуманитарное сотрудничество.

Выводы

Начиная с 1991 г. в России происходила децентрализация подготовки кадров по специальности «международные отношения», с того времени, как МГИМО потерял «монополию» на данную специальность. Многие региональные университеты получили разрешение от Министерства образования на подготовку по данному направлению (например, Томск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Иркутск, Тюмень, Кемерово, Барнаул). Выпускники этих программ обладают собственным мнением по поводу внешней политики России, ее достижений, проблем, перспектив и потребностей.

Главный вывод исследования в Томске состоит в том, что, на мой взгляд, молодое поколение международников реалистично оценивает положение России в мире, видит перспективы ее развития и прагматически определяет суть необходимых перемен для более успешной реализации внешней политики страны. Молодые люди отмечали, что Россия все еще находится в поиске своего места, и важно отказаться от соблазнов «постимперского» сознания. По мнению респондентов, внеш-

няя политика России страдает отсутствием концептуального понимания интересов страны, которое должно опираться на экспертные оценки, отражать потребности общества, а не элит, и быть адекватно имеющимся ресурсам.

Наряду с прагматизмом и критическим подходом, нельзя было не заметить, что большинство респондентов в своей профессиональной деятельности движимы интересами страны, общества и не согласны с элитарным характером реализации внешней политики. Важно отметить, что, выражая критические замечания, молодые люди выражали желание активно работать для улучшения имиджа России за рубежом, лучшего целеполагания внешней политики, видели тесную взаимосвязь между состоянием общества и внешнеполитическими приоритетами.

Примечания

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

² Официальная интернет-страница Фонда имени А.М. Горчакова. URL: <http://gorchakovfund.ru>

³ В рамках опроса, который проводился по заказу Фонда имени А.М. Горчакова, были подготовлены подробные «путеводители и инструкции» интервьюерам, включавшим 22 вопроса, некоторые из которых были очень подробными. Например: «Обозначьте и оцените текущую внешнюю политику на различных направлениях, где есть успехи, а где проблемы? (Речь может идти о международной безопасности, экологии и окружающей среде, мировой экономике, гуманитарном сотрудничестве, содействии международному развитию, правам человека и общественной дипломатии, роли России в глобальных и региональных международных организациях, информационной поддержке внешнеполитической деятельности)». В данной статье были сохранены блоки вопросов в том виде, как они были заданы в «путеводителях», в остальном были выделены несколько тем, которые наиболее ярко прозвучали в интервью.

⁴ Можно сказать, что данный стереотип в отношении России в значительной степени усилился за рубежом после присоединения Крыма и начала гражданской войны в Восточной Украине в 2014 г.

⁵ Д.А. Медведев был президентом РФ на момент проведения опроса.

Статья поступила в редакцию 5 августа 2015 г.

Deriglazova L.V.

PRIORITIES OF THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA: ASSESSMENTS AND EXPECTATIONS OF YOUNG SPECIALISTS IN INTERNATIONAL RELATIONS FROM TOMSK, 2012

Abstract. During the first months of 2012 there was conducted a nation-wide study under the title «Foreign policy of Russia: assessments and expectations of young specialists». The study was commissioned by the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund. The study was conducted by qualitative methods (semi-structured, in-depth interviews and focus-groups) among young specialists (not older than 30 years old) employed in the sphere of international relations in more than 10 Russian regions, including the country capitals. This nation-wide study focused on three thematic blocs: priorities of foreign policy of Russia; pub-

lic diplomacy; training of cadres and informational support of Russia' foreign policy. The article presents opinions of respondents from Tomsk on all thematic blocs with some minor correction of questions without the change of their content.

The author draws the main conclusion from those interviews stating that young generation of international relations specialists from Tomsk has a very realistic assessment of Russia's place in world, sees perspectives of the country development and pragmatically defines the essence of necessary changes for more successful implementation of the Russia's foreign policy. The majority of respondents critically assessed the current foreign policy of Russia and stressed that foreign policy should correspond to interests of society, but not merely of elites. Despite of expressed critical mind, young specialists were eager to actively work for the improvement of the image of Russia abroad, better strategy in foreign policy, and they saw close connection between the conditions of the society and foreign policy priorities of a country.

Key words: Russian foreign policy, young specialists in international relations, qualitative research methods

DOI: 10.17223/2312461X/9/4

УДК 327

DOI: 10.17223/2312461X/9/5

«СИБИРЬ – ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ НАЧИНАТЬ НОВОЕ ДЕЛО, НОВЫЙ ПРОЕКТ...»

Интервью с С.В. Вольфсоном

Аннотация. Савелий Вольфович Вольфсон, историк, специалист широкого профиля в области международных исследований, бессменный руководитель отделения международных отношений Томского государственного университета, отвечает на вопросы. Как выбирать темы для исследования? Какие направления исследований являются актуальными? Что значит жить и работать в Сибири?

По мнению С.В. Вольфсона, ученый обладает полной свободой в выборе темы исследований, но все же важно, чтобы выбранная тема была актуальна для региона и страны. Савелий Вольфович полагает, что результаты исследований должны быть востребованы бизнесом, властью, обществом. Приоритеты развития науки определены в ведущих странах мира, однако в России этого все еще не произошло. Главную тревогу С.В. Вольфсона вызывает растущая возможность большой войны, и в этих условиях специалист в области международных отношений, как бы это ни было опасным, должен говорить людям правду об истинном положении дел.

Ключевые слова: изучение международных отношений, Сибирь, исследование

ВОЛЬФСОН САВЕЛИЙ ВОЛЬФОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, руководитель отделения международных отношений Томского государственного университета (ТГУ).

Савелий Вольфович Вольфсон родился 18 февраля 1931 г. в г. Сталинграде. В 1950 г. поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета. В 1955–1958 гг. работал учителем истории в школах г. Новосибирска, в 1958–1962 гг. – ассистентом кафедры истории Новосибирского педагогического института, с 1966 г. – ассистент, с 1968 г. – доцент кафедры новой и новейшей истории (с 1993 г. кафедра новой, новейшей истории и международных отношений) ТГУ. В 1967 г. защитил диссертацию по теме «Политическая борьба в правящих кругах США по вопросам внешней и военной политики в 1950–1951 гг. (в связи с войной в Корее)».

В 1969 г. С.В. Вольфсон явился инициатором создания в ТГУ группы по изучению международного молодежного движения, в дальней-

шем основная проблематика исследований получила статус Центра международных исследований и новейшей истории, в настоящее время – «Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: методология и теория исторического знания»¹.

С.В. Вольфсон был одним из инициаторов открытия в 1991 г. в Томском государственном университете специальности «международные отношения», деканом факультета международных отношений Высшей школы бизнеса ТГУ, он является бессменным руководителем отделения международных отношений на историческом факультете ТГУ. Ведет спецкурсы по теме «Энергетическая политика и энергетическая дипломатия», «Современный Израиль», «Международный туризм», «Международный опыт инновационной политики». Инициатор проведения ежегодных международных конференций для молодых ученых по различным темам. Под научным руководством С.В. Вольфсона было защищено 13 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Л.Д. Савелий Вольфович, для многих своих учеников Вы являетесь примером того, как можно и нужно заниматься исследованием международных отношений, живя «глубоко в Сибири», и как можно воплотить свою мечту вопреки обстоятельствам. Вы являлись инициатором многих успешных проектов по продвижению международных исследований в ТГУ и Сибири, начиная с 1960-х гг., когда большая часть страны была закрыта для международных контактов, и продолжили свою работу в данном направлении после исчезновения «железного занавеса». У Вас по-прежнему много идей и планов по изучению актуальных вопросов международного сотрудничества, особенно для молодых ученых. Несколько вопросов в этой связи.

Я хорошо помню, как мне в мою бытность аспиранткой часто говорили: «В Сибири не нужно изучать американскую молодежь и американскую молодежную политику». А на Ваш взгляд, какие темы должны выбирать ученые, работающие в Сибири?

С.В. В 1961 г. ректор Новосибирского государственного педагогического института говорил мне: «Живя в Новосибирске, надо заниматься Сибирью». Поэтому я поехал в Томск, в Томский госуниверситет, к С.С. Григорцевичу², который тогда возглавлял сибирскую школу международных исследований. И мы далеко не сразу пришли к единому мнению о теме диссертации. Самого Григорцевича, как и многих других специалистов, занимающихся всеобщей историей, интересовал дипломатический аспект внешнеполитической истории. Меня же интересовало, как война в Корее повлияла на Соединенные Штаты, на их внешнюю и внутреннюю политику. Самое главное, 1962–1963 гг. были очень близок к 1950–1951 гг., и то, что происходило в Советском Сою-

зе в шестидесятые годы, напомидало во многом то, что происходило в США, в частности подходы и оценки китайской проблемы. Конечно был прав С.С. Григорцевич, когда он – мудрый и осторожный ученый, сторонник академизма, подбирал темы для аспирантов, но я являюсь сторонником актуальных тем, близких к современности.

Ученые, живущие в Сибири, вольны выбирать любые темы, однако сейчас я сторонник тем, близких интересам Сибири. Ведь мы готовим кадры международников для регионов Сибири. Так возникают темы курсовых и дипломных работ – из тематики моих спецсеминаров. Энергетическая политика и энергетическая дипломатия (нефть, газ, атомная энергетика), инновационная политика – научная дипломатия (научно-образовательные комплексы регионов Сибири и их международные связи) и т.д.

Л.Д. Что является главным для Вас как ученого при выборе тематики исследований?

С.В. Востребованность темы, взаимосвязь с современными проблемами. Нельзя понимать это буквально. Сибирь, как и другие регионы России, только недавно (немногим более двадцати лет тому назад) получила право устанавливать внешние связи самостоятельно. Раньше все, до последних мелочей, решала Москва. Но московские ведомства опирались на мощную систему научных учреждений, чего не скажешь о регионах. Ни администрации, ни тем более бизнес еще не научились, не привыкли использовать проверенную временем и международным опытом формулу – сначала сбор и обработка информации, осуществляемые специалистами, затем принятие решений. Большинство участников международных связей, особенно когда речь идет о малом и среднем бизнесе, о вузовской системе и т.д., формируют эти связи стихийно, в лучшем случае обращаясь к московским специалистам.

У нас в Сибири, как и в других регионах России, еще не сложилась принятая в мире система сотрудничества власти, предпринимательства, научного сообщества международников. Отсюда **невостребованность востребованных тем.**

Л.Д. Какие темы исследований в международных отношениях не получили должного внимания российских / сибирских исследователей?

С.В. Пример того, как мы, ученые, просто не замечаем, не хотим замечать – тем более изучать, исследовать – это Индия. Когда защищалась диссертация О.В. Устюжанцевой³ об эволюции научно-технологической политики Индии, мы с трудом нашли оппонентов. Институт востоковедения РАН, Центр индийских исследований – ведущее учреждение. А далее – где найти индологов, сколько их в России? В Сибири их два – оба в Барнауле, одна занимается древней Индией, другой – Афганистаном, и несколько статей по Индии. Это – серьезно? Да что уже говорить об Индии. Мы гордились в советское время,

что Томск, ТГУ – один из ведущих центров американистских исследований в стране, наряду с Москвой, Ленинградом и Киевом. Я все больше опасюсь, что мы в обозримом будущем можем потерять сибирскую американистику.

Л.Д. Каков должен быть результат исследования? Кому и в каком виде нужны результаты академических исследователей?

С.В. Результат исследования – научно-обработанная на хорошем теоретически осмысленном уровне и востребованная информация, заставляющая людей действовать или осмысливать уже содеянное. Обычно мы доказываем, что наши исследования востребованы в учебном процессе, для подготовки учебных курсов. Хотелось бы, чтобы в условиях возрастающих международных связей все большее количество людей, вовлеченных в этот процесс, нуждались бы в результатах нашей работы.

Л.Д. Савелий Вольфович, наука о международных отношениях чему-то учит?

С.В. Наука о международных отношениях действительно многому учит. Это ведь обобщение международного опыта. Учит тех, кто хочет учиться. Но есть и те, кто учиться не хочет, кому международный опыт не указ. Их ошибки, их просчеты, их незнание несут ущерб не только им. К сожалению, от этого страдает большое число зависимых от них людей.

Л.Д. Что значит быть международником сегодня в Сибири, России, мире?

С.В. Очень трудно ответить на этот вопрос. Фирма, стремящаяся к международному сотрудничеству, не добьется больших результатов, не используя опыт и знания специалистов. Тем более, когда речь идет о регионе, стране. Но это зависит и от понимания международником своей ответственности, и от тех, кто принимает решения, опираясь на знания специалистов (или отказываясь от этого).

Что касается страны и мира, мы приближаемся к чрезвычайно опасной грани – к возможности большой войны. Вряд ли в какой-либо стране есть властная группировка, целенаправленно стремящаяся к войне. Но опасность войны возрастает, и достаточно высокими темпами, как результат просчета, как последствие взвинчивания эмоций, как следствие отключения разума, как результат роста изоляционистских настроений и разрыва контактов.

Это характерно для современной России, для современной Европы, для сегодняшней Америки. Чем меньше контактов, тем меньше сдерживающих объектов для ищущих простых решений политиков, тем больше просторов для экстремистских акций. Международник, как бы это ни было опасным, должен говорить людям правду об истинном положении дел. Но кто его услышит?

Л.Д. По Вашему мнению, существует томская школа международных отношений? В чем это выражается? Чем она отличается от других центров?

Томская школа международных исследований существует со своими традициям, которые создавали «отцы-основатели» – С.С. Григорцевич, А.И. Данилов, Н.С. Индукаева, Н.С. Черкасов. Москвичи, не все, но очень многие, – сотрудники возникающих в последнее время различных центров, подхватывают и быстро теряют, забывают и т.д. модные идеи, концепции, теории – работают по поверхности, «снимают пенки». Так было и в 1970–1980-е гг., так в больших масштабах происходит сейчас. Это результат погони за финансированием, за грантами. Конечно, так работают не все, но многие.

Мы (томская школа) были вдали от сиюминутных воздействий, это позволило нам работать основательно, опираясь на источники. Не схема определяла результат, а источниковая база. К сожалению, новые «везения» приходят и к нам, а с ними и верхоглядство, подгонка под схему. Надеюсь, что окончательно это не произойдет.

Л.Д. Для Вас, как для сибиряка и исследователя, что такое «Сибирь»?

С.В. Я родился в Сталинграде. Живу в Сибири с 1942 г. и трудно представляю себе жизнь и работу в каком-то другом месте. Сибирь – это возможность начинать новое дело, новый проект. По крайней мере, так было. Что происходит сейчас, требует осмысления, но далеко не со всем можно согласиться. Но импульс этому, т.е. то, с чем трудно согласиться, дает не Сибирь.

Л.Д. Каков «секрет» или «рецепт» успешного ученого сегодня? Или что значит быть успешным ученым?

С.В. Я считаю успешным ученым Н.С. Черкасова⁴. Материально он жил трудно. Но он создал школу, новое направление в науке, воспитал учеников.

Л.Д. Если бы Вам дали возможность определять направления и объемы финансирования исследований в мире / России / ТГУ (☺ на выбор), как бы Вы расставили приоритеты?

С.В. В мире, в передовых странах эти приоритеты расставлены, определены: фундаментальная наука, прикладные науки, коммерциализация университетской науки, построение общества знаний, образование в течение жизни. В России эта схема не работает.

Л.Д. Есть ли у Вас как у ученого / специалиста мечта?

С.В. У меня не осталось времени на мечту. Сохранить бы то, что есть, что уже создано.

Томск, июль–август 2015 г.

Вопросы задавала Л.В. Дериглазова

Примечания

¹ http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/Вольфсон,_Савелий_Вольфович

² Григорцевич Станислав Селиверстович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ТГУ (1961–1993 гг.), научный руководитель С.В. Вольфсона. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Григорцевич,_Станислав_Селиверстович

³ Устюжанцева Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, тема диссертации «Эволюция научно-технологической и инновационной политики Индии (1991–2013 гг.)», защита состоялась 17 октября 2014 г. URL: http://www.tsu.ru/content/news/arkhiv_obyavleniy_o_dissertatsiyakh_predstavlennykh_v_dissertatsionnye_sovety_po_avtoram.php

⁴ Черкасов Николай Сергеевич (1931–1993), кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета ТГУ. Подробную информацию о нем как ученом и человеке можно найти на сайте исторического факультета ТГУ – <http://www.if.tsu.ru/professor/Therkasov.htm#3>, и Электронной энциклопедии ТГУ – http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Черкасов,_Николай_Сергеевич

Статья поступила в редакцию 3 августа 2015 г.

«SIBERIA – THIS IS AN OPPORTUNITY TO START UP A NEW DEED, A NEW PROJECT...». INTERVIEW WITH SAVELY WOLFSON

Abstract. Savely Wolfson, historian, specialist with wide interests in international relations, the Head of the Department of international relations at Tomsk State University, answered the questions. How to chose a topic of research? What themes of research are relevant? What does it mean to live and to work in Siberia?

Savely Wolfson believes that a scholar has a free will to chose the topic for his / her research, although it is important that the chosen topic was relevant for the region and for the country. Savely Wolfovich thinks that the results of study should be on demand for business, authorities and society. The leading world countries have determined the priorities in the field of research, while Russia still has to set her priorities. The main concern of Savely Wolfson is a growing danger of a big war, and considering this situation a specialist in international relations should speak truth on real situation in the world.

Key words: international relations studies, Siberia, research

DOI: 10.17223/2312461X/9/5

РЕЦЕНЗИИ

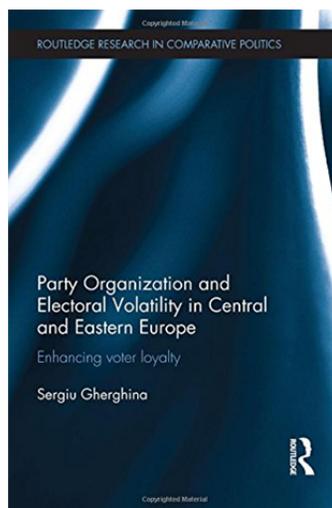
УДК 329.8;94(4)

DOI: 10.17223/2312461X/9/6

Gherghina, Sergiu. *Party Organization and Electoral Volatility in Central and Eastern Europe: Enhancing Voter Loyalty*. Routledge, 2014.

ISBN 978-0415737166

(А.В. Семенов)

Вышедшая в серии сравнительных политических исследований издательства Routledge книга сотрудника Университета Гёте во Франкфурте Серджиу Гергина посвящена организационному аспекту партийной политики. Через 25 лет после окончания биполярной конфронтации партии окончательно вернулись в политическую жизнь государств Восточной Европы. Однако предпочтения избирателей оставались крайне нестабильными на протяжении этого периода: электоральная волатильность намного превышала показатели устоявшихся демократий. На примере шести стран Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния и Словакия) и 29 партийных организаций Серджиу Гергина анализирует причины высокой волатильности. В частности, на основе собранных статистических данных автор проверяет эффект процедуры отбора кандидатов, масштаб членства и реноминации партийных депутатов-инкубентов на стабильность предпочтений избирателей.

Книгу отличают детальная проработка исследовательской модели, мощный аналитический аппарат и большой массив собранных эмпирических данных. В первых двух главах автор подробно рассматривает современное состояние исследований партийной политики. Гергина отталкивается от классической идеи партий как организаций по пред-

ставительству политических интересов, для него высокая степень изменчивости предпочтений избирателей – признак организационной слабости, недостаточности связей с электоратом. Центральный тезис книги состоит в том, что «партийная организация способна вносить вклад в создание узнаваемого партийного имени, которое избиратели могут идентифицировать в средне- и долгосрочной перспективах, а также в создание массовой сети поддержки и продвижение известных кандидатов в последовательной серии выборов» (р. 3). Ключевые переменные в рамках авторской объяснительной модели можно отнести к «среднему уровню» в противовес макроанализу партийной политики. Работа сфокусирована на анализе партий как отдельных политических организациях. Автор подчеркивает, что такой выбор продиктован теоретическими и методологическими соображениями. Во-первых, макроуровень (партийная система и социальные размежевания) не может объяснить электоральную волатильность как следствие коммунистического прошлого, значительной деидеологизации и плохо оформившихся социальных расколов. Во-вторых, на этом уровне трудно проводить сравнение нескольких стран (р. 17–19). Уровень анализа партийных организаций кажется более приемлемым, поскольку относительно низкие барьеры вхождения в партийную политику обуславливали нестабильность партийных систем (в таком случае системный уровень невозможно использовать как независимую переменную). С методологической точки зрения уровень парторганизаций и их электоральной поддержки позволяет проводить необходимые процедуры статистического анализа.

В первой главе Гергина подробно рассматривает детерминанты волатильности на уровне партийной системы (тип избирательной системы, уровень демократизации и идеологической поляризации), на уровне системы и организаций (количество партий, социальные размежевания, явка избирателей) и отдельно на организационном уровне (идентификация избирателей с партией, действия партии в правительстве, характеристики партийной организации). Согласно этой модели принципы изменчивости предпочтений на системном уровне и на уровне организаций различаются, хотя некоторые детерминанты воздействует на оба уровня. Свою аналитическую модель автор называет «институционально встроенной» (р. 34), в которой характеристики партийной организации являются основными независимыми переменными. Гергина блестяще отслеживает «генеалогию» понятия «партийная организация» и останавливается на ставшей классической модели «трех лиц» партии Катца и Мэира: публичное (политические посты, занимаемые представителями партии), центральный офис (организационное ядро партии) и территориальные подразделения. Хотя в работе не содержится собственного определения данного понятия, в ней подробно

разбираются компоненты партийной организации: тип, продолжительность существования, социальные сети, финансирование (р. 38–41). Все эти компоненты не оказывают влияния на электоральную волатильность. Централизация отбора кандидатов, размер и устойчивость членства и реноминация инкубентов (р. 41–51) – это компоненты, которые предположительно позволяют стабилизировать электоральную поддержку партийной организации. Демократичная процедура отбора кандидатов предполагает сильную связь партии с электоратом и ее способность отражать интересы избирателей, массовость членства должна обеспечить стабильность поддержки и дополнительные ресурсы (взносы, голоса, каналы коммуникации), наконец, реноминация инкубентов может способствовать формированию имиджа последовательной и профессиональной организации (р. 55).

Третья глава, в которой описываются динамика и вариация электоральной волатильности в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), представляет особый интерес. Deskriptивный анализ участия отобранных партий, прошедших в национальный парламент не менее двух раз, в 119 выборах на протяжении 18 лет демонстрирует сохраняющийся высокий уровень изменчивости предпочтений избирателей (средний уровень волатильности составляет 22,3% при стандартном отклонении в 21%), особенно в отношении оппозиционных партий, однако партии-инкубенты тоже испытывают время от времени значительный отток / приток голосов. При этом размах волатильности довольно большой: от близкой к нулю (0,11) до очень высокой (89,2). В главе проанализированы страновые различия электоральной волатильности (р. 62–66) и ее организационные особенности (р. 66–69).

Далее автор проверяет предложенную аналитическую модель: сначала OLS-регрессию к отдельным компонентам, а затем множественную регрессию для проверки модели в целом. Уровень централизации отбора кандидатов в странах ЦВЕ довольно низок: только 21% используют исключительно централизованные процедуры, тогда как 27% применяют смешанные методы, 34% предпочитают отбор на локальном уровне, а 18% – децентрализованный (подробности индекса отбора на р. 78–79), и стабильность электоральной поддержки оказывается связанной с этим показателем. Парадоксально, но вторая гипотеза – о влиянии массового членства на стабильность поддержки – не нашла своего подтверждения, хотя эту гипотезу трудно до конца проверить, поскольку массовые партии так и не появились в странах ЦВЕ. Наоборот, реноминация инкубентов действительно помогает партийной организации стабилизировать свой электорат: чем больше партии полагаются на своих инкубентов, тем более стабильным оказывается голосование за них. Автор заключает, что лояльность элит усиливает лояльность изби-

рателей. Множественный регрессионный анализ подтверждает данные выводы, даже с учетом контрольных переменных. В то же время общая объяснительная сила модели оказывается не столь высока: около 20–30% вариации в волатильности объясняется совокупным действием трех факторов данной модели, что оставляет место для критики и последующих исследований.

Один из важнейших аргументов книги заключается в том, что партии и их организационные характеристики оказывают значимое влияние на поведение избирателей и их предпочтения. В соответствии с теоретической моделью, стоит ожидать, что в результате «обучения» электорат должен стабилизироваться в какой-то временной точке, с учетом того, что все три анализируемых фактора действуют весь период наблюдения. Другими словами, реноминация партийных представителей и децентрализация отбора кандидатов должны работать на снижение волатильности, что не наблюдается эмпирически. Означает ли это, что действие вышеобозначенных механизмов имеет краткосрочный эффект? Или их действие компенсируется другими механизмами, например системного уровня?

Другая проблема книги находится на теоретическом уровне: справедливо указывая на необходимость разработки теории «среднего уровня», что обычно связывают с институциональной теорией, и, более того, заявляя о поиске «институционального объяснения» электоральной волатильности, автор мало внимания уделяет теоретической стороне этого вопроса. В тексте нет дефиниции понятия «институт», а в списке литературы можно встретить лишь основную литературу по институционализму. Следуя за идеей Драймера и Крехбеля (Diegmeier, Krehbiel 2003) о разграничении «теории института» и «институциональной теории», следует отнести рассматриваемую работу к первой категории: она не полагается на разработки в области институционального анализа, но являет собой попытку прояснить работу такого института, как политические партии. Остается за скобками и основополагающее для институционализма разграничение между институтами и организациями.

Наконец, снижает общее впечатление от работы несколько механистический подход к отбору переменных для анализа. Хотя присутствует опора на существующую литературу по теме (что имеет высокую ценность само по себе), тем не менее, отбор переменных производится скорее методом перебора. Потрясающе богатый эмпирический материал и интересные аналитические решения в итоге приводят к умеренным по своей объясняющей силе результатам. И хотя в значительной мере это можно объяснить установившимся жанром сравнительных исследований в современных социальных науках, которым автор владеет в совершенстве, на наш взгляд, лучшие в аналитическом плане части рабо-

ты посвящены не описанию полученных результатов статистического анализа, а сопоставлению различных кейсов.

Несмотря на высказанные замечания, книгу Гергины можно охарактеризовать как очень своевременную для продолжения сравнительных исследований и дающую важный посыл – рассматривать партии в контексте широких механизмов политического представительства. Кризис институтов представительства в устоявшихся демократиях обсуждается как минимум с конца 1970-х гг., однако фаталистские предсказания об упадке партий и парламентаризма до сих пор не сбылись. Тем не менее давление социальных движений и других внеинституциональных форм политического участия, развитие картельных и окончательных уход массовых партий – все это заставляет задуматься об укреплении связи между гражданами и существующими политическими институтами. Эта задача важна не только для исследователей, но и для политиков (партийных и беспартийных) и активных граждан. Исследование Гергины вносит важный вклад в понимание природы и динамики этих связей.

Отдельно стоит отметить книгу за систематическое и искусно выполненное описание и анализ партийно-организационных процессов в государствах Центральной и Восточной Европы. Возможно, эта книга не открывает данный регион, но уж точно позволяет взглянуть по-новому на входящие в него страны.

А.В. Семенов

Пермский государственный университет

Литература

Diermeier Daniel, Keith Krehbiel. Institutionalism as a Methodology // Journal of theoretical politics. 2003. Vol. 15, № 2. P. 123–144.

Рецензия поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Semenov Andrey V., Perm State University (Perm, Russian Federation).

Gherghina, Sergiu. Party Organization and Electoral Volatility in Central and Eastern Europe: Enhancing Voter Loyalty. Routledge, 2014. ISBN 978-0415737166

DOI: 10.17223/2312461X/9/6

Referensis

Diermeier Daniel, Keith Krehbiel. Institutionalism as a Methodology. Journal of theoretical politics, 2003, Vol. 15, no. 2, pp. 123–144.

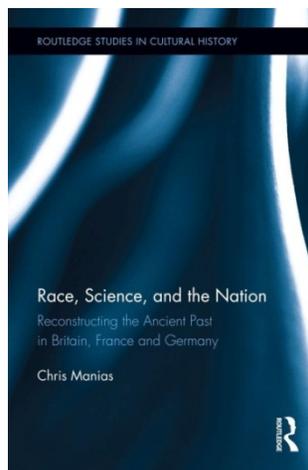
УДК 94(410)

DOI: 10.17223/2312461X/9/7

Manias, Chris. *Race, Science and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany, 1800–1914*. London & New York: Taylor and Francis, 2013. 302 p.

ISBN 978-0-415-83299-1

(Д.А. Трынкина)

В создании национальных мифов большую роль играют ссылки на результаты научных исследований: таким образом доказывается обоснованность полученных конструкций. Корни современного европейского национализма берут свое начало в новом времени – уже тогда он был тесно связан с результатами научных изысканий.

Крис Маниас, специалист по истории Европы Нового времени, преподаватель Манчестерского университета, в своей книге утверждает, что национальные мифы, существовавшие в Европе в XIX столетии, как и сегодня, базировались на применении определенных научных методов, через которые выявлялись сведения о происхождении европейских народов. Его работа, основанная на ряде ранее изданных им статей (Manias 2009: 733–757; Manias 2012a: 910–935; 2012b: 1–31), посвящена рассмотрению этого вопроса в контексте филологии (с привлечением данных по фольклористике), этнологии, археологии и антропологии в Великобритании, Франции и Германии XIX в.

Автор обращает внимание на то, что, за исключением антропологии, историография вышеперечисленных наук писалась учеными, находившимися в русле своей научной традиции. Таким образом, он подчеркивает, что его книга призвана применить методы истории науки к рассмотрению развития этих дисциплин. Определенной научной новизной обладает также задача, поставленная перед собой К. Маниасом: показать не просто развитие научных дисциплин в той или иной стране, а в целом выявить общие тенденции в развитии науки указанного региона.

Главы книги выстроены в хронологическом порядке, и в каждой вопрос происхождения народов Великобритании, Франции и Германии

рассматривается через призму восприятия научных дисциплин XIX в. Крис Маниас неоднократно подчеркивает, что из-за тесной связи этнологии, антропологии, филологии и археологии в то время, бывает достаточно сложно провести междисциплинарные рамки, поэтому первая глава посвящена у него одновременно этнологии и филологии, вторая – археологии, третья – истории. Все они охватывают периоды примерно до середины XIX в. Как известно, с открытием А. Ретциусом черепного указателя методы сравнительно-исторического языкознания уступают место методам физической антропологии, прежде всего – измерению найденных в ходе археологических раскопок черепов и сличению их показателей с данными измерений представителей современных народов. По этой причине далее в книге К. Маниаса имеет место некая переориентация: четвертая и пятая главы посвящены антропологии и археологии в их развитии до семидесятых годов. Последние же две главы демонстрируют общее направление научной мысли в конце XIX в. и наиболее ярко показывают ее связь как с внутрисполитическими событиями, непосредственно влиявшими на развитие науки, так и с внешними. К примеру, К. Маниас указывает, что в 80-х гг. XIX в. в науке закрепились существенная разница в результатах измерений черепов немцами и французами, что автор связывает с общим охлаждением отношений между Французской республикой и Германской империей после Франко-прусской войны и аннексии Эльзаса и Лотарингии.

Привлекая значительный по объему материал, Маниас рассматривает как достаточно известные, так и сравнительно недавно выявленные гипотезы происхождения народов Великобритании, Франции и Германии, которые возникали в XIX в. Например, автор специально останавливается на викторианской концепции об иберах как древнейшем населении Британских островов, рисуя при этом схему изменения представлений об аборигенах Британии «от кельтов – к иберам». Он также упоминает о существовавшей в то время в работах британских, скандинавских и немецких ученых концепции о финно-угорском аборигенном населении Британских островов, однако полагает, что она не имела особенного влияния. Последнее утверждение вряд ли можно считать точной оценкой. Это хорошо видно, например, при обращении к публикациям литературоведа К. Сильвер (Silver 1999), историков Л. Хендерсон и Э.Дж. Коуэна (Henderson, Cowan 2001), а также фольклориста А. Грайдеходжа (Grydehøj 2013a: 39–48; 2013b: 107–114) – исследователей, которые доказывали, что данная концепция пользовалась значительной популярностью как у филологов и этнологов первой половины XIX в., так и у более поздних антропологов.

В целом книга К. Маниаса написана на высоком научном уровне, содержит чрезвычайно информативный материал и может быть интересна как специалистам в области изучения истории, этнологии, антро-

пологии, фольклористики и археологии, так и всем желающим расширить свое представление о происхождении народов Великобритании, Франции и Германии в XIX в.

Д.А. Трынкина
Московский государственный университет

Литература

- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part I: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // *Journal of Marine and Island Cultures*. June 2013a. Vol. 2, is. 1. P. 39–48.
- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part II: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // *Journal of Marine and Island Cultures*. December 2013b. Vol. 2, is. 2. P. 107–114.
- Henderson L., Cowan E.J.* *Scottish Fairy Belief: A History*. Edinburgh, 2001.
- Manias C.* «Our Iberian Forefathers»: The Deep Past and Racial Stratification of British Civilization // *The Journal of British Studies*. October 2012a. Vol. 5, is. 4. P. 910–935.
- Manias C.* The Growth of Race and Culture in mid-nineteenth century Germany: Gustav Klemm and the Universal History of Humanity // *Modern Intellectual History*. 2012b. Vol. 9, № 1. P. 1–31.
- Manias C.* The Race prussienne Controversy: Scientific Internationalism and the Nation // *Isis*. 2009. Vol. 100, № 4. P. 733–757.
- Silver C.* *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness*. Oxford, 1999.

Рецензия поступила в редакцию 11 июня 2015 г.

Trynkina Daria A., Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Manias, Chris. *Race, Science and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany, 1800–1914*. London & New York: Taylor and Francis, 2013. 302 p. ISBN 978-0-415-83299-1

DOI: 10.17223/2312461X/9/7

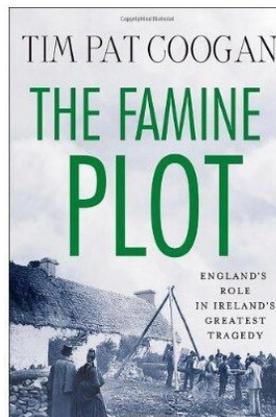
References

- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part I: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans, *Journal of Marine and Island Cultures*, June 2013a, Vol. 2, iss. 1, pp. 39–48.
- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part II: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans, *Journal of Marine and Island Cultures*, December 2013b, Vol. 2, iss. 2, pp. 107–114.
- Henderson L., Cowan E.J.* *Scottish Fairy Belief: A History*. Edinburgh, 2001.
- Manias C.* «Our Iberian Forefathers»: The Deep Past and Racial Stratification of British Civilization, *The Journal of British Studies*, October 2012a, Vol. 5, iss. 4, pp. 910–935.
- Manias C.* The Growth of Race and Culture in mid-nineteenth century Germany: Gustav Klemm and the Universal History of Humanity, *Modern Intellectual History*, 2012b, Vol. 9, no. 1, pp. 1–31.
- Manias C.* The Race prussienne Controversy: Scientific Internationalism and the Nation, *Modern Intellectual History*, 2009, Vol. 100, no. 4, pp. 733–757.
- Silver C.* *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness*. Oxford, 1999.

УДК 346.167:94(4)

DOI: 10.17223/2312461X/9/8

Coogan, Tim Pat. *The Famine plot: England's role in Ireland's greatest tragedy*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. 271 p. ISBN 978-0-230-10952-0
(Е.П. Власова)

Тим Пэт Куган не нуждается в представлении для всех, кто интересуется историей Ирландии. В настоящее время его называют одним из главных историков этой страны, который посвятил свои труды таким проблемным темам, как Великий голод, эмиграция, конфликт в Северной Ирландии.

В название своей новой работы, вышедшей в 2012 г., Куган выносит основную проблематику исследования – роль англичан в величайшей трагедии Ирландии. Следует отметить, что тема Великого голода, одна из самых изучаемых в ирландской истории, подобно любой другой популярной теме, обросла клише, перевираанием фактов на ранней истории изучения и односторонностью в рассмотрении целого ряда проблем. Тим Пэт Куган выбрал самую деликатную сторону в истории Великого голода – степень вины англичан в ирландской катастрофе. Как уже было сказано выше, изучение данной темы было подвержено ряду историографических проблем. Долгое время причастность англичан к этим событиям замалчивалась в историографии, и акцент делался только на распространении самого грибка-фитофторы, поразившего картофель в Ирландии и по всей Европе в середине XIX в. Тема вины англичан, в том числе и неудачные политические шаги правительства, такие как ввоз индийского зерна, создание работных домов, поощрение продажи земельных участков и стимулирование эмиграции, все чаще стали появляться на страницах исследований, постепенно приближаясь к главному вопросу – была ли эта трагедия, обескровившая Ирландию в два раза, случайной или же спланированной. Монография Кугана принадлежит к новаторским работам по изучению как Великого голода, так и самой истории англо-ирландских отношений, в первую очередь, благодаря широкому фактическому материалу и привлечению большого числа различных источников.

Исследуя данную тему, Куган касается всех ее аспектов. Он кратко пишет о том, как складывались англо-ирландские отношения в политическом плане и в сфере религии. Далее он весьма красочно описывает условия жизни ирландцев в деревне XIX в.: «Основой их жилища были грязные хижины, покрытые соломой... Любое улучшение дома привело бы к тому, что хозяева подняли бы цену за аренду» (р. 20). Условия жизни были тяжелыми физически и психологически. Крестьяне жили в плохо проветриваемых домах, в единственной комнате, где вынуждены были спать несколько поколений одной семьи. Тяжелые условия жизни наталкивали ирландцев на мысль о том, что женатыми жить проще, чем неженатыми, так как гораздо легче было вести хозяйство. Это привело к тому, что за период с 1741 по 1845 г. население Ирландии возросло в три раза (р. 20–21). К середине XIX в. это была самая густонаселенная страна Европы (История Ирландии 1980: 186). В самый обычный год были «голодные месяцы», продолжавшиеся с марта по июль – с момента посадки картофеля до первого сбора урожая. Как говорят в народе, картофель в Ирландии растет от «Падди до Билли» – со Дня Святого Патрика, который празднуют 17 марта, до Дня Вильгельма Оранского, отмечаемого 12 июля (р. 21). Ирландия XIX в. нуждалась в реформировании земельной системы, развитии инфраструктуры, строительстве портов и мостов (р. 31). Тем не менее автор не останавливается на описании жизни в Ирландии, освещая подробно лишь роль «Закона о бедных» 1834 г., по которому предусматривалось создание работных домов и ни один работоспособный человек не имел права получать никакую помощь от местной администрации, кроме как в подобных домах. Условия труда и жизни в работных домах были просто нечеловеческими.

Рассказывая о политике англичан в Ирландии, Куган персонализирует ее, подробно останавливаясь на личностях ответственных и за «Закон о бедных», и за политику во время Великого голода. Если раньше все это описывалось совокупной политикой партии вигов, то в данной книге подробно освещаются слова и действия английских политиков в Ирландии. Куган называет их «пятью актерами» (р. 43). Это были два премьер-министра Великобритании – консерватор сэр Роберт Пил (1842–1846) и следующий за ним лорд Джон Рассел (1846–1852). Другими двумя игроками были министр финансов Сэр Чарльз Вуд и министр внутренних дел Сэр Джордж Грей. Но главную роль автор отводит заместителю министра финансов – Сэру Чарльзу Тревелиану, который, по его мнению, был основной фигурой в истории ирландского голода. «Даже если Тревелиан был гражданским служащим, пусть и возвышенным, в то время как ирландский голод чеканился в наковальне политики вигов, именно Тревелиан наносил удары молотом» (р. 101). Среди важных политических фигур того времени со стороны ирландцев была лишь тающая во времени личность Дэниела О'Коннелла, который

тяжело перенес тюремное заключение и умер в 1847 г. (р. 43–44). Важную роль Куган отводит не только действиям своих героев, но и их словам. Он подробно останавливается на речи Тревелияна, в которой тот весьма уничижительно отзываясь об ирландцах, и даже приводит полный ее текст в приложении. Повествование о политических шагах Тревелияна подкрепляется его многочисленными высказываниями о своей работе и подвластном ему народу, вроде «ирландское имущество должно быть оплачено ирландской бедностью» (р. 163).

Также Куган анализирует действия протестантской церкви во время Голода. Когда создание «суповых кухонь» сопровождалось не только антисанитарией и плохим рецептом этого самого «супа», представлявшего из себя часто лишь муку с водой, но и таким обязательным условием его получения, как переход в протестантскую религию. «Голодающие католики нуждаются не в еде, а в Библии» – так говорили английские священники в то время (р. 147).

Таким образом, в 13 главах своей книги автор останавливается на каждом моменте, связанном с Великим голодом – от описания обстоятельств, при которых начался голод, до эмиграции в Америку и основных последствий голода для Ирландии. Среди наиболее интересных и новаторских сюжетов книги стоит также отметить главу о жизни ирландских лордов во время печальных событий (р. 179–188).

Куган наполняет монографию многочисленными историями из жизни простых ирландцев, широко привлекая для этой цели архивные и литературные материалы – письма, газетные статьи, дневники, поэзию.

С антропологической точки зрения эта работа весьма интересна благодаря подробнейшим сведениям о жизни ирландцев XIX в., богатому эпистолярному материалу и тому, что, как уже говорилось выше, это монография об англо-ирландских отношениях. Описывая антагонизм двух народов, приводя цитаты английских политических и религиозных лидеров, рассказывая о той пропаганде, которую вели англичане во время Голода, и той дискриминации, которой они подвергали ирландцев в печати, Куган, тем не менее, не говорит о самом главном. Каждая глава говорит читателям о той роли, какую англичане сыграли в трагедии Великого голода в Ирландии, но главные слова автор так и не произносит. Эти слова – расизм и геноцид. Избегая неловкости в обвинении англичан в геноциде, автор приводит в приложении цитаты из Конвенции ООН касательно геноцида. Он как бы подводит своих читателей к этой мысли, но сам весьма деликатен с выводами. На протяжении всей книги он ни разу не пишет напрямую о том, что это был именно геноцид. Такая же ситуация и с расизмом. Говоря об англо-ирландских отношениях, автор приводит все доводы к тому, что это было не просто религиозное и политическое противостояние, это именно ненависть англосаксов к кельтам, к народу, который они считали ниже по статусу. И монография, которая касается наиболее

острого вопроса ирландской истории, которая предельно качественно и добросовестно подобрала аргументацию, утонула в главном историографическом клише последних лет. Дело в том, что работа Кугана подхвачена темой «эмиграции национализма», основной линии изучения эмиграции из Ирландии и самого Великого голода. Великий голод спровоцировал эмиграцию, эмиграция подарила ирландскую независимость. Ведь именно в США появились первые филокельтские движения, группировки, которые помогали своим соотечественникам, оставшимся дома.

В результате исследования Куган приходит к тому выводу, к той самой цепочке – Великий голод – эмиграция – независимость Ирландии, к которой уже пришли до него (например, Scally 1995), просто наполнив ее новыми фактами и остротой противостояния с англичанами. Но саму природу этого противостояния, этой ненависти друг к другу он не указал. Вопросы о степени вины и причастности англичан к Великому голоду поднимаются на занятиях в высших учебных заведениях Ирландии, обсуждаются на конференциях, но так и не появляются в печатных изданиях. Сами ирландцы говорят, что вместо «геноцид ирландского народа» они производят «Великий голод». Монографию Тима Пэт Кугана можно рассматривать в качестве примера того, как наиболее важные темы в истории изучаются с осторожностью и политической деликатностью. Тема англо-ирландских отношений все еще сложна для изучения и свидетельствует о том, что последствия Кризиса в Северной Ирландии не решены до конца. Исследования по истории Ирландии обычно заканчиваются либо словами о Соглашении Страстной Пятницы, либо о том, что в Белфасте все еще стоит стена, разделяющая район города на католическую и протестантскую стороны. Тим Пэт Куган заканчивает свою книгу словами о Соглашении Страстной Пятницы, но ведь стена в Белфасте все еще стоит.

Е.П. Власова

Московский государственный университет

Литература

История Ирландии / Под ред. Л.И. Гольмана. М.: Мысль, 1980. 394 с.

Scally R.J. *The End of the Hidden Ireland. Rebellion, Famine, and Emigration*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 261 p.

Рецензия поступила в редакцию 1 августа 2015 г.

Vlasova Elena P., Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Coogan, Tim Pat. *The Famine plot: England's role in Ireland's greatest tragedy*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. 271 p. ISBN 978-0-230-10952-0

DOI: 10.17223/2312461X/9/8

References

Istoriia Irlandii [The History of Ireland], Ed. by L.I. Gol'man. Moscow: Mysl', 1980. 394 p.

Scally R.J. *The End of the Hidden Ireland. Rebellion, Famine, and Emigration*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 261 p.

УДК 796:93+32(4)

DOI: 10.17223/2312461X/9/9

Пасынкова В.В. *Спорт и политика в Европе*. – СПб.: Норма, 2014. – 217 с. (Европейские исследования). ISBN 978-5-87857-227-9 (О.В. Баяв)

Монография «Спорт и политика в Европе» Вероники Владимировны Пасынковой посвящена теме, которая пока слабо представлена в отечественной науке¹. Задача, решению которой посвящена работа В.В. Пасынковой, является многоплановой и сложной, и структура работы отражает амбициозность авторского замысла. Стоит заметить, что сюжет каждой из пяти глав книги заслуживает как минимум отдельного монографического исследования, а то и нескольких. Попытка же автора «объять необъятное» достойна уважения, но неизбежно, как мне представляется, приводит к потере глубины.

Первая глава книги посвящена развитию междисциплинарного направления, названного автором «спортивной политологией», под которой понимаются «исследования спорта в политике и обществе, складывающиеся в рамках социологии спорта и политических исследований спорта» (с. 14). Хотя, как отмечает В.В. Пасынкова, самостоятельность этого направления как академической дисциплины остается спорной даже в западной науке, где исследования в данном направлении ведутся уже достаточно давно. В работе нет ссылок ни на одного русскоязычного автора, в то время как перечень трудов зарубежных авторов насчитывает 58 наименований, что свидетельствует о крайней неразвитости данного направления в местном интеллектуальном пространстве.

Во второй главе «История спорта в Европе» автор анализирует возникновение феномена «современного спорта» и прежде всего олимпий-

ского движения. Однако масштабность замысла привела к тому, что многие темы только упоминаются, но не раскрываются. Например, автор упоминает факт включения в состав участников Олимпийских игр этнических и сексуальных меньшинств (с. 73), однако этот тезис остается нераскрытым. Насколько нам известно, никаких официальных ограничений на участие меньшинств в Олимпиадах не было, а до введения гендерного тестирования в женских соревнованиях принимали участие люди с мужским уровнем тестостерона. Можно привести массу примеров успешных спортсменов, которые представляли этнические меньшинства без каких бы то ни было дискриминационных практик, и сам автор об этом пишет. Например, в футболе это капитан сборной Франции Кабир Зинедин Зидан и его товарищ по сборной баск Бишенте Лизаразу (с. 192–193).

В третьей главе автор анализирует роль спортивных событий в национальном строительстве и международных отношениях. При этом отмечается огромное символическое значение спорта, которое делает возможным его использование и для признания национального суверенитета, и для поощрения дипломатии, и для применения санкций. Интересно, что последний аспект до сих пор практически никак не применен в ходе развития российско-украинского конфликта. Пожалуй, пока единственным значимым его последствием в спортивной сфере стало разведение российских и украинских команд при жеребьевках международных футбольных турниров. В целом автору удалось продемонстрировать «политическую жизнь спорта», т.е. показать, насколько спорт включен в политическую систему на разных уровнях многих европейских стран.

Четвертая глава анализирует систему управления спортом на европейском уровне и в рамках международного олимпийского движения. Система управления спортом является сложной и постоянно меняется, и, наверное, это может объяснить те досадные неточности, которые встречаются в монографии. Так, Генеральная ассоциация международных спортивных ассоциаций (с. 131) с марта 2009 г. называется «Международный конвент Спорт-Аккорд» и не включает в свой состав Международную федерацию футбольных ассоциаций². Подавляющее большинство, а не «некоторые международные федерации проводят собственные чемпионаты мира» (с. 131–132). Остался нераскрытым тезис о том, что активизация роли Европейского союза в олимпийской системе привела к решению Европейского суда по «делу Босмана» (с. 132, 137–138), согласно которому игроки, у которых истек срок контракта с клубом, могли перейти в другой клуб без денежной компенсации.

В заключительной главе прослежена история системы управления европейским футболом, в том числе интеграция в него футбола российского.

Можно перечислить еще несколько досадных неточностей, которые снижают общее впечатление от работы. Футбольные турниры Олимпиад не считаются с 1908 г. чемпионатами мира, а их победители – обладателями титула чемпионов мира (с. 176). Подобное явление имело место в хоккее с шайбой в 1928 и 1936–1968 гг.³ ФИФА лишь официально признает олимпийские турниры 1924 и 1928 гг. «чемпионатами мира среди любительских сборных». Первой африканской командой, принявшей участие в финальной части чемпионата мира, стало не Марокко в 1970 г. (с. 179), а Египет в 1934 г.

Несколько преувеличивает, по нашему мнению, автор и существующую сегодня степень свободы европейских игроков в перемещении между клубами (с. 178). Действительно, после «дела Босмана» в европейских клубах может играть неограниченное число футболистов с европейским гражданством, в результате чего клубы фактически превращаются в «сборные мира», и иногда в составе команды не оказывается ни одного местного игрока. Однако действующие трансфертные правила сильно ограничивают свободу любого футболиста при переходе в другой клуб, поскольку суммы компенсаций предыдущему клубу за трансфер игроков порой достигают десятков миллионов евро.

Что касается ввоза в Европу несовершеннолетних игроков из неевропейских стран (с. 188), то большинство из них попадает в Европу все-таки легально, и их родители с помощью клубов получают работу. Однако в результате конкурентной борьбы значительная часть этих игроков по достижении совершеннолетия (как, впрочем, и игроков европейских) не получает предложения заключить контракт и продолжить профессиональную футбольную карьеру.

Большие успехи женской сборной США по футболу на чемпионатах мира не превращают соккер в «женский» вид спорта (с. 191). Женская профессиональная лига США прекратила существование в 2012 г., а матчи мужских команд профессиональной футбольной лиги США и Канады (MLS⁴) собирают десятки тысяч зрителей из-за притока в США европейских звезд, завершающих свою карьеру.

Есть в работе и фактические ошибки. Так, президент ФИФА Йозеф Блаттер назван Дэвидом (с. 167), видимо, в честь самого популярного среди женщин футболиста в истории человечества – Дэвида Бекхэма. Организация G-14 (с. 189) была создана в 2000 г. 14 футбольными клубами, что отражено в ее названии, а еще четыре команды присоединились к ней в 2002 г. Первый чемпионат СССР был проведен не в 1923 г., а лишь в 1936 г., так как шесть непериодических турниров в 1923–1935 гг. считались первенствами СССР, в них принимали участие не клубы, а сборные городов и республик. «Промкооперация» – это не «подразделение Министерства торговли СССР» (с. 200), созданное в марте 1946 г., а название команды – предшественницы «Спартака», су-

ществовавшей в 1931–1934 гг. Турнир, выигранный сборной СССР в 1960 г., назывался Кубок Европы, а Кубок европейских чемпионов разыгрывали клубы – чемпионы европейских стран. Крупнейшим же успехом сборной СССР наряду с победой на Олимпийских играх 1988 г. (с. 201) следует считать вообще не упомянутую автором аналогичную победу в 1956 г. в Мельбурне.

Льготное налогообложение российских клубов в 1990-е гг. способствовало не столько выводу их владельцами средств за границу (с. 202), сколько, прежде всего, беспощинному вывозу в Россию табачных изделий и алкогольных напитков. Достаточно редкое посещение Б.Н. Ельциным матчей московского «Спартака» вряд ли можно оценить как проявление его покровительства, так как в 1990-е гг. только «Спартак» проводил действительно важные матчи с сильнейшими зарубежными командами. Преувеличивает, на наш взгляд, автор и роль руководства и игроков московского «Спартака» в победе Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. Именно в 1995 г. московский «Спартак» единственный раз за 1990-е гг. проиграл в чемпионате России владикавказскому «Спартаку», тренер которого В.Г. Газзаев публично поддерживал кандидатуру Б.Н. Ельцина в президенты. Министерство обороны России продало последние 25% акций ПФК ЦСКА еще в 2012 г. (с. 203).

По нашему мнению, футбол, в отличие от образования, здравоохранения, культуры и демографии, все-таки не стал приоритетным национальным проектом в 2000-е гг. (с. 203). Российские олигархи вкладывают средства в развитие национальной сборной и российских клубов вовсе не благодаря публичной критике президента Российского футбольного союза В.И. Колоскова. Последнего отправили в отставку как раз накануне заключения контракта с самым успешным тренером сборной России Гусом Хиддинком, который фактически получал зарплату от Р. Абрамовича. Об интеграции же российского футбола в европейский футбол свидетельствуют, по нашему мнению, не столько скромные успехи российских клубов и сборной России, сколько массовый приток европейских игроков и тренеров в российские клубы, а также успехи российских футболистов в европейских клубах. Трудно согласиться с утверждением Вероники Владимировны о том, что более масштабные успехи советского футбола вовсе свидетельствовали о его интеграции в европейский футбол. Остался нераскрытым и тезис о том, как встраивание футбола в систему государственного корпоративизма в России ограничивает свободную конкуренцию и мешает «честной игре» (с. 206).

Тем не менее указанные замечания ни в коей мере не снижают ни научную, ни прикладную ценность рецензируемого исследования. Автор сумела выйти за рамки узкого понимания спорта и рассмотрела данный феномен с различных сторон. Монография «Спорт и политика в Европе» может быть использована как учеными, так и педагогами сред-

ней и высшей школы в исследовательской и преподавательской деятельности.

О.В. Баев

Кемеровский государственный университет

Примечания

¹ Работы М.А. Богдановой и А.Н. Тарасова являются в этом плане приятным исключением (Тарасов 2010; Богданова 2013).

² Официальная Интернет-страница Международного конвента «Спорт-Аккорд». URL: <http://www.sportaccord.com> (дата обращения: 5.09.2015).

³ Интернет проект «Хоккейные архивы». URL: <http://hockeyarchives.ru/national.html> (дата обращения: 07.09.2015).

⁴ Официальный сайт Профессиональной футбольной лиги США и Канады. URL: <http://www.mlssoccer.com> (дата обращения: 07.09.2015).

Литература

Богданова М.А. Институт спорта: социокультурная динамика. Ростов н/Д, 2013.

Тарасов А.Н. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией. М., 2010.

Интернет-проект «Хоккейные архивы». URL: <http://hockeyarchives.ru/national.html> (дата обращения: 07.09.2015).

Официальная интернет-страница Международного конвента «Спорт-Аккорд». URL: <http://www.sportaccord.com> (дата обращения: 5.09.2015).

Официальный сайт Профессиональной футбольной лиги США и Канады. URL: <http://www.mlssoccer.com> (дата обращения: 07.09.2015).

Рецензия поступила в редакцию 10.09.2015 г.

Baev Oleg V., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

Пасынкова В.В. Спорт и политика в Европе. СПб.: Норма, 2014. 217 с. (Европейские исследования). ISBN 978-5-87857-227-9

DOI: 10.17223/2312461X/9/9

References

Bogdanova M.A. *Institut sporta: sotsiokul'turnaia dinamika* [The Institution of Sports: Sociocultural Dynamics]. Rostov-na-Donu, 2013.

Tarasov A.N. *Subkul'tura futbol'nykh fanatov v Rossii i pravyi radikalizm, Russkii natsionalizm mezhd u vlast'iu i oppositsiei* [Russian Nationalism Between the Government and Opposition]. Moscow, 2010.

Internet proekt "Khokkeinye arkhivy" [Web-project «Hockey Archives»]. Available at: <http://hockeyarchives.ru/national.html> (Accessed 7 September 2015).

Ofitsial'naiia Internet-stranitsa Mezhdunarodnogo konventa "Sport-Akkord" [Official Web-page of the International Federations' Union «Sportaccord»]. Available at: <http://www.sportaccord.com> (Accessed 5 September 2015).

Ofitsial'nyi sait Professional'noi futbol'noi Ligi SShA i Kanady [Official Web-site of USA and Canada Major League Soccer]. Available at: <http://www.mlssoccer.com> (Accessed 7 September 2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЕВ ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

E-mail: baev-ov@rambler.ru

ВЛАСОВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА – аспирантка кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета.

E-mail: lenkawoody@ya.ru

ВОЛЬФСОН САВЕЛИЙ ВОЛЬФОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета.

E-mail: volfson@dir.tsu.ru

ДЕРИГЛАЗОВА ЛАРИСА ВАЛЕРИЕВНА – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета.

E-mail: dlarisa@inbox.ru

НЕЛАЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат политических наук, доцент Тюменского государственного университета.

E-mail: gnelaeva@mail.ru

РОЖАНОВСКАЯ НИНА КОНСТАНТИНОВНА – переводчик-фрилансер.

E-mail: nina.rozhanovskaya@gmail.com

САКВА РИЧАРД – профессор, университет Кента, Кентербери, эксперт Программы по России и Евразии Королевского института международных отношений (Чэтэм хаус), Великобритания.

E-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk

СЕМЕНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Пермского государственного университета.

E-mail: andre.semenoff@gmail.com

ТРЫНКИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – младший научный сотрудник кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета.

E-mail: uwvalo@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

BAEV OLEG VALERIEVICH – candidate of science (History), associate professor, Kemerovo State University.

E-mail: baev-ov@rambler.ru

DERIGLAZOVA LARISA VALERIEVNA – doctor of science (History), professor, Tomsk State University.

E-mail: dlarisa@inbox.ru

NELAEVA GALINA ALEXANDROVNA – candidate of science (Political science), associate professor, Tyumen State University.

E-mail: gnelaeva@mail.ru

ROZHANOVSKAYA NINA KONSTANTINOVNA – freelance translator.

E-mail: nina.rozhanovskaya@gmail.com

SAKWA RICHARD – professor, University of Kent at Canterbury; Associate Fellow, Russia and Eurasia Programme, Royal Institute of International Affairs (Chatham House), the United Kingdom.

E-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk

SEMENOV ANDREY VLADIMIROVICH – candidate of science (Political science), senior researcher, Perm State University.

E-mail: andre.semenoff@gmail.com

TRYNKINA DARIA ALEXANDROVNA – junior researcher, Department of Ethnology, Moscow State University.

E-mail: uwwalo@mail.ru

VLASOVA ELENA PETROVNA – Ph.D. student, Department of Ethnology, Moscow State University.

E-mail: lenkawoody@ya.ru

WOLFSON SAVELY WOLFOVICH – candidate of science (History), associate professor, Tomsk State University.

E-mail: volfson@dir.tsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that ***the author's last name is to be given on the title page only***. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный периодический журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2015. № 3

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.09.2015 г. Формат 70x108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,7. Гарнитура Times.
Тираж 200 экз. Заказ № 1279.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru